А.А.Любищев. Этика ученого. (А.Любищев против догматизма в науке). Подбор писем и статей А.Любищева против лысенковщины О.П.Орлицкой. Ульяновск, 1999.

(От составителя*:* В этом сборнике я постаралась собрать то, что написано А. А. за период 1953-55 гг. - период его открытых выступлений в борьбе против монополии и догматизма. Выдержки из писем от разных лиц и автора статей к своим корреспондентам даны для понимания, в какой обстановке писались статьи и как они воспринимались. Для этого же приводятся и некоторые выдержки из журнальных статей.

О. Орлицкая 19.VIII.55 г.)

Надо или не надо?

Немногим более 50 лет назад, а именно в августе 1948 года состоялась сессия ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина), на которой с подачи Т.Лысенко и с одобрения И.Сталина состоялся политический разгром отечественной генетики. Запрет на научные исследования в области классической и молекулярной генетики просуществовал до 60-х годов. Последствия этого запрета сказываются и сейчас. И не только в области теории, но и в практике сельского хозяйства и в уровне подготовки кадров работников имеющих отношение к различным разделам биологии.

Несмотря на жесточайший идеологический, политический и административный прессинг уже в начале 50-х годов ряд принципиальных, честных ученых обращался в высшие партийные инстанции (обращаться в редакции научных журналов было бесполезно - материалы даже с намеком на критику Лысенко не принимались) с критикой того положения, которое сложилось в биологической науке после сессии ВАСХНИЛ.

И одним из первых за свободное развитие биологической науки выступил зав. кафедрой зоологии Ульяновского педагогического института, профессор А.А. Любищев.

Проблемы генетики и ее влияния на положение в сельском хозяйстве в то время не входили в круг его научных интересов. А поэтому, естественно, перед ним встала этическая проблема - надо или не надо вмешиваться ученому в дискуссию, которая прямо его не касается, но которая затрагивает интересы науки и, даже более того, интересы страны в целом.

Члены семьи Любищева и друзья ученые в большинстве своем считали, что не следует вмешиваться в дискуссию, от участия в которой ничего, кроме неприятностей, ожидать не следует. При этом некоторые опасались, что его могут лишить работы (после сессии ВАСХНИЛ все преподаватели биологии, которые так или иначе выступали в защиту генетики были уволены), другие считали, что его арестуют (многие генетики стали узниками ГУЛАГа), а третьи советовали просто не отвлекаться от своих творческих планов.

Н.Я.Мандельштам писала ему: «Есть два долга: один - перед наукой, другой ответственность за те формы, которые получает данная отрасль данной науки в данную историческую минуту: я не уверена, что второй долг серьезнее

первого». И, тем не менее, А.А.Любищев выбрал «второй долг» т.к. считал, что «аракчеевский режим» в биологии является тормозом для развития науки вообще.
И потому 2 октября 1953 года он направил письмо в ЦК КПСС, лично Н.Хрущеву, с приложением статьи «О монополии Т.Д.Лысенко в биологии».
Совершив свой этический выбор «НАДО» А.Любищев затем вынужден был сражаться на два фронта. Убеждать тех весьма многочисленных, иногда далеких от биологии людей, в том числе некоторых известных писателей, считавших, что в «мичуринской» (лысенковской) биологии все-же что-то полезное есть и жестко критиковать тех, которые считали, что мичуринская биология является единственно правильной. Для этого он направлял во многие газеты и журналы критический анализ статей и литературных произведений, в которых так или иначе восхвалялась лысенковщина и обстоятельства ее породившие.
Обо всем этом читатель может узнать из данной книги, представляющей собой далеко не полное собрание статей и писем в защиту науки собранное женой А.А.Любищева, О.П.Орлицкой во втором томе «Мыслей о многом».
Было ли это «НАДО» тогда и «НАДО» ли это теперь? Вопрос не имеющий однозначного решения. Но следует иметь ввиду, что вопрос этического выбора «НАДО или не НАДО» вопрос вечный и для ученых и для каждого гражданина.
Опубликованные работы Любищева по этике:
1. Основной постулат этики «Полит.агитация», 1989, N21. Ульяновск
2. Двух станов не боец. Ульяновск, 1990
3. Генетика и этика. «Химия и жизнь», 1991, N6; см.также в книге В.П.Эфроимсона «Генетика этики и эстетики», Санкт-Петербург, 1995.
4. Об этике ученого. «Химия и жизнь», 1994, стр. 37-40 (данная работа, однако, напечатана в сокращении. Ее объем - 19 страниц машинописи).
1. Часть статей и писем А.А.Любищева в защиту науки опубликованы в книге: А.А.Любищев. В защиту науки (статьи и письма). Составил Р.Г.Баранцев, Н.А. Папчинская, Л.: Наука, 1991.
2. В Российской высшей и средней школе вопрос об оценке лысенковщины стоит до сих пор, так что кажется, что Лысенко есть образ метафизический, наподобие Хлестакова или Чичикова; по крайней мере некоторые из российских ученых людей, недоучившиеся вовремя, но сохранившие и даже развившие все интеллектуальные амбиции и все неразвитые в должное время моральные качества, повторяют и повторяют, разумеется в ином масштабе, судьбу, образ и жизнь Трофима Денисовича Лысенко.

“Я никогда не пишу писем с просьбой их не оглашать, и мои довольно многочисленные писания не печатаются по обстоятельствам, от меня совершенно не зависящим...”

(Из письма к А. Корнейчуку, 1.II.55 г.)

Вместо введения
Советы осторожных людей:
(выдержки из писем)

“... Относительно Лысенко я думаю, что Вы занимаетесь бесполезным делом - только тратите напрасно время и создаете вокруг своего имени ореол беспокойного человека. Переключите лучше свою энергию Хальтику*. При Вашей голове и энергии - стоит ли заниматься этим? Невредно вспомнить Дон-Кихота.

“... увы, наши “верхи” склонны к крайней осторожности и поэтому, пока не принимают в дискуссии сколько-нибудь активного участия... Грустно, но факт...”

“... если бы Вы дали сессии ВАСХНИЛ наряду с ее отрицательными сторонами положительную оценку, как одобренную ЦК, и отметили бы то, что она расшевелила умы ученых, то это придало бы статье более объективный характер...”

“Я полагаю, что долг советского ученого заключается в том, чтобы вдуматься во все аргументы за и против по тому или иному вопросу, но в своем окончательном выводе не повторять обязательно того, что на данный момент является принятой интерпретацией. Вот если я когда-либо от этого отступлю, тогда я действительно заслужу упрек, что я пал ниже уровня советского ученого. Пока со мной не случилось этого...”

(Из письма проф. Л. к тов. Н.
Январь 1952 г.)

“Вы думаете, что если б я дал сессии ВАСХНИЛ наряду с отрицательными сторонами также и положительную оценку, как одобренную ЦК, и отметил бы, что она расшевелила умы ученых, то это придало бы моей статье более объективный характер. Это была бы не объективность, а чистейшее подхалимство. Решительно никаких положительных сторон сессия ВАСХНИЛА не имеет: это сплошной позор нашей истории; никаких умов она не расшевелила... Признать ошибку мешают прежде всего многочисленные “ученые” или из пробравшихся наверх лысенковцев, или из тех, кто из подхалимства и страха слишком много сделали уступок и теперь им неловко сознаться в их подхалимстве.

До 1948 года было несколько курсов дарвинизма. Сейчас, после “расшевеления мозгов”, мы не имеем никакого курса дарвинизма: во всех вузах преподают черт знает что по совершенно дикой программе. Сессия ВАСХНИЛ 48 года есть сплошной позор, принесший огромный вред нашему престижу заграницей среди честных прогрессивных людей. Если бы Лысенко не был так невежествен и вздорен, то можно было бы подумать, что какая-то вражеская рука вредила.

Полная аналогия с марризмом. Прочтите слова Сталина: “... если бы я не был уверен в личной честности Мещанинова и других, я решил бы, что здесь идет речь о вредительстве...”

1953 год

Из письма Е. А.* к О. П.

“... О бате я очень тревожусь все время, я думаю и передумываю всю его судьбу, так больно мне и страшно за него, и в тоже время я горжусь своим отцом, счастлива, что он такой, что поступает так, как полагалось поступать по его всегдашним убеждениям. Я знаю, что он имеет много единомышленников из своих сверстников, которые теоретически вполне солидарны с ним, но увы! - только теоретически. Только мой батя полностью сохранил темперамент своей молодости и высокие принципы товарищества и гуманности. От всего этого я очень счастлива, но не могу отделаться теперь от постоянной горькой мысли о нем - что же будет с ним на склоне дней?”

Что за причина тревоги дочери за отца?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к прошлому. Краткая хроника событий:

1948 г. “... Развернувшаяся на основе итогов сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук критика работы педагогического института показала, что и здесь научные работники неправильно трактовали отдельные теоретические положения биологии... Профессор Л. неверно трактовал теоретические вопросы биологии...

(газ. “Советская Киргизия”, декабрь 1948 г.)

“... С большим вниманием было выслушано выступление зав. кафедрой марксизма-ленинизма педагогического института

тов.Буйницкого, остановившегося на партийности в науке. Советская наука служит народу, и не должно быть никаких теоретических уступок за счет народа. Лысенко и Мичурин борьбу со своими теоретическими противниками всегда вели с позиций большевистской партии, а в своей повседневной работе опирались на диалектический материализм. И они победили, ибо только это учение дает правильную перспективу”.

(газ.”Советская Киргизия” от 26.XI.48 г.)

Итак, по мнению партийного руководства, проф. Л. неправильно трактовал отдельные теоретические положения.

Один из друзей проф. Л., тоже профессор, написал ему:

“... Я ни в чем не хочу Вас убеждать. Искатели истины неизбежно отклоняются в разные стороны от правильного пути - в соответствии с индивидуальными особенностями своего интеллекта. В самом разнообразии таких отклонений - одна из гарантий успешности этих поисков, в которых нас всех (независимо от философских и других взглядов) объединяет общая высокая цель".

Но возможны ли были эти отклонения в разные стороны после сессии ВАСХНИЛ’а в 1948 г. и , если были, то к чему они вели?

На этот вопрос красноречиво ответят некоторые выдержки из письма профессора Л. к его детям:

Фрунзе, 5.IX.48 г.

“... Ситуация сейчас такова, что мое положение может серьезно измениться. Вы все знаете о дискуссии в ВАСХНИЛ’е. После постановления Академии сняты с работы многие видные ученые... Есть намерение пересмотреть все кадры биологических кафедр. Сняты с заведования кафедрами дарвинизма авторы учебников, рекомендованных Министерством Высшего образования (Парамонов в Москве и Поляков в Харькове), а учебники, написанные в требуемом современностью духе, вообще еще не написаны. Это, между прочим, хороший урок тем, кто думал, что можно спастись достаточной угодливостью. Угождали, да оказалось не тем, кому надо: и осторожность не спасает. Меня в свое время упрекали в неосторожности, а я как раз тогда выступал против одного из столпов

морганизма, американца Меллера, когда он был в 1936 г. в Ленинграде...

... Сегодня состоялся доклад о сессии ВАСХНИЛ'а с критикой Биологического Института Кирфана*. В докладе докладчик коснулся и меня: недостаточная актуальность тем лаборатории, высказывания с одобрением Вейсмана, Дарлингтона и проч. Вчера говорил с нашим президентом. Он корректировал текст докладчика, кое-что смягчил и меня уговаривал не дон-кихотствовать. Я ему, конечно, заявил, что невозможно сгибаться шее, которая 58 лет в этом благородном искусстве не упражнялась и что, если будет провокация, то я смогу сказать лишнее. Но не думаю, чтобы было стремление во что бы то ни стало меня снять с работы, и президент Академии, конечно, в этом совершенно не заинтересован, а скорее наоборот..."

Волна "биологотрясения", по меткому выражению одного из академиков, в 1948 г. захватила не только проф. Л. в далекой Киргизии. Как видно из приведенной выше выдержки, эта волна его не захлестнула все же, вероятно, потому, что он был в далекой республике, где кадры ценились. Но им получен в этот период времени ряд писем от ученых, свидетельствующих о том, как поступали с искателями истины, не желающими получать ее в готовом, догматическом виде в наших научных центрах:

"...3. Х. я подал в отставку, - пишет один из крупных ученых нашей современности, - но несмотря на это, 10.IX меня (конечно, в моем отсутствии) в открытом заседании президиума отстранили от должности директора - я же сам ушел от заведования отделом, т. Е. вообще от службы... Я чувствую себя пока на свободе прекрасно и целиком ушел в теоретические писания. Ненавистная Вам, но любимая мной тема, послужила причиной моей опалы, а для меня остается главным источником интереса и работы...

Напишите, уцелели ли Вы, меня это беспокоит... - спрашивает профессора Л. один из его ближайших друзей и любимый учитель."[6)]

Другой корреспондент проф. Л. - академик, пишет о том же:

“... Вы просите написать, как мои дела. Пока у меня мало утешительного. Как Вы, вероятно, знаете в списке “аммовидов” мы стоим рядом с Иваном Ивановичем. Это, действительно, курьез. Ведь я никогда не занимался генетикой и ничего не писал на эти темы. Отношусь к этому инциденту юмористически, несмотря на то, что он имел практические последствия...

И далее:

... Не знаю, как сложатся мои обстоятельства в дальнейшем, но пока я хотел бы провести последние годы моей жизни главным образом, на Кавказе. Здесь я физически и морально чувствую себя лучше всего. На худой конец, поселюсь где-нибудь в глухом месте, где жизнь подешевле, и буду возделывать свой сад и огород, размышляя о “превратностях судьбы”...

Письмо показывает, что моральный дух уважаемого академика, уволенного из академии, не изменился от “превратностей судьбы”. Проф. Л. с женой решили, что в случае, если эта превратность коснется и проф. Л., то они поедут к другу, поселятся где-нибудь вблизи и будут тоже возделывать свой огород. Отставные ученые станут, так сказать, юннатами от огородничества.

Непонятным оказалось для проф. Л. слово “аммовид”. Запросил объяснения.

Академик ответил:

“... Вы просите разъяснить Вам смысл термина “аммовид”. Это, конечно, не насекомое, хотя очень напоминает “аммофил” - симпатичных ос. Аммовид - животное во всех отношениях вредное и неприятное. Название дано ему по принципу соединения начальных букв в следующих словах: антимичуринец-менделист-морганист-вейсманист-идеалист. Очевидно, Вы мало практиковались в решении ребусов, шарад и кроссвордов...”

Академик в отставке, как видите, не терял чувства юмора.

Подобных сообщений, отличающихся от приведенных только отсутствием мужества, было получено проф. Л. немало.

Но и у оптимистов, у мужественных людей, уверенных в своей правоте, были тяжелые минуты.

1949 г.

От проф. Л. дочери 10.IV.49 г.

"... У меня, несмотря на полное домашнее благополучие, настроение неважное и работоспособность не слишком хороша. Очень тяготит продолжающееся появление всевозможных видов не по разуму усердной бдительности. Правда, лично меня это совсем не касается и отношение ко мне неплохое, но я слишком много получил нервных потрясений и так мало у меня уважения к начальству, что полезнее будет переменить обстановку - уехать из Ср. Азии в Россию, поближе к вам...

... Не успеешь сделать работу как следует, а интерес к ней в верхах стынет и недоделанное приходится бросать... Работа же, которая, несомненно, имеет ценность, здесь внушает подозрение, так как в ней много математической статистики..."

От него же - акад. Х.

9. X.49 г.

"... В Ленинграде провел я около полутора месяцев, занимался преимущественно в музее Зоологического Института Академии... Настроение в общем было напряженное... Я делал доклад в Энтомологическом обществе "О комплексах признаков в систематике", и хотя доклад был строго эмпирический (применение математической статистики в систематике), многие опасливо спрашивали нет ли там какой ереси...

... Мечтаю поселиться в России и где-нибудь в тихом уголке начать подведение итогов... На старости лет хочется заняться систематикой, которой я попутно занимаюсь уже 25 лет. Материалов и соображений накопилось много, и хочется все это привести в порядок. Здесь же требуют, чтобы я не только выполнил прикладную работу (что я и делаю), но выполнял бы ее по определенной форме и в кратчайший срок, и чтобы результаты были внедрены немедленно, и чтобы они были понятны простому колхознику. Прикладная же энтомология мне удовлетворения не дает, меня и плохо понимают и почти не печатают, а о печатании моих теоретических произведений я и мечтать забыл. Мои работы вызывают подозрения по следующим причинам:

1) Вследствие широкого применения математической статистики. В значительной мере это объясняется тем,что сейчас отрицает-

ся необходимость точной и тщательной обработки материалов. Весь упор ставится на выполнение определенных стандартных методологических приемов, которые якобы обеспечивают “научность” результатов. Изучение размеров убытков считается второстепенным, равно как и учет экономической эффективности. Ясно, что при этом проявляется более или менее ясно выраженная вражда к математической обработке материалов. Людей, кто этим занимается, считают математиками, а не биологами, и свое невежество работники этого сорта возводят в добродетель.

2) В области прикладной биологии из-за резкой критики огромного большинства работ по эффективности борьбы с вредителями.

3) А в рамках общей биологии репутация моя достаточно укоренилась, и тут подозрительность повышенная...”

Что же это за репутация проф. Л.?

На это еще в 1945 г. дает довольно оригинально высказанный ответ один из московских профессоров:

“... Я сам всегда с удовольствием читаю Ваши статьи, но думаю, что едва ли Вам удастся сделать Ваши научные взгляды убедительными для большинства... Вы идете против моды - горе Вам. И нечего сердиться на это. Подождите, пока придет новая мода, и с Вами охотно согласятся. А потом и Ваши взгляды выйдут из моды, и тогда будет нравиться научное платье нового покроя. Это ли не развитие науки, как оно есть на деле?

... Я думаю, что мода господствует во всех науках, в том числе и в физике, и в математике. Вспомните хотя бы тот отрицательный эффект, который произвела геометрия Лобачевского. А Гаусс, открывший ее еще раньше, даже постеснялся опубликовать это открытие. Или взять теорию относительности: она медленно пробивала себе путь и по сейчас не имеет противников...

В биологии сейчас имеется преобладание созерцательности над рефлексией. Когда-нибудь это отношение станет обратным, но будет ли так лучше?

Нет, дух времени великая вещь. Его нельзя понять рационально, можно чувствовать. Сегодня нелепое кажется бесспорным, а завтра “очевидное” окажется невозможным. Если Вы хотите убедить массу, то надо минимум говорить на ее языке...”

Другое мнение:

“... Ваши замечания свидетельствуют, что Вы обладаете умом аналитическим, склонным систематизировать, способным к широкому охвату разнообразнейших явлений... Вы любите парадоксы и склонны к рискованным сближениям и сопоставлениям разнородных явлений. Иногда эта склонность заводит Вас слишком далеко...”

Это предыстория к тому, что можно назвать открытой борьбой на научном фронте.

Положение в биологии, создавшееся после сессии ВАСХНИЛ’а в 1948г., монополия Лысенко во всех областях биологии не могли не волновать проф. Л. У него все больше и больше назревало желание открыто выступить со своим протестом против монополии Т. Д. Лысенко в биологии. Этот протест был как бы волей его совести, как ученого. Он чувствовал, что дальше молчать нельзя.

Первый вариант “Монополии Т. Д. Лысенко” под названием “Аракчеевский режим в биологии” был написан им в июле 1953 г. Он был напечатан в нескольких экземплярах и роздан друзьям-биологам. Побывав в Москве, поговорив с рядом лиц - учеными, людьми, не имеющими отношения к науке, но интересующимися тем, что происходит в стране, проф. Л. пришел к выводу, что ему следует его памфлет, как его первоначально называли, серьезно переработать.

Были друзья, предупреждавшие его о необходимости быть осторожным, предостерегавшие против открытого выступления против Лысенко.

На одно из этих предупреждений проф. Л. ответил в письме к жене:

“Предупреждение Х., действительно, - выражение чрезмерной пугливости москвичей. Эта пугливость и мешает разоблачению Лысенко, и потому для непугливых является долгом сделать то, что не делают центральные ученые. И я, подумав серьезно, напишу куда следует все, что думаю. Тут уж ты меня, пожалуйста, не удерживай”.

При разговорах с рядом ученых в Москве А. А. увидел, что одни из них делают слишком большие уступки своим противникам и то, что они пишут и говорят, вряд ли вполне соответствует их взглядам, другие, наоборот, не допускают никаких уступок Лысенко и его школе и хотят вместо лысенковской монополии установить собственную монополию. Это, по мнению проф. Л., затрудняло решение вопроса, и наличие таких людей является не препятствием, а наоборот, стимулом, так как "я даю, - говорил он, - насколько мне кажется, правильно объективную линию".

Одному из своих друзей проф. Л. написал еще в июне 1953 г.:

"... Мне кажется, настал момент перейти в наступление. Не клясться тем, что мы тоже мичуринцы и обвинять своих противников в менделизме и морганизме, а поставить вопрос о необходимости полного пересмотра тех нелепых позиций, которые были установлены в 1948 г и которые сейчас уже на практике в значительной мере оставлены".

Проф. Л. считал, что он, который ближе других биологов знаком с сельским хозяйством и лучше других разбирается в методике полевого опыта, должен выступить с разбором практических достижений Лысенко. Он считал, что слабостью критиков Лысенко, не исключая Сукачева, Иванова, не говоря уже о Турбине, является то, что они пытаются внести маленькие коррективы, залатать безнадежно развалившееся здание.

Встал во всю широту вопрос "НАДО" или "НЕ НАДО" выступать. Вопрос этот встал не для проф. Л. - для него он был давно решен в положительном смысле, - а для жены, близких, друзей. Большинство считало, что "не надо". Одна из близких приятельниц семьи проф. Л. - Н. Як. Мандельштам в своем письме от 28.IX53 г. интересно проанализировала этот вопрос. Она писала:

"... Я говорю свое "не надо" с других позиций. Самое серьезное и самое убедительное для меня в Вашем письме (письме проф. Л. - О. П.) - это то, что Вы ощущаете мое молчание как болезнь, что оно, в сущности, и есть причина болезни. Это прекрасное мужское свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины, очевидно, - люди с более глубокой социальной совестью, чем мы - бабье - всегда болели, а часто умирали, если не могли говорить о

науке или искусстве того, что им велела совесть... Мне жаль многих тех, которые не во время начинали. В период марризма было много тяжелого, и немало людей болели и не выдерживали - кто не выдерживал молчания, кто травли, которую учиняли марристы. Я абсолютно уверена, что наша наука и искусство всегда выходят после шатаний на дорогу, не в эту минуту, так в следующую. Задержать движение можно, но остановить нельзя, потому что наука продолжалась и при Марре, но она не была официальной, признанной. Разве биологи сейчас не работают, вопреки крику лысенковцев?

Пожалуй, самое трудное - преподавание. Марристские программы появились у нас только накануне дискуссии - по ним ни разу не было прочитано курса. В курсах были только марристские украшения. И я очень поняла Виноградова, когда он сказал в своем выступлении в дискуссии, что с этим (то есть с марристическими установками) нельзя идти в аудиторию к студентам. Я думаю, нельзя идти и в биологии со всеми существующими установками в поле... Что делать? Кому начать? Я не знаю, как быть. Вы считаете своим долгом первым заговорить. Я хочу , чтобы это страшное, мужское сознание долга было менее социальным - ведь у Вас есть и долг перед наукой (в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы. Есть два долга: один - наука, другой - ответственность за те формы, которые получает данная отрасль данной науки в данную историческую минуту: я уверена, что второй долг серьезнее первого. Решает ведь первое. Именно первое - открытие, событие, находка сметает второе. Физика, очевидно, гигантски развилась последние десятки лет... Она, наверное, именно первым путем сметала проблемы второго пути (несомненно, они тоже были). Я бы никогда не говорила “не надо” о проблемах первого пути - от этого долга я никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я не уверена. Может, правы ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может, это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь - самое главное. Что же делать?

Ваша супруга не остановит Вас из-за чрезмерно высокой этики, а я хочу тишины не только для себя, но и для Вас.”

Ответ проф. Л. на совет “НЕ НАДО”.

17.IX.53 г.

“... О Вашем совете: не надо, не надо, не надо... Я понимаю, что Вы, недавно пострадав из-за желания исправить недостатки преподавания, естественно, от всей души рекомендуете мне воздержаться и предоставить критику кому-то другому и думать, что наука все равно разовьется.

Смею Вас уверить, что я поднял это дело вовсе не из-за желания покритиковать, а именно потому, что аракчеевский режим в биологии буквально задерживает науку. Правда, он заметно пошатнулся и проходящая сейчас сессия ВАСХНИЛ’а совсем не носит триумфальный характер для Лысенко... Тов. Хрущев прямо говорит о частом явлении подхалимства перед некоторыми учеными. Пятилетие пресловутой сессии ВАСХНИЛ’а 1948 г. ни одним словом не отмечено в газетах. Совершенно ясно, что руководители правительства совсем не склонны поддерживать безоговорочно Лысенко, но они явно не хотят вмешиваться в науку, пока сами ученые не подымут голоса. Некоторые ученые (Сукачев и др.) его подымают. Даже кроткий Опарин написал письмо в “Успехи советской биологии”, где категорически опровергает напечатанное в работе Лепешинской и в рецензии на эту работу утверждение Лепешинской о том, что, якобы, под влиянием Лепешинской он, Опарин, отказался от своих взглядов о невозможности самозарождения в настоящее время.

Вся беда в том, что наши олимпийцы 1) являются узкими специалистами и не способны подойти с общей точки зрения; 2) на ученый Олимп пробралось много нахальных господ, которые совсем не намерены расставаться со своими доходами; 3) многие почтенные по своим научным достоинствам люди за эти годы слишком скомпрометировали себя вынужденными признаниями и сейчас у них не хватает мужества признаться вновь в “ошибках”, а их жены, домочадцы и друзья говорят им: не надо, не надо, не надо... и без вас обойдутся; 4) или, наконец, атмосфера в Москве и Ленинграде такова, что там сейчас особенно много трусят, так как Лы-

сенко и прочие за всякое противодействие старались сживать за это с места. Но из писем моих друзей москвичей я вижу, что этот страх уже проходит...”

И в заключение проф. Л. пишет:

“... Конечно, вести научный спор я очень люблю, но это не чисто научный спор, когда выступают противники, зажимающие рот. Этический момент, конечно, присутствует, но я от отца своего наследовал этическую основу и долгая дружба с моим учителем Г. * эту основу не ослабила, а сильно укрепила. Поэтому я буду рад, если без меня обойдутся, но не слишком буду огорчаться, если мне придется принять участие...”

Первый вариант “памфлета”, розданный друзьям, нашел живейший отклик. Приведу некоторые из них:

Москва, 28.VIII.53 г. От Ю. А. О.**

“... Вашу статью я прочитал два раза и прочту в третий: она мне очень понравилась по полноте, содержательности, академичности изложения, принципиальности, остроумию... Как статья для печати, мне кажется, она требует незначительной правки редакционного характера; иначе она местами носит характер устного доклада, а не статьи...

... Но где же Вы предполагаете печатать? Один знакомый ботаник сообщил мне, что в редакции Ботанического журнала АН, на страницах которого печатаются в порядке дискуссии статьи по поводу воззрений Лысенко, накопилась большая серия статей с критикой его взглядов, которые ждут напечатания (дождутся ли?). До сего времени в АН, в ее “Биоотделении” господствует управление лысенковцев, сделанных членами Бюро отделения. Это: А. Н. Студитский (русский Презент), Н. И. Нуждин, И. Е. Глущенко. Малейшая критика в адрес Лысенко приравнивается к контрреволюции, саботажу и спекуляции. Подробности излишни...”

И в постскриптуме замечание: “Предполагаю, что Ваша статья была бы интересна для ЦК”.

Проф. Л. ответил длинным письмом другу, в котором, между прочим, были следующие строки:

“... Таким образом моя статья послужила материалом для, так сказать, глубокой разведки. И в этом смысле она меня удовлетворила. Во-первых, выяснилось, что общее настроение, включая молодежь университета, отнюдь не за Лысенко и что бояться какого-либо поворота в сторону укрепления лысенковского режима нет никаких оснований... Если Лысенко без моей помощи не сойдет со сцены, то я, конечно, свою статью переработаю и думаю ее послать в первую очередь в ЦК, в особенности, Никите Сергеевичу Хрущеву, который меня в свое время в Киеве поразил умением разбираться в сложностях научных проблем. Все дело в том, что он сейчас так занят, что трудно добиться, чтобы статья попала к нему в руки... “

В желании послать статью Н. С. Хрущеву поддержал профессора Л. и акад.З-й в письме от 3.IX.53 г.

“...Читали Ваш памфлет громко, и все остались очень довольны. Удивлены Вашей эрудицией, спокойствием и тонкостью анализа. В целом очень хорошо. Очень рекомендую не откладывать печатание. Обязательно пошлите Хрущеву. Неплохо бы послать и Поспелову, Пономаренко...”

Нашел поддержку проф. Л. и у московского профессора А., который в своем письме выразил надежду, что статья проф. Л. принесет свежий воздух в опытное дело, которое, по его словам, совершенно захирело. В постскриптуме письма звучит совсем конкретная поддержка проф. Л.: “Буду рад содействовать Вам в борьбе за правду в сельском хозяйстве”.

Н. С. Хрущев выступил с докладом на сентябрьском пленуме ЦК КПСС. Его выступление и указание о подхалимстве и угодничестве в с/х. научных учреждениях перед отдельными учеными еще более укрепило намерение проф. Л. выступить со своей статьей.

Но далеко не все те, кто ознакомился с первым вариантом рукописи, считали, что такое выступление своевременно и необходимо.

Характерна следующая выдержка из письма близкого друга проф. Л.:

"Я уверен, что твоя критическая статья, о которой ты пишешь, - великолепна. Более того, уверен, что никто лучше тебя написать такую статью не сможет. Думаю также, что раз статья написана, ее стоит послать именно туда, куда ты хочешь. Это гораздо умнее, чем выступать публично. Но какие могут быть результаты? В лучшем случае, это будет документ, который будет лежать и ждать времени, когда он понадобится. Я не отрицаю возможности "сдвигов" и надеюсь на них. Но научная критика не может быть примум мовенс этих сдвигов и, вероятно, сыграет в них лишь скромную роль. Не может быть сомнения в том, что разбираемые тобою биологические "теоремы" оцениваются по достоинству совершенно правильно и созвучно с тобой всеми, кроме абсолютных ослов и младенцев (я не говорю о фальшивых признаниях и самовнушениях). Ниспровержение этих теорем - дело не логики и не научной критики, ровно как вопрос об аракчеевском режиме в биологии (да и только ли в биологии?). Это вопросы тактики и политики, а не научного спора. Эти вопросы нужно отнести к компетенции Партии и Правительства. Разбираемая ситуация, как известно, сходна с описанной у Андерсена в сказке о голом короле, с той разницей, что хотя в мальчиках, указывавших на то, что король голый (эти мальчишки были при этом самых разных возрастов) не было недостатка, официальное мнение о платье короля не менялось. Этих мальчишек одно время уничтожали (в том числе наших общих знакомых), потом больно наказывали, теперь с ними обращаются довольно гуманно, - только ругают, по-видимому, убедившись в их безвредности. Впрочем и теперь это обходится очень дорого. Недавно скоропостижно в Харькове скончался профессор Э. Е. Уманский, почувствовав себя плохо во время своего выступления по проблеме видообразования на Ученом Совете университета (или биофака?). Это не первая жертва проблемы видообразования в ее современной постановке. Все это надо иметь в виду".

Проф. Л. не хотел иметь в виду ничего кроме того, что он считал своим долгом, долгом ученого. Он переработал свою статью и послал ее в ЦК, на имя Н,С, Хрущева.

Легко ли было написать ему свою статью? Я - свидетель его жизни, могу сказать: писал он ее внутренне волнуясь, уж очень накипело у него в душе. Поэтому так искренне, без всякой дипломатии написано сопроводительное письмо и первая часть большой работы проф. Л. под названием “Монополия Т. Д. Лысенко в биологии”, посланные в октябре 1953 г. в ЦК, а также некоторым биологам.

Прошло три недели. Первый отклик был получен от верного “болельщика” В. В. А-ва, который немедленно по прочтении написал проф. Л.:

“Получил сегодня Вашу рукопись. Прочел ее не отрываясь. Она великолепна.Завтра поеду передам ее в “Бюллетень общества испытателей природы”. Если они решатся ее напечатать, то польза государству будет превеликая...” Закончил он свое письмо словами: “Еще раз благодарю Вас за удовольствие, полученное от чтения вашего героического труда.”

Привожу полностью письмо в ЦК Партии Н. С. Хрущеву.

«Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я считаю своим долгом откликнуться на призыв к научным работникам - смело бороться с зажимом критики и господством монополии отдельных лиц в науке,так как такой монопольный режим мешает прогрессу науки, а вместе с тем мешает и осуществлению тех великих целей, которые выдвигает Партия и Правительство, и, прежде всего, улучшению жизни нашего крестьянства.

Но я обращаюсь к Вам не только как к лицу, занимающему ответственнейший пост в великой Коммунистической Партии. Для меня Вы - живой человек, которого я помню по выступлениям в Киеве перед войной, в особенности по вашему резюме на двухдневном совещании по свекловичному долгоносику. Потратив несколько часов на внимательное выслушивание целой серии докладов работников Академии Наук УССР, и, вопреки заявлениям самих научных работников, планировавших выработку новой, вполне удовлетворительной системы мероприятий в конце 1941 года, Вы предложили Академии Наук продолжить срок работы на один год и не отказываться от разработки проектов и более дальнего

прицела. В моем личном, более чем двадцатилетнем опыте, такой случай (продление руководящими лицами намеченного исполнительного плана работ) не повторялся. Я немало слышал о Вас от моих друзей-киевлян и от других лиц: все, что я о Вас знаю, дает мне уверенность в том, что Вы, несмотря на огромную занятость, найдете время, чтобы ознакомиться с моей статьей: "О монополии Т. Д. Лысенко в биологии". Вопрос, затронутый в моей статье, серьезнее вопроса о свекловичном долгоносике на Украине, а ликвидация вреда много проще.

Я писал свою статью недипломатическим языком и не старался сглаживать резкость выражений. При всем желании соблюсти полное хладнокровие, это не всегда удается, так как слишком велико то зло, которое нанес Лысенко своим бесконтрольным хозяйничанием.

Я сначала хотел ограничиться пересылкой статьи уважаемому академику В. Н. Сукачеву для напечатания ее в "Ботаническом журнале", но так как на напечатание ее в ближайшее время трудно надеяться, я решил послать ее Вам, как лицу, на которого Партией возложена ведущая роль по руководству дальнейшего развития нашего сельского хозяйства.

За свои слова я готов нести полную ответственность.

Искренне уважающий Вас

Зав. кафедрой зоологии Ульяновского ПИ,

доктор с. х. наук, профессор (А. Любищев)»

Ульяновск, 21 октября 1953 г.

Итак, 22 октября 1953 г. статья "О монополии Т. Д. Лысенко в биологии" (Глава 1-я "Практические предложения академика Лысенко и его школы) была доставлена в ЦК партии.

Ученый выполнил свой долг. Взволнованно звучат в введении следующие слова:

"Руководящее положение, которое Лысенко и его сторонники занимают во всех областях теоретической и прикладной биологии, имеет многочисленные вредные последствия, а именно:

1) совершены и совершаются многочисленные практические ошибки, причиняющие значительные убытки нашему сельскому хозяйству;

2) тормозится развитие нашей сельскохозяйственной науки и снижается методический уровень ряда областей биологии вообще;

3) внедряется дух начетничества и талмудизма в преподавании в высшей и средней школе, притупляющий интерес к этому предмету;

4) снижается моральный уровень советских ученых, одни из которых пытаются подражать деспотизму Лысенко в других областях (физиология, гистология и т. Д.), другие же принуждаются к высказыванию того, что не соответствует их убеждениям;

5) терпит большой урон наш престиж у прогрессивных и честных деятелей всего мира."

Понятно, что написать такие слова открыто нельзя было без душевного волнения. Еще тогда, когда был написан первый вариант его "памфлета", я, жена проф. Л., пишущая этот очерк, предупреждала его, что искренность и горячность тона может действовать положительно в беседе, но появление их в серьезной статье всегда заставляет насторожиться читателя и подозревать пишущего в слишком субъективной оценке того или иного действия. И вот что ответил мне мой муж:

"Твоим советам я всегда придаю значение, когда они являются советами по существу, но не тогда, когда они выражают чисто шкурные опасения: "Ничего не поделаешь, все так делают". Эти советы меня действительно только раздражают от кого бы они не исходили, от тебя же в особенности, потому что в период настоящего кризиса, в 1948 г., ты их не давала, ты была тогда мужественна, а сейчас в этом отношении у тебя наблюдается некоторый регресс..."

И я больше не стала давать таких советов.

Краткая хроника событий, последовавших затем.

О статье, посланной проф. Л. в ЦК, он сам сообщил на заседании руководимой им кафедры. Весть об этом затем дошла и до руководства института, и до работников сельхозинститута, где проф. Л. читал небольшой курс. Из сельхозинститута пришел к проф. Л. профессор Неклюдов и попросил дать почитать статью на два дня. Проф. Л. не отказал в просьбе своему коллеге. Но коллега исполь-

зовал статью по своему усмотрению: показал ее везде, где счел нужным, дал ее перепечатать (несмотря на солидный объем) без согласия и ведома проф. Л. Руководство сельхозинститута выставило эту статью для обзора в библиотеке сельхозинститута, и затем с санкции Обкома партии сельхозинститут совместно с пединститутом созвали специальную конференцию, где и подвергли резчайшей критике статью проф. Л. Порядок выступлений был заранее обсужден и прорепетирован. Но “проработка” и “избиение” (по выражению одного из руководящих работников пединститута) прошла без присутствия самого профессора Л., который не смог присутствовать на конференции из-за болезни.

1954 г.

7 февраля 1954 года в областной газете “Ульяновская правда” появилась статья “Советская агробиологическая наука - могучее оружие в борьбе за подъем сельского хозяйства” В. Красоты - директора с.х. института, где очень большое место было уделено разделу под заголовком: “Разоблачать все проявления идеализма в биологии”. Этот раздел был направлен против проф. Л.

Между прочим, там было написано:

“... Может быть некоторым оторванным от жизни людям, вроде профессора Любищева, трудно понять огромное значение мичуринской науки. Но это понимают миллионы колхозников, которые вместе с академиком Лысенко, по его советам, нашли верный путь к повышению урожаев на миллионах гектаров колхозных земель, путь к повышению продуктивности отечественных пород скота”.

Ответ проф. Л. на эту статью областная газета отказалась напечатать. Очень любопытна переписка по этому вопросу, которая и прилагается.

Редактору газеты “Ульяновская правда”

Тов. Н. Матяс

В N27 от 7 февраля “Ульяновской правды” появилась статья директора Ульяновского сельскохозяйственного института т. В. Красоты под заглавием “Советская агробиологическая наука - могучее оружие в борьбе за подъем сельского хозяйства”. Последний стол-

бец этой статьи целиком посвящен критике моей рукописи "О монополии Лысенко в биологии".

Прочтение статьи т. Красоты дало мне возможность получить точное представление о характере его выступления на конференции 26-27 декабря 1953 г., на которой я по болезни присутствовать не мог. Так как моя статья, не будучи опубликованной, неизвестна широкой аудитории, а статья т. Красоты содержит много неточностей, то я прошу редакцию газеты "Ульяновская правда" напечатать мое письмо.

Ограничусь указаниями на неточные и ошибочные утверждения т. Красоты, не вдаваясь подробно в разбор всех теоретических и практических спорных вопросов.

1) Моя работа представлена не в Ученый совет педагогического института, как пишет т. Красота, а в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза тов. Н. С. Хрущеву; я получил в ЦК КПСС ясный ответ, что моя работа рассматривается наряду с другими аналогичными работами, посвященными критике ошибок Лысенко. Что касается указанию на то, что я в своей статье передергиваю факты, то пусть т. Красота укажет конкретный пример такого передергивания: без такого доказательства его утверждение является голословным.

2) Не заботясь о последовательности, т. Красота в двух верхних абзацах последнего столбца высказывает два противоположных утверждения: 1) что я, убежденный менделист, пытаюсь опровергнуть учение Мичурина и Лысенко и 2) что я пытаюсь найти третью линию в биологии - примирить идеализм (морганизм) с материализмом (мичуринским учением).

Верно, я считаю, что будущая генетика, изучая и развивая результаты работ Мичурина, использует все ценное, что есть в менделизме и морганизме, отбросив ошибки крайних менделистов, но подробный разбор этого вопроса будет в теоретической части моей работы. В критикуемой же статье этого вопроса я касаюсь лишь вскользь, для того, чтобы показать, что менделизм не отрицается ни самим Лысенко в его первых (наиболее ценных) работах, ни покойным М. Ф. Ивановым. Последний был после его смерти (точнее - после 1948 года) "превращен" в решительного антименделиста лишь путем фальсификации (выпуска всех нежелательных мест его

сочинений) редактором академиком Гребнем. Эта фальсификация доказана в моей работе.

3) Красота, как и большинство последователей Лысенко, ставит знак равенства между учением Мичурина и Лысенко и всякую критику Лысенко рассматривают как полное отрицание заслуг Мичурина. Это общий тон лысенковцев. В развернувшейся сейчас дискуссии о видообразовании и внутривидовой борьбе за существование, ведущейся на страницах “Ботанического журнала”, “Бюллетеня Московского Общества испытателей природы” и других журналов, всякая критика новых представлений Лысенко о видообразовании рассматривается как “рецидив вейсманизма”. “Старателем от вейсманизма” именуется даже Н. В. Турбин, ближайший (соратник - ред.) Т. Д. Лысенко на августовской сессии 1948 года, написавший курс генетики (мичуринской) в 1950 году (допущенной в качестве учебника для государственных университетов), который в своих выступлениях подчеркивает, что он полностью признает заслуги Лысенко, отрицает только его новое учение о виде, поэтому в устах лысенковцев обвинение противников в отрицании заслуг Мичурина, вейсманизме, идеализме и прочих “измах” является просто дешевым полемическим приемом, стремлением запугать противника при отсутствии серьезных аргументов. Между тем, совершенно несомненно, что новое учение о виде Лысенко (не говоря уже о таких утверждениях, как “порождение” ели сосной, лещины грабом, кукушек пеночками и другими воробьиными птицами (см. Ботанический журнал, том 38, №5, стр.675, 1953) решительно порывает с мнением Мичурина по этому поводу. Мичурин (в полном согласии с подавляющим большинством биологов самых разнообразных направлений) пишет: “... Выводить новые сорта сможет только человек, знающий пути эволюционной работы природы, дающие безостановочную смену форм живых организмов и никогда не допускающие повторения старых форм” (Соч., изд.2, 1948, т.IV, стр.432). А “Новое учение о виде” Лысенко принимает повторное происхождение того же самого вида из самых разнообразных источников.

Кто же ближе к Мичурину: Лысенко или Турбин с другими критиками новейшего теоретического измышления Лысенко?

1) Но между Мичуриным и Лысенко со многими его последователями имеется огромное различие в смысле моральных качеств. Мичурина невозможно упрекнуть хотя бы в одном случае сознательного искажения истины и отсутствия самокритики. Мы знаем, что он первые годы своей работы считал возможным акклиматизацию южных растений путем простого их переноса (согласно Греллю) и несколько лет потратил на работу этим методом. Убедившись в его ошибочности, Мичурин, не переставая, повторяет о сделанной им ошибке вплоть до основного своего теоретического труда “Принципы и методы работы”, резюмировавшего его взгляды в конце жизни (четыре издания соч. 1929-1936 гг.).

Убедившись в целесообразности “спартанских усилий” при получении новых сортов культурных растений, приспособленных к северному климату, Мичурин перенес весь свой питомник на участок с более тощей почвой.

В отношении к законам Менделя у Мичурина имеется явная эволюция: от полного отрицания менделизма в десятые годы нашего века до признания его значения в последней теоретической работе и других работах позднего периода. После указания на неприменимость законов Менделя в определенных условиях Мичурин пишет: “В законе Менделя я нисколько не отвергаю его достоинств, напротив, я настаиваю лишь на необходимости внесения в него поправок и дополнений, ввиду очевидной каждому неприменимости его вычислений к культурным сортам плодовых растений...” (Сочинения, 2-ое изд., 1948, т.1, стр.510-511). Под этими словами Мичурина я полностью подписываюсь.

Поэтому совершенно искренними являются следующие прекрасные слова Мичурина, датированные 1925 годом: “Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его. Из только такой последовательно разрушаемой работы и создается прогресс” (Сочинения, т.IV, стр.402).

Следуют ли Лысенко и его последователи этому завету Мичурина? Совершенно напротив! Если в первый период своей деятельности Лысенко и допускал признание в своих ошибках, то сейчас все излагается так, как будто никаких ошибок допущено не было.

Однако лысенковцами были допущены не только ошибки, но и сознательные искажения. Перечислим некоторые из них:

а) гнездовой посев дуба оказался в большинстве случаев непригодным и отменен Министерством лесного хозяйства;

б) предложения Лысенко по борьбе с вредными насекомыми (теленомус против черепашки и куры против свекловичного долгоносика) не были новы и, вопреки широковещательным рекламам Г. Фиша и академика Колесника, сейчас занимают то же скромное положение в системе борьбы с вредителями, что и до Лысенко;

в) совершенно не выполнены обещания Лысенко и лысенковцев о внедрении летних посевов картофеля, о выведении в кратчайший срок сортов хлопчатника;

г) совершенно перестали говорить о стерневых посевах пшеницы в Сибири;

д) наконец, доказана прямая фальсификация в отношении работ М.Ф.Иванова и в отношении пресловутого "порождения" ели сосной в работах Авотин-Павлова, поддержанных Лысенко.

Несмотря на все это, ни Лысенко, ни его защитники не признают ошибки ни в одном из указанных случаев и, в качестве основного аргумента, прибегают к своему излюбленному приему: обвинение своих противников в идеализме, вейсманизме, что на их языке означает: раз противник Лысенко - значит, вейсманист, идеалист, сторонник Уолстрита, расизма и проч. Обвинение в "идеологической невыдержанности" относят даже к уважаемому академику В. Н. Сукачеву, которому, как и возглавляемому им Институту Леса, принадлежит главная заслуга в спасении нашего лесоводства от убыточных предложений Лысенко.

Это вполне доказанная недобросовестность лысенковцев проводит резкую черту между Мичуриным и Лысенко. И Мичурин, как все люди, мог ошибаться, но, критикуя Мичурина, мы не имеем никаких оснований предполагать сокрытие фактов или, тем более, извращение фактов. В отношении Лысенко и его защитников мы имеем право высказывать также подозрение и потому не доверять их односторонним заявлениям.

5) Эта законная подозрительность в отношении высказываний лысенковцев позволяет думать, что во многих случаях приписываемые Лысенко и его последователям успехи или вовсе не связаны с

работами Лысенко, или просто не реальны. Например, Красота приписывает мичуринскому направлению в зоотехнии успех доярки учхоза “Заволжье” т. Алмазовой, которая, применяя передовые методы ухода и содержания скота, надоила в прошлом году по 4230 литров молока от каждой из закрепленных за ней коров. Если принять в соображение, что, по указанию М.Ф.Иванова, датчане довели удой своих коров в среднем на все стадо своей страны до 4000 литров, то от применения новых, неизвестных в Западной Европе методов, учебное хозяйство сельскохозяйственного института должно было получить более высокий удой.

Весьма возможно и даже вероятно, что ряд селекционных станций и институтов вывели за последние годы ряд ценных сортов. Но эти сорта вырабатываются старыми методами скрещивания и отбора и теми же темпами, что были раньше. Лысенко много раз обещал, что его методы позволят выводить сорта несравненно быстрее, чем методы старой селекции. Это обещание, безусловно, не выполнено.

Селекция в основном идет старыми методами, но их после 1948 года называют методом направления селекции.

6) В методике же вывода новых сортов имеется большая разница между самим Мичуриным, с одной стороны, и большинством современных “мичуринцев” во главе с Лысенко. В основной своей теоретической работе “Принципы и методы работы” Мичурин дает совершенно четкий перечень методов селекции (сочинения, т.1, стр. 493-496): 1) Простой отбор сеянцев, выращенных из семян местных лучших сортов, случайно давших хорошего качества плоды и оказавшихся выносливыми к климату данной местности; 2) гибридизация; 3) самый существенно важный - повторное скрещивание гибридов с лучшими культурными (и иностранными) сортами. “При применении этого способа мы можем действовать в смысле целесообразного воспитания при развитии сеянцев. Именно, в большинстве случаев мы можем установить развитие вредных признаков, руководствуясь внешними проявлениями тех и других. Притом, для выполнения таких работ отчасти пользуемся научными данными, но в большинстве случаев за отсутствием последних нам приходится базироваться лишь на навыке, выработанном в долгие годы прежних работ (Там же, стр.496).

Этот последний, третий метод, и является основным методическим достижением Мичурина. Он сумел разработать методы преодоления бесплодия при отдаленной гибридизации (метод вегетативного сближения, посредника и смешанной пыльцы), и эти методы прочно вошли в науку. Что касается до “направленного” изменения при воспитании гибридов, то, из слов самого Мичурина, мы ясно видим, что он правильно оценивал здесь только начало работы, еще не получившей достаточного завершения. “Мичуринцы”, вместо критической разборки этой части наследства Мичурина, пошли по линии догматизации, превращения зачатков нового интересного направления в якобы разработанную науку. Результат не замедлил сказаться: И. В. Мичурин вывел прекрасный сорт зимних груш “Бере зимняя Мичурина”, а “мичуринцы” его не сумели сохранить. Мне точно известно (но в лысенковской литературе я не мог найти об этом ни слова), что в Киргизии и в окрестностях Киева этот сорт совершенно несъедобен из-за терпкости, и приезжавший в Ульяновск из Москвы лектор ЦК КПСС проф. П. А. Генкель подтвердил, что сейчас этот сорт “ремонтируют”, так как в его настоящем виде он в большинстве районов непригоден для еды. Это - одна из многочисленных иллюстраций к сравнению Мичурина с “мичуринцами”; Мичурин до революции, работая один, без всякой поддержки, вывел ряд ценных сортов, а “мичуринцы”, работая в современных дворцах науки, многие из этих сортов не сумели даже сохранить.

7) Из этого ясно, что мое отношение к наследству Мичурина именно то, которое требует сам Мичурин. В его работах рассеяна масса интересных гипотез и предложений - их надо тщательно проверить, отсеять все неправильное и развивать все ценное. Вместо этого у нас догматически предлагают данные Мичурина и уверяют, что его сорта широко распространены, хотя сам же Красота в качестве одного из пожеланий указывает: “Внедрять мичуринские сорта плодовых и ягодных культур в Ульяновской области”. Следует внедрять, но, конечно, не за счет исключения старых хороших сортов, как Антоновка, Анис, Коричное, Боровинка, Грушевка, которые и не думал уничтожать И. В. Мичурин, но к чему весьма склонны некоторые чрезмерно ретивые “мичуринцы”.

Такое же отношение у меня и к Лысенко. Тов. Красота, читавший мою работу, должен был видеть, что я вовсе не отрицаю значение метода яровизации, я только протестую против его безусловного применения. О вегетативной гибридизации в статье у меня вообще не было речи. В отношении внутрисортового скрещивания и летних посадок люцерны я высказал сомнение в целесообразности этих приемов и настаиваю на тщательной проверке их. Решительно отрицаю, вместе с Филатовым и другими, целесообразность механического доопыления люцерны по методу лысенковца Мусийко, но об этом методе Красота дипломатически умолчал, как свойственно всем лысенковцам, когда они чувствуют явный провал рекламированного метода. Что касается летних посадок картофеля, то мое скептическое отношение к ним (а отнюдь не полное отрицание) основано на слышанных из уст самого Лысенко (до войны в Киеве в Академии Наук УССР) соображений, что не ясна экономичность этого метода, а также того, что широковещательные обещания Лысенко о внедрении этого метода до сих пор не выполнены. Вполне возможно, что в известных условиях этот метод вполне применим, но совершенное недоумение вызывают рекомендации Красоты внедрения этого метода в Ульяновской области (столбец третий). Ведь этот метод предложен для юга с его длинным вегетационным периодом и при наличии вырождения картофеля. Ульяновская же область является одной из картофельных областей. Разве можно здесь говорить о вырождении картофеля? Боюсь, что здесь Красота оказался виновным именно в том, в чем он меня упрекает: в отстраненности от жизни. Я же, не будучи агрономом по образованию, получил степень доктора сельскохозяйственных наук за работу, которую никак оторванной от жизни назвать нельзя. Работу по своей прикладной специальности (экономическое значение сельскохозяйственных вредителей) я вел, начиная с 1926 года, и почти исключительно в полевых, а не в лабораторных условиях (в особенности, в годы 1930-1937 за время пребывания в ВИЗР'а, а также последние годы пребывания в Киргизии). Посещение большого числа опытных станций, колхозов, беседы с агрономами и крестьянами в большом количестве пунктов ЕТС, Кавказа и Средней Азии и дали мне тот практический опыт, который приводил меня на каждом шагу к противоречиям между

официальными высказываниями лысенковцев и реальной действительностью.

Не оторванность от жизни, а именно знание практической жизни и заставило меня взяться за написание статьи в ЦК КПСС. Меня никто не тянул, и я ждал, когда же люди, более меня ответственные за прогресс сельскохозяйственной науки, выступят. Но огромное большинство их молчат, частью именно по оторванности от жизни, а в значительной части и по нежеланию вступать в борьбу с захватившими после 1948 года главные позиции в науке лысенковцами. Долг ученого и гражданина и заставили меня примкнуть, по мере своих сил, к группе честных ученых, уже начавших борьбу с вреднейшей монополией Лысенко.

8) Что же касается обвинения руководства и партийной организации педагогического института, что они не оценили моих ошибок, то такое обвинение совсем странно в устах лица, проводившего обследование педагогического института. Ему должно быть известно, что я, читавший несколько лет дарвинизм в Киргизском педагогическом институте до 1948 года, поставил условием работы в Ульяновском педагогическом институте мое устранение от чтения дарвинизма и мичуринской биологии. Этот отказ я подтвердил осенью 1953 года при увольнении директором института профессора Геллера. В курсе зоологии и спецкурсе менделизма я вообще не касался и при всех случаях критиковал вейсманизм, противником которого я являюсь гораздо раньше того, чем Лысенко начал свою научную деятельность. Поэтому самое внимательное слушание моих лекций не могло бы обнаружить ни малейшего следа “крамолы”, с точки зрения Лысенко.

Кстати сказать, во время обследования кафедры зоологии весной 1953 года ни сам Красота, ни другие члены комиссии ни на одной моей лекции не присутствовали.

Зав. кафедрой зоологии
Ульяновского пединститута
доктор с. х. наук, профессор (А. Любищев)

Ульяновск, 15 февраля 1954 г.

“Ульяновская правда”
№ 1051 20 апреля 1954 года
Ул. Труда, 27, кв.43

проф. А. Любищеву

Тов. Любищев!

По поводу Вашего письма в редакцию, в дополнение к высказанным вам устным замечаниям, сообщаю следующее:

Главное в Вашем письме - это общая постановка вопроса о том, что "лысенковцы захватили монополию в биологической науке, и все честные ученые должны повести борьбу с этой вредной монополией", и что "Нужно признать достижения менделистов и морганистов и опираться на них в нашей научной и практической работе". Редакция не имеет возможности открывать дискуссию по этим вопросам на страницах "Ульяновской правды". Для этого вам следует обратиться в специальные журналы.

К тому же вы в своих доводах допускаете огульное отрицание достижений советской биологической науки, ничем не оправданные и не мотивированные обвинения по адресу сторонников мичуринской науки. Вы, например, говорите о непригодности гнездовых посевов дуба и об отмене этого приема министерством, но в показателях для участия на Всесоюзной сельхозвыставке этот способ учитывается. Неубедительны ваши заявления о том, что советская агробиологическая наука не дает ничего нового в методах селекции", непонятны возражения против предложения о широком внедрении мичуринских сортов плодовых и ягодных культур. Бездоказательны также рассуждения о "моральных качествах" последователей Лысенко.

Совершенно непонятна ваша ирония по поводу того, что успех доярки Алмазовой, получившей в год до 4200 литров молока от каждой коровы, объясняют применением передовых методов ухода и содержания скота. Чтобы поколебать этот тезис, вы ссылаетесь на то, что "в Дании средний удой по всей стране доведен до 4000 литров на корову". Но какой же вы делаете из этого вывод? Здесь вы не договариваете, но рассуждения ваши явно неправильны.

Поэтому, как я уже заявил Вам в нашей беседе, ваш материал мы не будем печатать в газете.

Редактор "Ульяновской правды"

(Н. МАТЯС)

Редактору газ."Ульяновская правда"

тов. Н. МАТЯС
на В/№ 1051 от 20.IV.54 г.
Тов. МАТЯС!

Я получил Ваше письмо с указанием, что Вы не можете напечатать мое письмо от 15.II.54 г. До этого я имел с Вами переговоры лично и по телефону 5 раз, а именно: 12 и 19 марта, 9, 16 и 21 апреля. Одно время Вы хотели побеседовать со мной более подробно, но почему-то потом от этого уклонились. Поэтому я имею право считать, что мое письмо подверглось достаточно тщательному изучению и у Вас нет никаких оснований ссылаться на поспешность в Вашем ответе. Вы не считаете возможным открывать дискуссию по затронутым мною вопросам на страницах "Ульяновской правды". Но, как Вам хорошо известно, моя докладная записка "О монополии Лысенко в биологии" была направлена в ЦК КПСС. Дискуссию в "Ульяновской правде" открыл по поводу моей неопубликованной работы В. Ф. Красота, и Вы, поместив его статью, целиком ее поддержали, а так как после первого моего свидания с Вами Вы, прежде чем ответить мне отказом, хотели поговорить в Обкоме, я имею все основания считать, что и Обком Вас поддерживает. Поэтому Ваш отказ поместить мою статью не является отказом в открытии дискуссии, а зажимом противника в уже начатой дискуссии.

Перейду к ответу по существу Вашего письма.

1. Вы формулируете два главных пункта моего письма, из которых первый пункт, а именно, что "лысенковцы захватили монополию в биологической науке и все честные ученые должны повести борьбу с этой вредной монополией", формулирован совершенно правильно. Что же касается второго пункта: "Нужно признать достижения менделистов и морганистов и опираться на них в нашей научной и практической работе", то это явное искажение моих взглядов. У меня написано: "...что будущая генетика, изучая и развивая результаты работ Мичурина, использует все ценное, что есть в менделизме и морганизме, отбросив ошибки крайних менделистов, но подробный разбор этого вопроса в теоретической части моей работы" (стр.2). На стр. 4-ой я цитирую мнение Мичурина, который отрицает применимость законов Менделя лишь к плодовым растениям, и я подписываюсь под этими словами Мичурина.

2. Вы приписываете мне неоправданное и немотивированное обвинение по адресу сторонников мичуринской науки и огульное отрицание достижений советской биологической науки. Советская биология значительно шире агробиологии, и я этого вопроса совсем не касался. Вы пишете: "Вы, например, говорите о непригодности гнездовых посевов дуба и об отмене этого приема министерством, но в показателях для участия во Всесоюзной сельхозвыставке этот способ учитывается".

Опять у Вас имеется искажение, так как пропущены мои слова "в большинстве случаев". Гнездовой посев в известных случаях применим, и для выяснения вопроса об условиях его применимости он и учитывается на сельхозвыставке. Что же касается общей оценки гнездового посева, то могу сослаться на статью В. Я. Колданова "Некоторые итоги и выводы по полезащитному лесоразделению за истекшие 5 лет", опубликованную в журнале "Лесное хозяйство" N3 (март 1954 г.) органе Министерства сельского хозяйства. Из этой статьи совершенно ясно, что старый метод В. Г. Огиевского гнездового посева никем огульно не отрицается. Отрицается только его применимость в большинстве случаев, "теоретическое обоснование", данное Лысенко. Таким образом, по отношению к тому новому, что внес Лысенко в метод гнездового посева, можно сказать, что все новое неверно, все верное не ново.

Относительно яровизации у меня ясно сказано (стр.9), что я вовсе не отрицаю значения метода яровизации, а только протестую против его безусловного применения. Допускаю, что в числе предложений Лысенко кое-что окажется целесообразным, но очень многое проверено и оказалось неверным.

3. Вы приводите в кавычках (следовательно, приписываете эти слова мне) следующее выражение: "Советская агробиологическая наука не дает ничего нового в методах селекции" - и считаете их неубедительными.

Приведенная Вами фраза совершенно отсутствует в моей статье. Я указал, что одни методы Мичурина прочно вошли в науку (стр.7), что другие требуют тщательного изучения, но что большинство селекционеров работало в основном старыми методами. Эффективность лысенковских методов селекции не доказана, а многие мичуринские сорта так называемые "мичуринцы" не суме-

ли сохранить. Конечно, есть ученые, в первую очередь академик Н. В. Цицин, успешно работающие сейчас методами отдаленной гибридизации, но называть мичуринца Цицина лысенковцем было бы незаслуженным оскорблением.

Никаких возражений против внедрения хороших мичуринских сортов у меня, конечно, нет. Но я знаю из разговоров с работниками Ульяновской области, что некоторые ретивые "мичуринцы" склонны внедрять мичуринские сорта без проверки и с вытеснением хороших старых сортов, высоко ценимых самим Мичуриным.

4. Вам кажется непонятной моя ирония по поводу того, что успех доярки Алмазовой объясняют применением передовых методов ухода и содержания скота. Я прямо отказываюсь понимать, как мои слова могут вызвать непонимание. В статье Красоты успех доярки Алмазовой приписывается данным советской агробиологической науки, то есть того нового, что отсутствует в Западной Европе. Я и привел средний удой датских коров как пример того, что достигнутый уровень удоя в учебно-опытном хозяйстве СХИ никак не может считаться таким достижением, которое мы можем приводить в пример Западной Европе. Всем хорошо известно, что наши рекорды, как западно-европейские и американские, далеко превысили приводимую Красотой цифру.

5. Вы пишете, что мои рассуждения о "моральных качествах" последователей Лысенко бездоказательны. Должен сказать, что со времени написания моего письма в "Ульяновскую правду" и даты Вашего письма, накопились такие данные, которые мой вывод делают гораздо более убедительным. Я привел примеры: фальсификацию работ М. Ф. Иванова, проделанную акад. Гребнем, сознательную ложь в работах Авотина-Павлова, поддержанную Лысенко, широковещательные рекламы акад. Колесника и Г. Фриша, замалчивание собственных ошибок. Сейчас же можно считать доказанными гораздо большее число примеров.

1) Указание в докладе тов. Н. С. Хрущева от 23.II., что лысенковцы "тов. Демидов и особенно т. Дмитриев травили людей, которые поднимали голос против неправильного планирования и предлагали изменить структуру посевных площадей". Таким образом, эти ответственные работники не только ошибались в своей полити-

ке повсеместного внедрения травопольной системы, но и мешали честным людям исправлять эти ошибки.

2) Совершенно скандальная история с В. С. Дмитриевым, достаточно отраженная в докладе Н. С. Хрущева (23.II.54 г.) и в письме проф. С. С. Станкова (26.III., газ. “Правда”).

3) Запугивание своих противников приклеиванием ярлыка “вейсманист-морганист” и проч., что доказано в отношении лысенковцев А. Н. Студитского и Н. И. Нуждина (см. ж. “Коммунист” N5, март 1954 г., стр.10). Это запугивание настолько распространено и до сего времени, что заставляет даже многих солидных ученых не сопротивляться режиму лысенковцев и голосовать и выступать вопреки своему мнению, что случилось, например, с академиком Опариным при утверждении диссертации Дмитриева. Само собой разумеется, что смягчение, сделанное проф. Станковым, объясняющего позицию Опарина тем, что он не является специалистом в области ботаники, никак не может считаться убедительным. Академик Опарин достаточно образованный биолог и после годичной дискуссии о проблеме вида имел совершенно ясное представление.

4) Фальсификация данных в работе Карапетяна о порождении лещины грабом, поддержанная Лысенко.

Ясно, что после всех этих новых факторов приведенные мной данные действительно кажутся сравнительно слабыми.

Таким образом, я полагаю, что нельзя считать моральными людей, которые прибегают к таким приемам, как: 1) искажение истины и прямая фальсификация данных; 2) протаскивание в ученые “горе ученых”, по выражению Н. С. Хрущева; 3) травля честных людей; 4) создание атмосферы запугивания и подхалимства; 5) уклонение от ответственности, сознательно пользуясь покровительством Лысенко за принесение огромного ущерба государству внедрением непроверенных методов (шаблонное применение травопольной системы, стерневые посевы в Сибири и других местах и пр.).

Если и эти примеры для Вас являются бездоказательными, если Вы склонны считать, что лица, запятнавшие себя подобными поступками и упорствующие в желании отстоять свое положение, могут считаться моральными людьми, то, очевидно, моя мораль и Ваша принципиально отличны. Но чья из них ближе к коммунисти-

ческой? Думаю, этот вопрос не требует ответа. Впрочем, из текста моего письма ясно, что Вы сами в письме применяете искажение, замалчивание мыслей противника и передергивание.

В биологии сейчас происходит разделение не на два лагеря: мичуринцев, с одной стороны, и вейсманистов-морганистов - с другой, а на честных ученых и лысенковцев, которые в подавляющей массе своей являются псевдоучеными. Настоящие мичуринцы, как академик Цицин, не с лысенковцами.

Ненормальность положения в биологической науке совершенно правильно отмечена в письме проф. Станкова. Это ненормальное положение постепенно исправляется, но слишком велик вред, нанесенный науке Лысенко, и это исправление носит по необходимости длительный характер, так как при слишком поспешной чистке затесавшихся в науку лжеученых легко удалить и настоящих ученых, пошедших на уступки лысенковцам из-за недостатка гражданского мужества. Но первым условием такого исправления является свобода критики, а Вы, очевидно, забываете мудрые слова, что “те, кто глушат критику в научной работе, наносят огромный ущерб науке и должны получать своевременный отпор” (ж.”Коммунист” N5, 1953 г., “Наука и жизнь”, стр.10).

Копию настоящего письма вместе с копией Вашего письма направляю в ЦК КПСС и в Обком КПСС тов. И. П. Скулкову.

(проф. Любищев)

25.IV.54 г.

В Обком КПСС Ульяновской области

Первому секретарю тов. И. П. Скулкову

Глубокоуважаемый Игорь Петрович!

Посылаю Вам копию моего письма редактору “Ульяновской правды” по поводу отказа напечатать мой ответ на статью тов. Красоты. Тов. Матяс все время ссылался на необходимость согласования с Обкомом, и я полагаю, что такая согласованность с зав. отделом школ и вузов т. Галявиным действительно была достигнута (как и с членом Обкома т. Красотой), но так как я не уверен, были ли Вы информированы в этом деле, представляющем, с моей точки зрения, несомненный зажим критики, то копию моего письма редактору “Ульяновской правды” т. Матяс посылаю и Вам.

С уважением
профессор (А. Любищев)

Ульяновск, 25 апреля 1954 г.

На свое письмо в "Ульяновскую правду" проф. Л. так и не получил ответа. И из Обкома КПСС никто не позаботился вызвать его и поговорить с ним.

А травля продолжалась. Директор пединститута Старцев сорвал утверждение президиумом АН УССР проф. Л. в должности, на которую он был избран ранее по конкурсу, выдав дополнительно к прежде выданной характеристике новую, где было написано, что он, проф. Л., "заявил себя сторонником "вейсманизма-морганизма".

Этих пяти слов оказалось достаточно, чтобы отклонить кандидатуру проф. Л. на довольно скромную, но требующую большой эрудиции и знаний, которыми несомненно обладает проф. Л., должность заведующего зоологическим музеем АН УССР. И, как ни странно, находились ученые, которые считали все это вполне закономерным.

Так один из видных ученых написал проф. Л. по поводу его выступления против Т. Д. Лысенко:

"... Мне представляется, что Вы взяли на себя весьма трудную и неблагодарную задачу по следующим причинам: 1) по всем каналам начнется противодействие, мощь которого Вы недооцениваете. Вы противопоставляете себя огромной силе; 2) за Вами "числится" репутация человека, грешащего некоторыми "измами", поэтому с Вами будет легко бороться шаблонными методами. В связи со сказанным было бы разумнее выступить не Вам, а Вашим ученикам, которым нельзя было бы предъявить обвинений; 3) с моей точки зрения, трудность ситуации связана даже не с научной стороной дела, а с политической. Т. Д. (Лысенко - ред.) является такой фигурой, которая олицетворяет в глазах всего мира передовое и прогрессивное. И в политическом отношении нам невыгодно чрезмерно умалять его значение как выдающейся фигуры современности. Слов нет, что он порядочно напутал, создал ситуацию для появления фаворитов-бездельников, но ведь вокруг каждой крупной

фигуры такое водится... Общее мое заключение - я на Вашем месте такого шага не предпринимал бы, но дело сделано, и результаты его надо пережить, а может быть, и претерпеть".

В последней фразе содержится даже предвидение чего-то угрожающего судьбе проф. Л.

На письмо почтенного лауреата в науке проф. Л. ответил:

"...Что противодействие начнется и уже началось - это я ожидал. Однако в ЦК, где я имел часовой разговор, который велся в исключительно корректной форме, я не услышал ни слова упрека. Мне сказали, что мои материалы изучаются, как и ряд других, полученных от других лиц по этому же вопросу. Фронт борьбы с Лысенко расширяется..."

И далее:

"...Что же касается Вашего совета не выступать лично, а выдвинуть какого-либо моего ученика, то такой совет Вы, очевидно, дали не подумав. Во-первых, является ли честным действовать через подставное лицо, а во-вторых, совершенно ясно, что мой маневр был бы очень быстро раскрыт и не к моей чести".

Фронт борьбы с монополией Лысенко в 1954 г. расширялся. Об этом свидетельствует дискуссия о виде на страницах "Ботанического журнала", об этом говорят многочисленные письма, получаемые редакциями журналов.

Так в разделе "Дальнейшие задачи" статьи "Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования" (Ботан.журнал, N2, 1954 г.) говорится:

"Дискуссия помогла выявить действительное положение вещей. Выяснилось, что такое распространение "нового учения" не соответствовало его оценке со стороны всего коллектива советских биологов. Выяснилось, что большинство советских биологов не разделяет этих взглядов, считает их ошибочными, необоснованными в фактическом отношении и противоречащими диалектическому материализму. Несомненно, что к голосу научной общественности должно прислушаться Министерство высшего образования СССР, Министерства просвещения союзных республик и другие ведомства.

В том, что дискуссия началась только через несколько лет после того, как были опубликованы первые высказывания Т. Д. Лысенко о виде, повинны некоторые биологи, занимавшие руководящие посты, некритически преклонявшиеся перед авторитетами и стремящиеся административными методами и приклеиванием оскорбительных ярлыков задержать поступательное развитие науки.

Отсюда вытекало все остальное: пренебрежение не только к достижениям науки прошлого, но и к современным ее достижениям, если они не согласуются с предвзятыми взглядами; пренебрежение к фактам, противоречащим этим взглядам; недооценка методической стороны исследования; некритическое принятие недостоверных фактов, если они как будто подтверждают высказывание авторитета; стремление дать диалектико-материалистическое обоснование недостаточно подтвержденной фактами и спорной в идейном отношении теории; отрыв от практики народного хозяйства и выдвижение, взамен проверенных и научно обоснованных хозяйственных мероприятий, скороспелых и непродуманных мероприятий.

Именно поэтому товарищеская критика со стороны ряда участников дискуссии в адрес Т. Д. Лысенко была встречена так неодобрительно многими сторонниками его взглядов...”

26 марта 1954 г. появилось, ставшее известным широким кругам, письмо профессора Московского университета С. Станкова “Об одной порочной диссертации”, где он подчеркнул, что факт присвоения В. С. Дмитриеву пленумом ВАК ученой степени доктора биологических наук свидетельствует о ненормальной обстановке в биологической науке. Проф. Станков закончил письмо волнующими словами:

“Я человек беспартийный, но привык видеть в нашей партии воплощение справедливости. Глубоко надеюсь, что и на этот раз справедливость восторжествует. Ведь то, о чем я сообщаю в этом письме, нельзя рассматривать иначе, как глумление над советской наукой”.

Проф. Станков справедливо высказал свое возмущение поведением акад. Лысенко на пленуме ВАК’а, взявшего под защиту диссертацию Дмитриева, поскольку он являлся его научным руково-

дителем, обозвавшего всех рецензентов, давших отрицательный отзыв о диссертации, вейсманистами.

Письмо проф. Станкова, опубликованное в “Правде”, произвело большое впечатление на тех, кто до сих пор не понимал значения борьбы против монополии. Проф. Л. в одном из своих писем отметил это:

“... Слова тов. Хрущева о диссертации Дмитриева, письмо проф. Станкова на многих произвели огромное впечатление. Наш зав. Кафедрой основ марксизма-ленинизма, умный и честный человек*) судя по всему был потрясен, так как, будучи умным и честным, он никак не мог примириться с мыслью, чтобы на вершины научного Олимпа могли забраться и долго держаться жулики и проходимцы и что другие члены научного Олимпа так долго их терпели. Поэтому, несмотря на то что он, безусловно, ко мне питает симпатию и во всей истории, затеянной вокруг меня, вел себя очень тактично, он подозревал меня в преувеличении и в пристрастном отношении к Т. Д. Сейчас он признался, что я был прав...”

Начался новый период в деятельности проф. Л. Он начал писать вторую главу “Монополии” под заглавием: “О вейсманизме-менделизме-морганизме”.

Почему именно этому вопросу была посвящена 2-я глава “Монополии”? Автор в предисловии к второй главе указал, что “огромное количество ошибок, сделанных Лысенко и его школой как в практической области, так и в области теории, и безоговорочная поддержка его философии, выдвигает как одну из актуальнейших задач подробный разбор биологических и философских обоснований того, что обычно называется советским творческим дарвинизмом и противоположных ему взглядов.

Помимо этой основной работы проф. Л. пишет ряд публицистических статей, в этом же плане, посылает их в журналы, в “Литературную газету”. К ним относятся: “О науке и писателях” по поводу статьи Л. Успенского “Поэзия науки” (октябрь 1954 г.), статьи “Писатель и наука” Геннадия Фиша (“Лит. Газета” от 26. X.54 г.), письмо в “Лит. Газету” по поводу статьи В. Доброхвалова “Догмы и жизнь” (“Лит. газета” №47 от 20.IV).

“В редакцию “Литературной газеты”

Москва, 21, Цветной бульвар, 30.

В №47 “Литературной газеты” от 20.IV с. Г. помещена статья В. Доброхвалова “Догмы и жизнь”.

Автор, называющий себя биологом, в форме письма к товарищу-физику отозвался на весьма актуальные вопросы современной биологии. Для человека, недостаточно глубоко знакомого с биологией, статья Доброхвалова кажется весьма убедительной, так как он как будто бы стоит на почве отрицания догм и доказывает вредность их. Однако лицу, близко знакомому с настоящим положением в биологии, совершенно ясно, что свободолюбие автора мнимое и что на самом деле он хочет затормозить работу подлинных противников догматизма и задержаться на определенных догматических позициях.

В статье нет решительно ничего нового, что принадлежало бы автору. Автор ознакомился с рядом печатных статей, скомпрометировал их и постарался притупить острие критики, направленное в основном на главу современного биологического догматизма - академика Т. Д. Лысенко. Имя Лысенко упоминается только раз, и неосведомленному читателю может показаться, что автор касается различных изолированных ошибок, вовсе не объединенных одним направлением. На самом деле все ошибки, указанные в статье, а именно: шаблонное распространение травопольной системы земледелия, диссертация Дмитриева, работа Карапетяна и взгляды Лысенко на биологический вид являются проявлением одного направления, возглавляемого и проводимого Лысенко. Автор не упоминает, что диссертацию Дмитриева с огромным упорством защищал именно Лысенко, что тот же Дмитриев вместе с Демидовым и при покровительстве Лысенко травили честных ученых, агрономов, критиковавших шаблонное применение травопольной системы, что работа Карапетяна вовсе не является “забавной историей”, а есть прямая фальсификация и что Г. Фиш систематически насаждает лысенковский догматизм во всех своих “работах”. Вспомним его статью “Теленомус и черепашка” с безудержным и необоснованным восхвалением теленомуса, рекламную статью, посвященную Презенту - одному из главных соратников Лысенко, его очерк “Живая земля” - защиту шаблонного применения травопольной

системы - и цитированную автором статью в “Литературной газете” “Худую траву из поля вон”, пропагандирующую “исследования” В. С. Дмитриева. Я не знаю работ Фиша, которые имели бы подлинно научную направленность. Если я ошибаюсь, прошу мне указать на мою ошибку.

Мягкость автора могла бы быть объяснена чрезмерной деликатностью, нежеланием обидеть людей. Но не везде автор проявляет такую мягкость. Он не высказывает ни малейшего сомнения в большом значении для нашей биологии и с.х. науки сессии ВАСХНИЛ, которая прошла, как известно, под эгидой Лысенко; провал ряда теоретических и практических предложений Лысенко и несомненная убыточность многих его предложений, казалось бы, должны были заставить противника догматизма, каким выставляет себя автор, задуматься: так ли целесообразны были последствия этой сессии, приведшей к неограниченному господству Лысенко в биологии. И мы знаем, что сейчас об этой сессии в руководящих документах прямого указания нет. Автор же никаких сомнений не имеет. Он пишет: “Правильно, конечно, что разоблаченные вейсманисты-морганисты были освобождены от руководящих постов”. Мы не будем разбирать, что такое вейсманизм-морганизм, - это завело бы нас слишком далеко, и даже согласимся, что, находясь на руководящих постах в учреждениях сельского хозяйства, многие вейсманисты-морганисты принесли определенный вред. Но сейчас доказан огромный вред, принесенный лысенковцами, и чей вред больше - мы сейчас без очень подробных высказываний сказать не можем. Напомним только лицам мало знакомым с историей советской биологии, что освобождение вейсманистов-морганистов от руководящих постов произошло не в один, а в три этапа. Уже в 1938 году вместо Н. И. Вавилова на пост президента ВАСХНИЛ попал Т. Д. Лысенко, и тогда он основательно вычистил научные учреждения ВАСХНИЛ, а также большинство учреждений Министерства сельского хозяйства от вейсманистов-морганистов. Тогда же он занял руководящее положение в Высшей квалификационной комиссии и имел возможность не пропускать диссертации менделистов. Очень большим стало его влияние и в Комитете по Сталинским премиям. В Ленинградском университете кафедру дарвинизма и генетики занимали его ближайшие соратники: И. И. Презент и

Н. В. Турбин. В своем распоряжении он имел ряд журналистов. Таким образом, если и был какой практический вред вейсманистов-морганистов, то они были полностью обезврежены еще в 1938г. Вторым этапом было исчезновение Н. И. Вавилова, Карпетченко и Левитского в 1940 году, когда во главе Министерства государственной безопасности стоял ныне разоблаченный враг народа Берия. У меня нет доказательств, что этот этап был согласован с Лысенко, но несомненно, что сам факт был на руку Лысенко. Чем же был недоволен Лысенко? Тем, что еще во многих вузах сохранились представители пресловутого вейсманизма-морганизма, и что в 40-х годах в Академию Наук СССР был избран членом-корреспондентом один из наших видных генетиков Н. П. Дубинин, и, наряду с лысенковским институтом генетики, возник другой институт на базе так называемой формальной генетики. Деспотизм Лысенко, сумевшего рядом рекламных предложений завоевать доверие руководства, и привел к полному устранению противников с руководящих постов во всех вузах. Третий этап борьбы с “вейсманизмом-морганизмом” характеризуется прежде всего разгромом биологических кафедр наших двух крупнейших университетов: Московского и Ленинградского - и этот разгром и сейчас дает себя очень сильно чувствовать.

Кто же это были противники, которых, по мнению Доброхвалова, и следовало устранить?

Я приведу далеко не полный список академиков, членов-корреспондентов, профессоров и других деятелей науки, которые были вычищены на 3-м этапе - в 1948 г. Приведу их по алфавиту, отнюдь не претендуя на какую-либо полноту списка:

1. Алпатов В. В., 2. Гришко Н. Н., 3. Дубинин Н. П., 4. Жебрак А. Р., 5. Завадовский М. М., 6. Немчинов В. С., 7. Орбели Л. А., 8. Парамонов А. А., 9. Полянский Ю. И., 10. Раппопорт И. А., 11. Сабинин Д. А., 12. Сахаров В. В., 13. Светлов П. Г., 14. Терентьев П. В., 15. Холодный Н. Г., 16. Шмальгаузен И. И. и многие другие.

Все эти люди весьма различны и по направлению в науке, и по специальности, и по значению их в теории и практике, но у всех у них есть общие черты: это все люди высокообразованные, искренне преданные науке и добросовестные. Сейчас кое-кто из них уже в могиле, многие получили серьезную травму, многие сейчас уже

восстановлены на работе. Лысенко не удалось снять академиков Сукачева и Цицина, хотя, конечно, в отсутствии желания этого упрекнуть его нельзя.

Кто же пришел на место этих “правильно изгнанных” ученых? Приведу опять по алфавиту: 1. Богданов Б. Н., 2. Бушинский В. П., 3. Глущенко И. Е., 4. Демидов С. Ф., 5. Дмитриев В. С., 6. Дворянкин Ф. А., 7. Исаев С. И., 8. Колесник И. Д., 9. Нуждин Н. И., 10. Опарин А. И., 11. Презент И. И., 12. Студитский А. Н. и др.

Я не упоминаю в этом списке Турбина Н. В., так как он занимал видный пост и до 1948 года, и в настоящее время лысенковцами считается вейсманистом-морганистом, а следовательно, только по недосмотру не был удален в 1948 году.

Какова же судьба “выдающихся” ученых, выдвинутых после 1948г.?

Презент в речи на сессии ВАСХНИЛ (стеногр. отчет, стр.508-509) жаловался, что руководство Ленинградского университета во главе с проректором Полянским стремились изгнать мичуринцев, в том числе его, из пределов университета. “В ход пускалось многое. И то, что Презент, например, не справляется с работой, плохо читает лекции (смех в зале)”.

После августовской сессии опасность удаления Презента была не только устранена, но он, сохранив кафедру в Ленинградском университете, получил одновременно кафедру в Московском и там же должность декана биологического факультета. Сейчас он от всех этих должностей освобожден. Так что смеяться приходится кому-то другому.

Демидов и Дмитриев получили по заслугам в речи тов. Хрущева. И на звание ученых вообще претендовать не могут.

Б. Н.Богданов, бывший одно время Директором сельскохозяйственной выставки, отмечен в фельетоне “Лутония на вышке” (“Правда”, 16.1.54).

Нуждин и Студитский отмечены, как зажимщики критики, в статье “Наука и жизнь” в журнале “Коммунист” №5 (1954 г.).

Академик Колесник проявил себя рекламной и совершенно невежественной статьей в защиту метода Лысенко по борьбе со свекловичным долгоносиком.

Академик Опарин, занявший место Орбели по руководству биологическим отделением Академии Наук СССР, является солидным ученым, по недоразумению попавшим в эту компанию, но среда, очевидно, оказывает влияние, и в деле с диссертацией Дмитриева он вел себя настолько недостойно, что проф. Станков в своем письме должен был объяснять это недостаточной эрудицией.

Могут сказать, что я подобрал лиц в значительной степени тенденциозно. Но возьмем общий результат. После сессии ВАСХНИЛ в замену опороченных и изъятых из библиотек руководств по дарвинизму и генетике Шмальгаузена, Парамонова, Полякова, Гришко и Делоне и многих других должны были быть составлены в годичный срок новые руководства по дарвинизму (что было поручено Презенту) и по генетике (что было поручено Турбину). Презент не справился с заданием, но никто другой тоже с этим не справился. И до сего времени наши вузы кроме хрестоматий учебников по дарвинизму не имеют. Турбин, с некотором опозданием, написал курс генетики. Я не буду здесь говорить об его достоинствах и недостатках, но сейчас Турбин зачислен лысенковцами, как я уже заметил, в разряд “вейсманистов-морганистов”, так что единственный лысенковец, который справился с заданием, и тот оказался “вейсманистом-морганистом”. Почти такой же затор получился и в гистологии, где был произведен в свое время разгром союзницей Лысенко - О.Б. Лепешинской. И сейчас наши вузы страдают от отсутствия хороших учебников по гистологии. Великое счастье для человечества, что Пастер жил задолго до Лысенко, Лепешинской и Бошьяна. Последние двое делали попытку “разоблачить” Пастера, но, к счастью, медицинская наука оказалась покрепче агрономической.

Сейчас термин вейсманизм-морганизм приобрел значение простой клички, которую употребляют обскуранты для борьбы с теми учеными, против которых они ничего не могут сказать по существу.

Для борьбы с догматизмом есть только одно средство - свобода критики и допущение борьбы мнений. Об этом у нас постоянно говорят, но поступают совершенно напротив. И Доброхвалов не составляет исключения. Он прав, конечно, что философы никакой пользы в биологической дискуссии не принесли, как, впрочем, и во

всех спорах по естественно-научным вопросам. Повсюду отсутствие достаточных знаний и приспособленчество, прекрасно отраженное в фельетоне Масс и Червинского “Знакомая фигура”. Все они с невероятной смелостью и решимостью нападают тогда, когда дана соответствующая команда сверху. Поэтому Доброхвалову, критикующему подобных лиц, следовало бы напомнить изречение Крылова: “Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться”.

Тов. Доброхвалов поднимает вопрос и о роли писателей в борьбе с догматизмом. Несомненно, сейчас у нас есть, хотя и редкие, но почтенные примеры. Укажу, например, на прекрасный роман Леонова “Русский лес”. Писатель дал великолепную картину зажима честных ученых лицами, подобными лысенковцам, и дал превосходный термин “вертодоксы” для чрезвычайно распространенных лиц типа Доброхвалова. Приведенная Леоновым вступительная лекция Вихрова - просто шедевр. Можно прямо порекомендовать молодым преподавателям, чтобы они на этом примере учились, как читать вступительные лекции. Противоположный пример - уже указанный мною ранее - Г. Фиш, которому тоже следует напомнить слова Крылова: “Беда: коль пироги начнет печи сапожник”.

“Литературная газета” поднимает много вопросов, но, к сожалению, дает незаслуженный простор писаниям “сапожников”, вроде Г. Фиша и ему подобных, отнюдь не давая места высказываниям противников. Могу припомнить ряд случаев из моей переписки с “Литературной газетой”. Невысокий научный уровень многих статей, помещаемых в “Лит. Газете”, отнюдь не является делом прошлого. В том же номере, где помещена статья Доброхвалова, наряду с превосходным интервью с академиком Цициным, содержащим критику такого “достижения” Лысенко, как стерневые посевы, приведена статья С. Гарина “В защиту виноградной лозы”, показывающая полное незнакомство автора с культурой винограда. Он протестует против радикального метода борьбы с филлоксерой и защищает, в частности, новый метод Я. И. Принца о лечении лозы. Яков Иванович Принц - один из наших наиболее выдающихся работников по защите винограда от вредителей и болезней, - и его метод, конечно, заслуживает самого серьезного к себе отношения,

но рекомендовать этот метод без тщательной проверки в разных местах - значит повторять ошибку Лысенко и его сторонников, рекомендовавших чуть ли не во всесоюзном масштабе травопольную систему земледелия. Надо полагать, что автор говорил с Яковом Ивановичем и другими работниками по винограду, но изложение получилось совершенно превратное. По мнению Гарина, переход на американские гибриды (автор спутал гибрид с подвоем) приводит к низкому урожаю и к производству вин низшего сорта, и что поэтому для возрождения культурного виноградарства необходимо вытеснить гибриды. Всякий маломальски знакомый с делом защиты растений знает, что спасение от филлоксеры в зараженных районах пришло путем культуры европейских высоких сортов на американских подвоях (которые вовсе не обязательно являются гибридами). При этом сохранилась и высокая урожайность и высокое качество вина, но культура на американских подвоях повышает стоимость плантажа виноградника. Поэтому и ведутся работы по выводу устойчивых против филлоксеры сортов и глубокой фумигации виноградников для избежания радикального метода. Корреспондент все перепутал, и его статья никакой пользы делу принести не может.

Прошлый опыт и категоричность моих высказываний не позволяет мне питать большую надежду, что это мое письмо будет опубликовано в “Литературной газете”, но я прошу показать его В. Доброхвалову,чтобы он знал мнение хотя бы одного биолога, который борется с догматизмом.

профессор, доктор с. х. наук (А. Любищев)

25.IV.54 г.

25 мая 1954 г.
№14258/26

Уважаемый тов. Любищев!

Благодарим Вас за внимание к газете и отклик на опубликованную в ней статью В. Доброховалова “Догмы и жизнь”. Не можем, однако, согласиться с Вашей оценкой как этой статьи, так и выступления С. Гарина “В защиту виноградной лозы”.

Вы предъявляете к статье “Догмы и жизнь” требования, которых не ставил перед собой ни автор, ни редакция. Думается, что в

статье удалось поставить ряд острых и наболевших вопросов развития советской науки. Конечно, разговор, начатый В. Доброхваловым, надо продолжить.

(...)

С уважением,

зав. Отделом гуманитарных наук "Литературной газеты"

(Петрашик)

В редакцию "Литературной газеты"

Москва, 21, Цветной бульвар, 30.

Я получил письмо (за подписью зав. отделом гуманитарных наук "Литературной газеты" т. Петрашик) от 24 мая с. Г. за N14258/26 с ответом на мое письмо. Прошу принять мою благодарность за обстоятельный ответ, что является, как уже мною указано, традицией "Литературной газеты". Но так как судьба и этого письма, как и всех предыдущих, одна и та же - оно погребено в архивах "Литературной газеты", то я считаю нужным дать подробный ответ на Ваше письмо, который, конечно, постигнет та же судьба. Я, как видите, не обижаюсь на мои литературные неудачи и пишу лишь потому, что позиция, занятая в данном случае "Литературной газетой", отнюдь не безразлична для судьбы нашего виноградарства.

(...)

Теперь по поводу статьи Доброхвалова. Совершенно неверно, что в статье Доброхвалова поставлен ряд острых и наболевших вопросов советской науки: они поставлены не им, а он постарался только смазать то, что и без его статьи было очевидным. Но вот то, что он внес в свою статью, это - попытка полной реабилитации организационных выводов пресловутой сессии ВАСХНИЛ. Это оскорбление честным ученым. На словах вы согласны с тем, что разговор, начатый Доброхваловым (который по отношению к выдающимся ученым, пострадавшим в 1948 г., выступает как Злохулителев), надо продолжить. Так и напечатайте мое письмо. А если вам не хочется поднимать дискуссию, так и не вмешивайтесь в то дело, от которого вы так же далеки, как небо от земли. Для литераторов, упорно поддерживавших Лысенко, его ошибки и ошибки его "школы" - это забавные случаи, комедия. Для нас, биологов, как и для всей страны, - это трагедия науки. Для вас непонятно то огромное

зло, которое причинил Лысенко народному хозяйству, науке и нашему престижу среди прогрессивных деятелей всего мира. Так не мешайте же делу очищения науки от лысенковкой накипи, а если хотите принять участие в дискуссии по этому вопросу, не продолжайте традиции Презента, Г. Фиша, Ю. Долгушина, Нуждина, Студитского и проч.

С совершенным почтением (А. Любищев)

7 июня 1954 г.

Подробного ответа на это письмо проф. Л. со стороны "Литературной газеты" не последовало, но зато от 28 июня 1954 г. пришло из редакции небольшое, но достаточно знаменательное сообщение:

При ответе ссылайтесь на наш 14258/26

28 июня 1954 года

Уважаемый тов. Любищев!

В дополнение к нашему письму от 24/V.54 г. сообщаем Вам, что по решению Академии Наук СССР в состав ряда научных учреждений и журналов, возглавлявшихся учеными лысенковского направления, введены представители других направлений в науке.

Итак, с санкции Академии Наук официально как будто, монополия "Лысенковского направления", как оно именуется в письме "Литературной газеты", упразднена.

В журнале "Коммунист" №5 (март 1954 г.) в статье "Наука и жизнь" (передовая) говорится:

"... Догматический подход означает, что ученый, решая ту или иную проблему, идет не от жизни, а от цитаты, пытается втиснуть жизнь в рамки готовых формул, не заботясь о том, соответствуют ли старые формулы новому содержанию общественных процессов. Догматик потому и цепляется за "теорию вчерашнего дня", что он отстает от жизни, не видит ее запросов. Догматизм - опаснейшее проявление косности, отсталости в науке. Решительная борьба с догматизмом составляет поэтому важнейшее условие творческого

развития науки в неразрывной связи с практикой строительства коммунизма...”

“... Факты говорят о том, что попытки отдельных ученых монополизировать науку еще не всюду преодолены полностью. Монополизация науки приводит к тому, что творческое обсуждение вопросов подменяется администрированием, отсекаются инакомыслящие, глушится живая научная мысль. Это проявилось, например, во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Необходимо создать подлинно творческую обстановку для научной деятельности, обеспечить условия для развертывания научной критики во всех звеньях Академии Наук СССР, во всех научных учреждениях нашей страны...”

1954 год знаменуется тем, что в “Ботаническом журнале” появился ряд статей дискуссионного характера, были подведены некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и ее дальнейшие задачи.

В разделе “Дальнейшие задачи” говорится:

“... В течение нескольких лет в нашей биологической и философской литературе, как в научной, так и в научно-популярной, и в практике преподавания биологии в высшей школе взгляды Т. Д. Лысенко по проблеме вида и видообразования рассматривались в качестве последнего слова советской науки, в качестве бесспорной и несомненной истины. Больше того, эти представления вошли в программу и в учебники средней школы, обязанной, как известно, давать советским детям знания действительных основ наук. Точка зрения Т. Д. Лысенко была преподнесена как соответствующая философии марксизма-ленинизма и современному состоянию научных знаний в таком авторитетном издании, как “Большая Советская Энциклопедия”. Кроме того, почти во всех биологических и сельскохозяйственных журналах широко пропагандировались “рекомендации” В. С. Дмитриева по борьбе с сорными растениями, не имеющими под собой никакой научной основы и вредные для практики. Эти антинаучные измышления пропагандировались и в художественной литературе. Особенно в этом направлении постарался писатель Геннадий Фиш, специализировавшийся в сочине-

ниях по вопросам сельского хозяйства, в которых он не разбирался (см. “Правда” от 31. III.1954 г.). Естественно, что за рубежами Советского Союза, в том числе в странах народной демократии, эти взгляды начали рассматриваться как общепризнанные среди советских биологов, как выражающие коллективное мнение, а это создало искаженное представление об уровне советской науки.

Министерство высшего образования СССР и министерства просвещения союзных республик, руководство Всесоюзного Общества по распространению научных и политических знаний, редакция “Большой Советской Энциклопедии” и Министерство сельского хозяйства СССР не проявили достаточно осторожного и серьезного подхода к делу, включив в программы и учебники высшей и средней школы непроверенные и недоказанные теории, а также проводя широкую и некритическую их популяризацию.

Дискуссия помогла выявить действительное положение вещей. Выяснилось, что такое распространение “нового учения” не соответствовало его оценке со стороны всего коллектива советских биологов. Выяснилось, что большинство советских биологов не разделяет этих взглядов, считает их ошибочными, необоснованными в фактическом отношении и противоречащими диалектическому материализму. Несомненно, что к голосу научной общественности должно прислушаться Министерство высшего образования СССР, Министерства просвещения союзных республик и другие ведомства.

В том, что дискуссия началась только через несколько лет после того, как были опубликованы первые высказывания Т. Д. Лысенко о виде, повинны некоторые биологи, занимавшие руководящие посты в науке, некритически преклонявшиеся перед авторитетами и стремившиеся административными методами и приклеиванием оскорбительных ярлыков задержать поступательное развитие науки.

Отсюда вытекало все остальное: пренебрежение не только к достижениям науки прошлого, но и к современным ее достижениям, если они не согласуются с предвзятыми взглядами; пренебрежение к фактам, противоречащим этим взглядам; недооценка методической стороны исследования; некритическое принятие недостоверных фактов, если они как будто подтверждают высказывание

авторитета; стремление дать диалектико-материалистическое обоснование недостаточно подтвержденной фактами и спорной в идейном отношении теории: отрыв от практики народного хозяйства и выдвижение, взамен проверенных и научно обоснованных хозяйственных мероприятий, скороспелых и непродуманных мероприятий.

Именно поэтому товарищеская критика со стороны ряда участников дискуссии в адрес Т. Д. Лысенко была встречена так недоброжелательно многими сторонниками его взглядов...”

Борьба с лысенковщиной тем не менее продолжалась. Любищев пишет еще статью в «Лит. газету»:

“О науке и писателях”

В развернувшейся предсъездовской дискуссии некоторое место занимает и отношение писателей к науке. В журнале “Звезда” появилась прекрасная статья Льва Успенского “Поэзия науки” (октябрь 1954 г.), в “Литературной газете” от 26. X. с. Г. с большой статьей “Писатель и наука” выступил Геннадий Фиш. Точка зрения Г. Фиша, по-видимому, разделяется большинством советских писателей. В N131 “Литературной газеты от 2 ноября в корреспонденции Всесоюзного совещания очеркистов без всякой оговорки указано, что “Особенно активно выступали на совещании писатели, работавшие в области научно-художественной литературы. О. Писаржевский, В. Сафонов, Г. Фиш, Е. Строгова, М. Поповский и другие горячо отстаивали право литераторов вступать в научный спор, не дожидаясь его исхода, своим оружием - словом - пропагандировать те принципиальные позиции в споре, которые писатель считает правильным. Лишать писателя права знакомить читателя с новаторскими гипотезами, участвовать в научном споре - значило бы препятствовать его вмешательству в жизнь”.

Г. Фиш также считает, что “требование некоторой части ученых, чтобы писатель подождал, пока кончится дискуссия, - это, по существу, запрещение вторгаться в жизнь, обрекающее литераторов на роль летописца преданий старины глубокой. Такие ученые, видимо, исходят из неверия в искренность литератора, неверия в то, что его могут волновать конфликты, которыми изобилует сегодняшний день развития науки”.

Таким образом, “некоторой части ученых” инкриминируется желание отгородить науку каменной стеной от вмешательства литераторов, на долю которых остается только роль популяризации того, что синклит ученых апробирует как окончательно установленное.

Думаю, что в этом обвинении нет ни грана истины и что правильнее будет обвинить литераторов, подобных Г. Фишу и поддерживающих их писателей, в желании отгородить так называемую “научно-художественную литературу” от всякой критики со стороны ученых, выступающих очень часто для защиты нашей страны от того вреда, который порой наносит эта самая “научно-художественная литература”.

Научно-художественная литература имеет двоякий характер: с одной стороны, это фантастическая литература, которая не скрывает своего фантастического характера. К такого рода литературе нельзя предъявлять строгих научных требований, и, насколько мне известно, ни один ученый их и не представлял. С точки зрения науки, можно вдребезги раскритиковать такие подлинно классические произведения, как “Машина времени” Г. Уэллса, “Таинственный остров” и другие романы Ж. Верна и прочие фантастические произведения, которые мы всегда можем рекомендовать нашему подрастающему поколению. Другая категория - повести из жизни, претендующие на реалистический характер и очерки. Здесь работа писателя, по-моему, должна быть подчинена следующим требованиям: 1) писатель должен быть хорошо знаком с предметом (этого не отрицает и Г. Фиш); 2) по дискуссионным вопросам слово должны иметь обе стороны; 3) не должно замалчивать, что тот или иной вопрос имеет дискуссионный характер. В детской же литературе, конечно, следует повременить с пропагандой таких “достижений”, которые, как теперь уже выяснилось (см. известное письмо проф. Станкова в “Правде” от 26 марта с.г.), могли возникнуть только на почве совершенного глумления над наукой. Тут Лев Успенский, конечно, абсолютно прав.

Г. Фишу и другим подобным популяризаторам хорошо, конечно, известно, что сейчас всякая книга и статья проходит через ряд фильтров, старающихся отсеять не только все неверное, но просто в чем-нибудь подозрительное, и редакционные коллеги часто бук-

вально свирепствуют в том, чтобы "не пущать" в литературу все сомнительное для них (см. прекраснейший фельетон Д.Беляева "Найти Собакина" в "Литературной газете" от 3 декабря 1953 г.). Рядовой читатель поэтому относится к популярной книге не просто как к выражению мнений автора, а как к определенной "установке". Это неизмеримо повышает ответственность писателя в наше время. И Г. Фишу, в частности, надо бы быть посамокритичнее и, отстаивая свое право знакомить читателя с новаторскими гипотезами, признаться в своих явных провалах. Укажу хотя бы на его ревностную защиту травопольной системы земледелия, которая, по его утверждению, является единственно правильной и пригодной для всех районов (см. Письмо в редакцию газеты "Правда" И. Гунара и Г. Фролова, опубликованное 31 марта с.г.). Сейчас уже бесспорно, что монополия травопольной системы земледелия принесла огромные убытки нашему хозяйству. Вот если бы Г. Фиш вскрыл ошибки и злоупотребления Демидова, Дмитриева и прочих лысенковцев и помог бы выяснить эти ошибки - за это мы сказали бы ему спасибо. Г. Фиш этого не сделал, а своим очерком "Живая земля" только содействовал, не зная сельскохозяйственной практики в ряде районов страны, особенно в засушливой зоне Украины, Северного Кавказа, Поволжья, рекламированию мнимых достижений.

В "реалистической сказке" "Вредная черепашка и теленомус", изданной в 1939 г., Г. Фиш так изображает деятельность "одного из самых живых людей нашей эпохи" Т. Д. Лысенко (цитирую по изданию "Советского писателя", стр.138, "Наука изобилия" 1948 г.). Лысенко, в ответ на слова "Человека из ВИЗРА*)", энтомолога, что ученые не маги и не волшебники, говорит: "А мне все равно - кто вы такие! Мне важно, чтобы ни один килограмм предстоящего урожая не был поражен вредной черепашкой, не был отнят у народа". Г. Фиш своеобразно тогда использовал разговор с энтомологом В. И. Талицким и от своего имени послал статью, где давалось обязательство уничтожить черепашку "на веки вечные". Эта статья была напечатана в "Известиях советов депутатов трудящихся" 5 марта 1938 г. Возмущенный Талицкий, естественно, протестовал против таких подлинно хлестаковских обещаний, на что получил ответ Лысенко (там же, стр.139): "Я тоже предпочел бы, - хитро

улыбнувшись, сказал академик, - чтобы статья писалась после того, как уже дело сделано, но раз статья уже напечатана и обязательства тем самым перед народом взяты, нужно их выполнять". На протест Талицкого, что в случае невыполнения его будут называть жуликом, Лысенко ответил, что придется работать так, чтобы действительно нанести черепашке решающий удар, и тогда нечего страшиться. И, по мнению Г. Фиша, такой удар был действительно нанесен и была одержана "победа над черепашкой, не имеющая себе подобных в мировой истории борьбы с вредителями и по своей эффективности, и по сжатости сроков (с того дня, как был поднят вопрос в институте о теленомусе, до выхода этой книжки прошло не больше десяти месяцев)" (стр.169).

Такая же "окончательная" победа, по мнению Г. Фиша, достигнута и над свекловичным долгоносиком (стр.170): "... работники лаборатории нашли биологический метод борьбы со свекловичными долгоносиками и тем спасли миллион трудодней, миллионы рублей, сотни тысяч тонн сахара и избавили народ от унизительного и тяжкого труда вручную собирать этого презренного вредителя".

К сожалению, положение и с черепашкой и с долгоносиком остается совершенно таким же, как было до работ Лысенко и его сотрудников: и тот и другой сохраняют свое вредное значение: разница только та, что свекловичный долгоносик вредит почти каждый год, а черепашка - с интервалами, часто очень значительными. Выпадение вредителей в силу естественно-исторических условий (у долгоносика это имело место в 1941 году благодаря исключительно влажной и затяжной весне на Украине) и рассматривается рекламистами, типа Г. Фиша, как "окончательная" победа над вредителями. А степень осведомленности Г. Фиша в вопросе ясна хотя бы из следующих деталей: 1) ручной сбор не является основным методом борьбы с долгоносиком; 2) описание перевозки теленомусов энтомологом Алексеевым (стр. 121-122) может вызвать только смех; 3) Г. Фиш захотел щегольнуть знанием латинской номенклатуры и везде (стр.123, 125 и 171) пишет "еурегистер" вместо правильного "еуригастер": эта маленькая ошибка послужит нам в роли "меченого атома" для установления источников "научной информации" одного позднейшего автора.

В последней статье в “Литературной газете” Г. Фиш уже стыдливо умалчивает о своих подвигах в истории с теленомусом, но продолжает хвалиться своей ролью в борьбе за использование кур в борьбе с черепашкой. К сведению Г. Фиша, могу сообщить, что использование кур и других птиц для борьбы со свекловичным долгоносиком (особенно индюшек) очень поддерживалось известным венгерским энтомологом Яблоновским в начале 20-го века; советские энтомологи использовали кур в борьбе с луговым мотыльком в самом начале тридцатых годов; но статья о применении кур в борьбе с луговым мотыльком, уже сверстанная, была изъята “вышестоящими нянями” как “политически вредная, антимеханизаторская”, и редактор сборника по луговому мотыльку был заменен другим лицом. После такого запрета ясно, что энтомологи не высказывались (да и не могли высказываться) в печати. Я не знаю лиц, принципиально возражающих против применения кур, но тут мы наталкиваемся на организационные трудности, и этот метод, в силу этих трудностей, и сейчас применяется в очень ограниченном масштабе. Заслуга Г. Фиша тут абсолютно ничтожна.

Традиции Г. Фиша и ему подобных писателей продолжаются рядом авторов. Остановлюсь на случайно попавшейся мне в руки книжке Николая Томана “Когда утихла буря” (Гос. Изд. Детской литературы, Минист. Просвещения РСФСР, 1953, тираж 150.000 экз.). Автор использовал актуальный сюжет о необходимости бдительности к вражеским диверсантам, но как он его использовал? Стержнем рассказа является занос американским диверсантом новой, совершенно чудодейственной разновидности тлей, выведенной американскими энтомологами. Эта тля отличается такой вредоносностью и такими необыкновенными темпами размножения, что способна в несколько дней в течение одного урагана погубить все посевы, лишив тем самым почву защиты от ветра (стр.52). Диверсант рассчитывал, что, выбросив несколько пробирок с тлями, он достигнет того, что эти насекомые, “выброшенные в ветреную погоду в нашу степь, быстро распространятся на большом пространстве и уничтожат растительность. Лишившись же растительного покрова, пески под действием ветра придут в движение, сформируются в барханы и пойдут в наступление на железную дорогу, на сады, поля и поселки...” (стр.54).

Любопытно, что ряд авторов, с одной стороны, стараются нас уверить, что американская селекционная наука методически беспомощна (что же можно ожидать от “менделистов-морганистов”?) и практически бесплодна, а с другой стороны, оказывается, что эти самые беспомощные селекционеры обладают методами, позволяющими в короткий срок вывести совершенно фантастических насекомых. Мы совершенно правильно смеемся над выдумками американской прессы о “летающих тарелках”, “дрессированных морских львах” и проч., имеющими вполне определенную задачу - раздувание военной истерии, а как иначе как не истерией можно назвать выдумывание историй о таком могуществе наших противников, которые, оказывается, способны превратить в пустыню обширные пространства земли с помощью нескольких пробирок с тлями. Да и какое понятие о происходящих в природе процессах вносит в детские головы эта книжонка? Хорошо всем известно, что пыльные бури вызываются хищническим капиталистическим хозяйством, без правильного севооборота, неумеренным выпасом скота, но чтобы вредные насекомые могли так уничтожить всю растительность (включая всю корневую систему), чтобы покрытое растительностью поле превратилось в пустыню - такие фантазии могут возникнуть лишь в совершенно невежественной голове.

У автора по энтомологии и вообще по естествознанию имеются самые фантастические сведения: 1) наиболее серьезное нашествие лугового мотылька произошло не в 1912 году, как пишет автор (стр.21), а в 1929 году, и наибольшее значение он имел не в заволжских районах (куда якобы двинулись из Волго-Ахтубинской поймы необозримые массы гусениц лугового мотылька), а на Украине; 2) главный вред луговой мотылек причинил сахарной свекле, затем подсолнечнику, конопле и другим растениям, но он совершенно не трогает злаков, и для проса, например, он является не вредным насекомым, а полезным, так как тщательно выедает сорняки; 3) на стр.33 выведен знаток насекомых Средней, Восточной и Центральной Ази, профессор Ключевский, который, взглянув на новую разновидность тли, сразу определяет, что такой тли на всем этом пространстве не существует. Могу заверить, что таких универсальных энтомологов вообще не существует в природе, так как число видов насекомых в указанном районе измеряется десятками тысяч

и, несомненно, имеются многие сотни неописанных видов; 4) вряд есть ли смысл распространять такие басни, что среди западных ученых есть геологи, всерьез поговаривающие о распылении всего австралийского материка (стр.47); 5) Докучаев имеет огромные заслуги в почвоведении и в деле организации степного лесоразведения, но совершенно напрасно думать, что благодаря опытным лесонасаждениям в Каменной степени изменился климат на значительном расстоянии и черноземная степь под Воронежем была спасена от превращения в пустыню (стр.48).

Ясно, что автор не удосужился познакомиться с элементарнейшими пособиями по тем наукам, результаты которых он собирается популяризировать, а откуда же он почерпнул свою "эрудицию"? "Меченый атом" выдает его с головой: "Еурегистер" (стр.24) показывает, что энтомологическую премудрость он черпает из писания Г. Фиша, добавляя еще отсебятины. (Справедливость требует указать, что известный "прогресс" в статье Г. Фиша в книжке Томана есть: ни тот ни другой даже имени Лысенко не упоминает, однако лысенковщина осталась в полной неприкосновенности).

И подобная "научно-популярная литература" издается массовым тиражем: бумагу, потраченную на печатание книжки Томана, можно было бы использовать на печатание 500 кандидатских диссертаций (считая по пяти с половиной печатных листов и по 300 экземпляров каждую). Но ведь большинство кандидатских диссертаций представляют известный вклад в науку, на подготовку их тратится большое количество средств. Однако редакционная коллегия "Литературной газеты" всячески старается препятствовать печатанию всех диссертаций (так в письме от 24.XI.1951 я получил такое возражение по этому вопросу: "Вряд ли целесообразно ставить в газете вопрос об издании всех диссертаций, уж очень их много, если учесть все отрасли знаний"), отстаивая право каждого писателя выпускать в свет весьма сомнительные произведения. Так кто же замыкается в касту или пытается отгородиться стеной: ученые ли, которые приветствуют всегда талантливую и честную популяризацию, или писатели, которые смыкаются для защиты своих иной раз недостойных представителей?

Г. Фиш в защите права писателя вступать в научные споры апеллирует к заслуженным деятелям прошлого: Чехову, Писареву -

и старается показать, какую пользу принесли в свое время литераторы своим вмешательством в неразрешенные еще научные споры. Тут можно было бы коротко возразить словами Крылова:

“Оставьте предков вы в покое,
Им поделом была и честь”.

Но вопрос настолько важен, что полезно остановиться на нем подробнее. Действительно ли всегда наши писатели и критики выступали на правой стороне? Начнем с Писарева. У этого талантливейшего (и очень лично ценимого мною) критика были общепризнанные ошибки даже в области литературной критики, например, его крайне низкая оценка Пушкина. Поддержка им теории Дарвина не имела большого значения в пропаганде дарвинизма, так как она не шла ни в какое сравнение с пропагандой дарвинизма Тимирязевым, неизмеримо превосходящим Писарева по эрудиции и не уступающим ему по блеску изложения. Что же касается выступления Писарева против Пастера в защиту Пуше, то это просто печальное недоразумение, и, конечно, плохую услугу оказывают такие “новаторы”, как Лепешинская и Бошьян, считающие, что “реакционера” Пастера Парижская Академия Наук поддержала против “прогрессиста” Пуше только благодаря реакционности мировоззрения Пастера (см., например, книжку Ю. Долгушина “В недрах живой природы”, 1952, стр.78). И о “реакционности” Пастера пишется в той самой книжке, где признается, что Пастер имеет крупнейшие заслуги в области медицины. Современные “прогрессисты” сейчас стараются не упоминать об отношении Тимирязева к Пастеру. А, конечно, статья Тимирязева “Луи Пастер” принадлежит к числу подлинных шедевров научно-художественной литературы.

Это, кстати, подтверждает взгляд Л. Успенского, что авторами наилучших образцов в научно-художественной литературе являются не писатели, а крупные ученые. Не могу удержаться, чтобы не напомнить о подобном же, почти забытом шедевре “Загадки короедов” нашего талантливейшего энтомолога И. Н. Шевырева.

Г. Фиш пишет, что Чехов поддержал Тимирязева в его походе против профессора Московского университета А. П.Богданова и, “вмешавшись в научный спор, сам написал резкую статью-фельетон “Фокусники”, направленную против Богданова”.

Этот фельетон, насколько мне известно, не принадлежит к числу шедевров чеховского наследства, и характеристика Тимирязева в отношении того, что А. П. Богданов забрал в свои руки все, начиная от зоологии и кончая российской прессой, конечно, неверна. Никто не помешал Тимирязеву и Чехову написать резкие статьи против А.Богданова, а как зоолог, в частности орнитолог, А. Богданов оставил определенный след в нашей науке.

Вряд ли и "Дядя Ваня" Чехова много способствовал победе идей Докучаева. Эту пьесу ставят и сейчас, когда идеи Докучаева победили в мировой науке, и вряд ли кто из зрителей догадывается, что дело идет о Докучаеве. Кстати, Чехов в этом вопросе был не вместе с Тимирязевым, который так и не понял значения Докучаева (см. сочинения Тимирязева в десяти томах, т.III, стр.18 или Избранные сочинения, т.2, стр.22).

Нет, и в прошлом Г. Фиш и другие писатели не найдут себе поддержки. Талантливейшие деятели русской культуры делали грубейшие ошибки, переоценив свои силы, выступали в незнакомой им области. Достаточно привести мнение Чернышевского о гордости русской науки Лобачевском: "Лобачевского знала вся Казань. Вся Казань единодушно говорила, что он круглый дурак. О нем даже писались стихотворения. Одно из них я до сих пор помню. Это смех и срам серьезно говорить о вздоре, написанном круглым дураком" (Из письма к А. Н. и М. Н.Чернышевским 8 марта 1878 г. Избранные философские произведения, 1938, стр. 508. Про гордость немецкой науки Гельмгольце Чернышевский в том же письме выражается: "жалкий бедняжка", "ослиная премудрость Гельмгольца" и проч.).

Действительно вечной истиной, пригодной для всех времен и общественных строев, является то, что никакой талант не спасает от грубейших ошибок, если к чрезмерной самоуверенности присоединяется непонимание предмета. Уважение к славным деятелям прошлого не должно мешать тому, чтобы нам не учиться на их ошибках. Если же, как это часто водится в настоящее время, мы будем их только восхвалять, совершенно умалчивая об их ошибках, то мы не только будем повторять аналогичные ошибки, но и будем способствовать культу личности, который неизбежно приведет к догматизму и к застою культуры.

Меня могут упрекнуть (и упрекают) за чрезмерную резкость выражений. Но возьмем статью Льва Успенского: она написана в идеально корректном тоне, но он позволил себе высказать суждение, что с популяризацией теории видообразования Лысенко в детской литературе (а эта “теория” оказалась неприемлемой даже для верного спутника Лысенко Турбина, который во всех остальных вопросах продолжает защищать Лысенко и сейчас) следует подождать. Этого оказалось достаточно, чтобы Г. Фиш обвинил Успенского в зажиме свободы писателя. Оказалось неприемлема для Г. Фиша и других лысенковцев - например, Халифмана - даже чрезвычайно мягкая критика Доброхвалова. Акад. Лысенко и его последователи не приемлют критику даже в малейшей степени в самой корректнейшей форме.

От второго съезда писателей советская общественность ожидала многого, и от писателей зависит решить, в частности, вопрос: идти им вместе с честными, подлинно передовыми учеными в борьбе с монополией и догматизмом или попытаться создать особую касту, надстройку над наукой, “опричнину культуры”. Это неизбежно будет, если писатели в целом в лице своего союза будут продолжать политику нивелировки мнений, зажима критики и поддержки невежественных популяризаторов. Как бы ни рядились некоторые писатели в тогу “социалистического реализма”, не трудно видеть, что такой подход является карикатурой и на социализм, и на реализм”.

(А. Любищев)

8 ноября 1954 г.

Указанное письмо было послано в “Литературную газету” Льву Успенскому и в Дом Детской книги, поскольку книжка Томана “Когда утихнет буря”, подвергшаяся критике проф. Л., была издана издательством детской книги.

Большим и содержательным письмом ответил Лев Успенский. Письмо носит неофициальный характер, поэтому не привожу его содержание, не имея на это разрешение автора письма. Могу только отметить, что Л. Успенский, по его словам, с удовлетворением по поводу сути статьи проф. Л., прочел “превосходно написанную

и злую статью-письмо”. В конце письма Л. Успенский выражает сожаление, что он не может настойчиво рекомендовать превосходно написанное письмо-памфлет к напечатанию, потому что это походило бы на своеобразную саморекламу: “уж очень Вы там хвалите Льва Успенского”, - замечает он.

Дом Детской книги сообщил, что со статьей “О науке и писателях” ознакомлены работники издательства, под редакцией которых выходили книги Г. Фиша и Н. Томана. И, как обычно (это надо отдать справедливость “Литературной газете”, что она не оставляет ни письма, ни статьи без ответа), ответил проф. Л-ву зав. отделом естественных наук “Литературной газеты” Аграновский. Помещаю этот ответ:

При ответе ссылайтесь на наш №36674/25

22 декабря 1954 год.

Уважаемый тов. Любищев!

Редакция “Литературной газеты” благодарит Вас за внимание к публикуемым материалам. К сожалению, опубликовать сейчас Вашу статью не представляется возможным: 15 декабря открылся Второй Всесоюзный съезд писателей, и редакции, естественно, приходится все внимание уделять освещению этого важного события.

Ваша статья содержит ряд интересных соображений, и мы постараемся учесть их в дальнейшей работе.

Этот ответ предвидели многие. Для иллюстрации приведу два таких предвидения:

26.XI.54 г.

“... Относительно статьи “О науке и писателях”. Я после появления статьи Г. Фиша тоже было порывался написать и примерно в том же духе, что написали Вы, но не имел уверенности, что “Лит. Газета” напечатает мою статью и работу отложил. Сейчас я вижу, что Вы написали именно то, что надо, и сделали это лучше, чем сделал бы я. Я думаю, что “Литгазета” Вашу статью не напечатает: она бьет не только Г. Фиша и других, но и редакцию “Литгазеты”.

А разве они пойдут на то, чтобы самим себя высечь? Но будет крайне интересно знать, какая реакция будет на Вашу статью из редакций газеты и Детгиза...”

28.XI.54 г.

“... С жадностью прочел Вашу статью, которая, должен признаться, прекрасно удалась Вам: она написала талантливо, остро и абсолютно справедлива по содержанию... Но именно эти обстоятельства определяют мою глубокую уверенность в том, что “Литературная газета” ее не напечатает. Слишком много общих вопросов затрагивает Ваша статья. Конечно, она правдива, но как непривлекательна эта правда!.. Нет, Вашу статью не напечатают!

Конечно, ее не напечатали...

Шел второй съезд писателей. Проф. Л. Находил время для того, чтобы читать все предсъездовские материалы, публикуемые в “Литературной газете” и журналах. Наступил 1955 г.

1955 год.

Перед съездом писателей появилась в “Новом мире” пьеса А. Корнейчука “Крылья”. По мнению проф. Л., эта пьеса явилась осуществлением подлинного социалистического реализма, но выступление А. Корнейчука на съезде не удовлетворило его. Проф. Л. возмущала беспрестанная и малоосновательная критика произведений некоторых драматургов и статьи Померанцева, Щеглова и проч. Он написал “Открытое письмо А. Корнейчуку”, в котором с искренностью и горячностью, присущим ему, подверг острой критике практику “редактирования” выступлений, замалчивание писателями острых вопросов современности, поставил перед писателем ряд вопросов, одним словом, вызывал писателя на большой разговор.

Письмо профессора Любищева к писателю А. Корнейчуку датировано 1 февраля 1955 г.; сегодня, когда я пишу эти строки, уже 19 августа, отклика от А. Корнейчука нет, но письмо это сам проф. Л.

передал в ЦК, и там хотят иметь с ним, вероятно, большой разговор, т. к. дважды сообщали по телефону о желательности видеть его в ЦК. 23-го августа А. А. будет в Москве, 24-го - в ЦК.

От В. Алпатова - А. А.

Москва, ноябрь 1955 г.

"... Привет от меня Ольге Петровне и благодарность за посылку "Мысли о многом", 3-й выпуск. Считаю эту рукопись документом огромной важности и чрезвычайной силы. Ее можно поставить в ряд с классическими произведениями великих натуралистов-полемистов..."

Дом детской книги

Москва, 47. ул. Горького, 43

Посылаю вам копию моего письма в "Литературную газету" "О науке и писателях", т. к. в этом письме я подвергаю критике выпущенную Вашим издательством книжку Томана "Когда утихла буря", изд.1953 г.

На напечатание моего письма в "Литературной газете" нет никакой надежды, а в предисловии к книге Вы просите прислать отзывы.

С уважением

Профессор, доктор сельскохозяйственных наук

Ульяновск, ул. Труда, 27, кв.43

Любищев Александр Александрович

Льву Успенскому

Редакц.журнала "Звезда"

Л-д, ул. Воинова, 18

Глубокоуважаемый тов. Успенский!

С большим удовольствием прочел Вашу статью в "Звезде" - "Поэзия науки", на которую я обратил внимание в своей критике небезызвестного Геннадия Фиша. Вы меня, конечно, не знаете. Я старый профессор-биолог, принимающий большое участие в борьбе против монополии Лысенко. Я послал письмо в "Литературную газету", которое, конечно, как и первые многочисленные письма, напечатано не будет. Посылаю Вам копию, и, может быть, могу

выразить некоторую надежду, что в случае ненапечатания “Литературной газетой” мое письмо будет помещено в “Звезде”.

Буду очень рад, если Вы лично мне сообщите Ваше мнение о моем письме.

Уважающий Вас (А. Любищев)

Н. П. Дубинину, чл. корреспонденту АН СССР,

председателю бригады по проблеме “Наследственность”.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Благодарю Вас за присланное мне письмо и отвечаю на поставленные Вами в нем вопросы:

1) Какие наиболее важные научные и производственные проблемы генетики и селекции считаете Вы необходимым разрабатывать в Советском Союзе в ближайшем будущем?

Я не являюсь специалистом по генетике и селекции, по генетике я напечатал только одно творческое исследование в 1925 году, но сталкивался с генетическими и селекционными вопросами и как преподаватель вуза и, в особенности, по ходу своей работы в области прикладной энтомологии, которая велась в постоянном контакте с селекционерами. Но, с другой стороны, я имею право считать себя специалистом в области статистической обработки результатов полевых биологических исследований и поэтому для меня совершенно ясны дефекты работы даже многих выдающихся нелысенковских селекционеров. Наконец, по ходу подготовки работы “О монополии Лысенко в биологии” мне пришлось детально ознакомиться с работами как самого Лысенко, так и с работами Мичурина и других представителей так называемой мичуринской биологии. Детальный анализ дан в главе третьей и будет завершен в четвертой главе, из него совершенно очевидно вытекают следующие актуальнейшие проблемы селекции ближайшего будущего:

а) Навести порядок в существующем хаосе. Должна быть проделана тщательная и научно обоснованная инвентаризация всего того ценного фонда сортов, который мы имеем в настоящее время, и работа районирования должна быть полностью пересмотрена, так как не подлежит сомнению, что под эгидой Лысенко процветало не только невежество, но и прямое злоупотребление своим служебным положением. Необходимо, в частности, произвести полную ревизию всего мичуринского наследства, выяснения устойчи-

вости его сортов по отношению хозяйственных качеств, морозостойкости и прочее. Эта работа не может быть выполнена наличным составом института Им. Мичурина и других н. И. Учреждений, т. К. все подобные учреждения заполненные лысенковцами, не владеют орудиями современной научной методики и обучаться ей по своему культурному уровню лысенковцы не могут, даже если бы захотели.

б) Реорганизовать систему сортоиспытания и районирования сортов. Во время своей организации Н. И. Вавиловым и В. В. Талановым система сортоиспытания и районирования находилась на уровне современной науки, так как в начале двадцатых годов дисперсионный анализ только нарождался и он сразу же был использован для этой цели Н. Ф. Деревицким. Хотя общая схема сортоиспытания благодаря работе ученых, уцелевших от лысенковского погрома, возможно и сохранилась, но она несомненно ухудшилась вследствие невежества и недобросовестности лиц, внедрявшхся после 1938 и особенно после 1948 года всюду, куда они только сумели проникнуть. Очищение от этой накипи совершенно необходимо, но это не значит, что мы должны полностью восстановить систему сортоиспытания и районирования как она была до 1948 года. Во-первых, за это время наука селекции двинулась вперед (к сожалению, преимущественно заграницей) и, кроме того, до 1938 г. выяснились некоторые дефекты, требовавшие реорганизации. Укажу главный дефект, на который было в свое время обращено внимание Р. Фишером. Сравнительное испытание сортов проводилось в географическом разрезе, но в каждой определенной точке сортоиспытательной сети проводилось во всех повторностях по возможности в одинаковых условиях, а так как условия сортоиспытательных пунктов часто не были типичными для репрезентируемого района, то сорта, выдержавшие испытание на пункте, часто не оказывались годными при хозяйственной проверке. Выходом из положения является применение методов факториального анализа путем:

1) многообразия фонов и методов обработки на каждом пункте;

2) включения в испытание данных урожаев в производстве. Об этом вкратце у меня изложено во второй главе. Это, конечно, усложняет работу сортоиспытания и требует значительно более вы-

сокой квалификации работников в этой области, поэтому эта реформа не может быть введена сразу: она должна быть подготовлена довольно длительной научно-исследовательской работой двух-трех наиболее квалифицированных учреждений с охватом областей прилегающих к этим учреждениям. Должен быть подготовлен и соответствующий персонал.

в) Всемерно расширять работу по изучению новых перспективных методов селекции. Я имею в виду прежде всего использование полиплодии, получение мутаций при помощи излучения и проч. Я не касаюсь подробно этого вопроса, так как здесь гораздо более веское слово скажут тт. Рапопорт, В. В. Сахаров, М. Навашин и проч.

Само собой разумеется, что не должна быть подвергнута умалению работа по отдаленной гибридизации, в частности явления ментора в смысле реальности этого явления (данные Мичурина часто касается единичных случаев и сплошь и рядом вовсе не убедительны, как, например, в случае ренета бергамотного) и устойчивости его.

г) Продвигать теоретические работы по генетике. Не будучи специалистом по генетике и отстав от мировой литературы , я все-таки решаюсь назвать несколько важнейших направлений:

1) разработка теории гетерозиса: этот вопрос усиленно дискутируется в мировой литературе и необходимо, чтобы и советская наука в этом приняла участие, тем более, что прогресс в этой области сулит и серьезные практические успехи;

2) дальнейшая теоретическая и экспериментальная работа по теории генетико-автоматических процессов (дрейф Райта), в частности работы Н. П. Дубинина, которые были так нелепо охаяны в докладе Лысенко;

3) работы по управлению доминированием и по эволюции доминантности;

4) к этому примыкает и работа по проблеме осуществления в наследственности: здесь мы имеем заглушенные за последнее время такие направления в работе, как теория биологического поля А. Г. Гурвича, работы по механике развития М. М. Завадского и др.

2. Какие работы по генетике и селекции ведутся лично Вами или под Вашим руководством?

Если не считать моей работы по написанию сочинения “Монополия Лысенко в биологии” (это сочинение имеет по преимуществу критикующую задачу), то я могу считать себя работающим в области генетики только в том случае, если генетику понимать расширительно, в смысле науки не только о наследственности, но и об изменчивости, т. Е. включающий в себя биометрию (ее толковал, например, Ю. А. Филипченко). Кроме того, тесно связанной с генетикой является работа по общей систематике, составляющая основную задачу моей жизни, хотя пока по этому вопросу мной опубликована только небольшая статья “О форме естественной системы организмов”, напечатанная в 1923 году.

Работа ведется мной давно и ряд работ были вполне подготовлены к печати, но большая часть из них не прошла через цензурные фильтры не потому, что были указаны какие-либо серьезные дефекты, а из боязни “как бы чего не вышло” и из-за общей однозначности и биометрического направления и моего имени: даже печатные мои работы после 1948 года перестали цитироваться энтомологами.

У меня имеются работы по применению биометрии и, в частности, дисперсионного анализа Р. Фишера:

1. Руководство по применению в биологии дисперсионного анализа написано и вполне подготовлено в печати перед войной (велся разговор об издании с Р. Белкиным в АН СССР) объем 262 стр. машинописи.

2. К методике количественного учета экологического районирования насекомых: 230 страниц машинописи. Закончена в 1947 году. Сейчас есть постановление Киргизской Академии Наук о ее напечатании.

3. По применению более сложных методов для различения криптических видов написаны две работы: одна по применению номограмм для различения личинок восточного и западного майского жуков (объемом около четырех печатных листов) была подготовлена к печати еще перед войной в Киеве (напечатать не решилось начальство), другая по применению метода дискриминантных функций Р. Фишера для различения неразличимых внешне видов земляных блошек рода Хальтика написана как одна из глав работы “Земляные блошки Киргизии”, закончена в 1949 г. (объем 186 стр.

Машинописи). Работа по этому вопросу продолжается, так как мной намечено систематическое применение метода дисперсионного анализа и использования номограмм для усовершенствования определительных таблиц трудных разделов системы насекомых. Работа может иметь и практическое значение, так как очень часто из двух практически неразличимых обычными методами насекомых одно оказывается вредным или даже карантинным объектом.

4. По общей теории системы, в развитие статьи, напечатанной более тридцати лет тому назад, мной закончена для печати в 1947 г. общетеоретическая работа: "О некоторых постулатах общей систематики", объемом немного более одного печатного листа: редакция, конечно, не пропустила, несмотря на очень благоприятный отзыв акад. Л. С.Берга.

По общим вопросам систематики и эволюции у меня имеются ряд черновых набросков (программа общей систематики, проблема целесообразности и др.). Я надеюсь с осени приступить к пересмотру всего моего довольно значительного архива для систематизации накопленных за свою жизнь (размышлять о систематике начал еще будучи реалистом, лет пятнадцати, т. Е. примерно пятьдесят лет тому назад) материалов по общебиологическим и философским вопросам.

Что касается руководимых мной аспирантов и других сотрудников, то я естественно им тем подобного рода не даю, а даю преимущественно темы по прикладной энтомологии, стараясь, без особенно большого успеха, внедрить им более точные методы обработки. Но отсутствие достаточной подготовки в вузе и загруженность другими делами у моих учеников не позволяет мне, к сожалению, передать моим ученикам то ценное, что я мог бы им передать при других условиях.

3) Какие мероприятия Вы нашли бы необходимыми для дальнейшего успешного развития генетики в Советском Союзе.

Эти мероприятия, по-моему, носят двоякий характер: 1) с одной стороны, мероприятия непосредственно связанные с развитием генетики, это, так сказать, программа-минимум; 2) другие, связанные с необходимостью устранения крупнейших дефектов на всем фронте нашей культуры, которые, конечно, имеют косвенное зна-

чение для развития любой науки, в частности генетики, это - программа-максимум.

Программа-минимум, на мой взгляд, заключает в себе следующие пункты:

1. Реорганизация руководства научными учреждениями и журналами по агрономии и биологии в СССР: пребывание Лысенко на посту президента ВАСХНИЛ имеет вреднейшее значение, так как с этим связано, что огромное большинство редакций журналов по агрономии, прикладной и теоретической биологии состоят в основном из ставленников Лысенко. Научный уровень этих "ученых" можно видеть на примере Презента, Дмитриева, Демидова, Трошина и многих других уже скомпроментированных лиц. Между тем правильная научная работа учреждений и журналов может проходить только тогда, когда во главе их стоят настоящие ученые.

2. Усиление печатания научных работ. Этот пункт входит и в программу-минимум и в программу-максимум, так как возможна полная публикация научных достижений является единственным возможным методом подлинного научного контроля. Печататься должны и все диссертации в ограниченном тираже (экземпляров 500-1000), причем для этого вовсе не требуется типографского способа, а можно печатать изготовлением фотоклише по способу применяемому в Институте Информации для иностранных журналов. Этим путем весь опыт, вложенный в научную работу вообще и в диссертации в частности, будет полностью использован и будет устранен тот крупный источник злоупотреблений, который сейчас имеет место (см. Недавнюю статью "Наука и дипломы" в "Советской культуре"). При том размахе печатания вообще, который сейчас имеет место, экономия по печатанию научных работ есть плюшкинская экономия. Не надо забывать, что в печатании беллетристических произведений часто заинтересован прежде всего автор и государство не очень потеряет, если значительная часть не будут вообще опубликованы. В научной работе хороший автор выигрывает от напечатания работы и проигрывает от ненапечатания, при чем проигрывает в последнем случае и государство, вложившее средства в научную работу. При ненапечатании же плохой работы (в частности диссертации) государство тоже проигрывает, так как бракодел или лодырь или плагиатор долгое время ускользают

от ответственности и потеря, наносимая государству нечестно заработанная дипломом или длительным пребыванием на несоответствующем месте недостойного человека, несравненно выше стоимости печатания работы. Этим и объясняется то, что в то время когда во главе ВАСХНИЛ стоял настоящий крупный и честный ученый Н.И. Вавилов, печатная научная продукция ВАСХНИЛ была несравненно больше той, которая производится в настоящее время, и наша агрономическая наука по уровню не уступала уровню мировой науки, а в некоторых отношениях даже ее превосходила. Сейчас мы крайне отстали.

3. Изменение преподавания в биологических и сельскохозяйственных вузах. В программу биологов и агрономов должны быть введены предметы: генетика (конечно настоящая, включая так называемые менделизм и морганизм) и методика лабораторных и полевых исследований. Так как современная методика исследований, как и генетика, пронизана математической статистикой, а усвоение ее (сознательное, а не механическое), как я убедился на достаточно положительном опыте со своими учениками, требует известного уровня математической культуры, необходимо ввести в программу биологических факультетов университетов, педвузов и сельскохозяйственных институтов высшую математику и теорию вероятностей.

4. Использование иностранного опыта. Благодаря господству Лысенко в течении примерно семнадцати лет (с 1938 г., особенно, конечно, с 1948 г.) мы страшно отстали от уровня мировой науки и эта отсталость является одной из важных причин существующего напряженного положения в сельском хозяйстве. Для скорейшего преодоления этой отсталости, наряду с развертыванием мероприятий внутри страны, в высокой степени желателен помимо переводов иностранных книг личный контакт с иностранными учеными. На первом месте следует, конечно, поставить Англию, с ее старейшим Ротамстедской опытной станцией и Национальным институтом сельскохозяйственной ботаники в Кембридже, где в настоящее время работает Р. Фишер. Многому можно поучиться и в Соединенных Штатах Америки, но вряд ли можно надеяться, что нынешнее правительство США пойдет на это.

5. Перестройка программы биологических и агрономических вузов не осуществима без значительного сокращения предметов не относящихся к специальности биолога, но в полном размере это уже относится к программе-максимум.

Программа-максимум имеет общекультурное значение и касается генетики и селекции только постольку, поскольку без подъема культурного уровня нашей молодежи невозможно получение достаточного количества подготовленных кадров. Мы знаем, что среди огромной массы советского студенчества есть, конечно известный процент хорошо подготовленных студентов, но значительная масса студентов, о чем я могу судить по личному опыту, обладает тремя дефектами: 1) очень плохим знанием математики; 2) неумением правильно и последовательно излагать свои мысли; 3) крайней непрочностью знаний решительно по всем предметам. Как старый преподаватель имевший всегда значительный контакт с молодежью как по службе, так и по семейным связям, и, в особенности, учитывая последний опыт работы в Педагогическом институте, я с горечью констатирую наличие несомненного регресса по двум пунктам: 1) снижение общего развития студентов на первом курсе по сравнению, примерно, с 1927-1930 гг.; 2) снижение уровня интереса у студентов от первого курса к четвертому. Из разговора с товарищами по работе знаю, что это не только мое личное мнение. Размышляя над причинами этого печального явления, я все больше прихожу к выводу, что это объясняется перегрузкой программ как средней школы, так и вузов предметами, требующими только запоминания и не требующими понимания и догматическим характером преподавания. Это касается трех групп предметов: 1) литературы в средней школе: если сравнить программы старой школы, в которой учились раньше (примерно до 1927 г. в Ленинграде, а в Москве и др. Местах вероятно до более раннего срока - 1923-24 гг.), то увидим, что раньше различные разделы математики фигурировали в качестве отдельных предметов (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия и даже начала аналитической геометрии и исчисления бесконечно малых), преподавались в некоторых школах по крайней мере два иностранных языка, а русский язык преподавался совместно с литературой. В настоящее время, как известно, при поступлении даже в математические и технические вузы

математика считается одним предметом (в крайнем случае две отметки - письменный и устный), а литература и русский язык разделены (при наличии двух устных и одного письменного экзамена получаются даже три отметки). Создается совершенно необоснованная гипертрофия словесности в ущерб математики. Отрыв литературы от русского языка приводит к тому, что сочинения пишутся, как правило, на литературные темы, требующие опять-таки только вызубривания изложенного в учебнике толкования тех или иных образов (причем это толкование носит часто совершенно нелепый характер) и приучает ученика к заучиванию разных нелепостей; 2) эта же линия догматизма проводится в вузах (в частности в педвузе, где я сейчас работаю), в особенности философскими предметами и общеполитическими. Не говоря уже о том, что эти предметы продолжаются в течении всех четырех лет, вплоть до восьмого семестра, преподаватели этих предметов предъявляют совершенно невозможные требования, не способствующие развитию мышления, а притупляющие его. Каждую неделю, от каждого студента требуется активное участие в семинарах, причем эта активность должна выражаться в форме представления конспектов по очень значительному объему прочитанной литературы, при этом в список прорабатываемой каждым студентом литературы включаются такие труднейшие произведения произведения как “Капитал” К. Маркса. В результате, не будучи достаточно подготовленными и не имея времени для основательного изучения рекомендованной литературы, студенты привыкают к “мозаичному” способу составления так называемых конспектов, т. Е. склеиванию их из кусочков, взятых из разных мест. Этот метод они переносят затем и на другие предметы, в частности на писание курсовых работ, где одно подлежащее причудливо сменяется другим без всякого упоминания студентом о такой замене. Этим и объясняется, по моему мнению, падение уровня умственного развития за время пребывания в вузе и утрата большинством студентов и студенток (в нашем вузе и факультете преимущественно женский состав) всякого интереса к основным предметам их программы;

3) наконец, в педагогических институтах огромным злом является гипертрофия педагогических дисциплин. Программа педвуза, распределение предметов приводит к тому, что на четвертом кур-

се, где все внимание должно быть сосредоточено на окончательной выработке специалиста определенного профиля, время студентов в большей части: а) педпрактикой, продолжающейся около двух месяцев; б) политическими и философскими предметами, по которым предъявляется особо повышенная требовательность; в) педагогическими семинарами. Восьмой семестр оканчивается в начале апреля и сплошь и рядом бывает, что на одной неделе у студентов бывает по три-четыре семинара, к каждому из которых нужно готовится особенно тщательно, но фактически к которым готовятся “мозаичным” способом составления конспектов. Никакой углубленной работы по своей специальности студент, конечно, как правило вести не может. При проведении педагогической практики особенное внимание обращается на тщательную разработку всех деталей поведения учителя и учеников, причем особую трудность составляет то, что приходится с одной стороны, придерживаться учебников, а с другой стороны, этого невозможно придерживаться, так как учебники по биологии, в особенности после 1948 года, в особенности по дарвинизму, заключает в себе огромное количество ошибок.

Я остановился на программе-максимум потому, что долгая работа в вузах, научно-исследовательских институтах, и соприкосновение с учащейся молодежью привело меня, и не только меня, к выводу, что наша система образования нуждается в основательной реформе с тем, чтобы цель образования достигалась наилучшим образом. Я намерен в конце 1955 года подробно изложить и обосновать мысли о дефектах образования в специальной записке, но сейчас пользуюсь случаем и излагаю это вкратце, в крайне несовершенной форме, так как улучшение системы образования в нашей средней школе имеет самое важное значение для преодоления нашего отставания в ряде важнейших областей нашей культуры. в частности в области агрономии и биологии.

Зав. кафедрой зоологии Ульяновского педагогического института,

доктор с. х. наук, профессор (А. А. Любищев)

Ульяновск

14 марта 1955 г.

Основная работа “О монополии Т. Д. Лысенко в биологии” продолжалась.23 апреля были сданы в ЦК 2 главы: глава 2-я “О вейсманизме-менделизме-морганизме” и глава 3-я “Наследство Мичурина и Вильямса”. Препроводительное письмо было снова адресовано Н. С. Хрущеву.

Первому секретарю КПСС Н. С. Хрущеву

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я пересылаю Вам продолжение работы “О монополии Лысенко в биологии”, первая глава которой была передана еще в конце 1953 г., и это продолжение (2-я и 3-я главы) еще не является окончанием. Я сознаю медлительность моей работы, но полагаю, что некоторым извинением может служить ряд обстоятельств.

Дело по ликвидации Лысенковского режима, успешно начатое в 1954 году, затормозилось, очевидно, ввиду сильной оппозиции кругов, кровно заинтересованных в сохранении старого положения. Естественно, что и задача критики расширилась и осложнилась.

Самому мне работа открыла много нового и неожиданного, но я убедился в том, что, если в оценке лысенковщины я и сделал ошибки, то лишь в недооценке, а не в переоценке ее вредного влияния: я неправильно обвинил противников Лысенко в замалчивании Мичурина.

Наконец, я мог посвящать этой работе только урывки времени от педагогической деятельности. Хотя стиль ее резок, но написана она не желчью личных обид, а кровью старого, но еще не остывшего сердца не могущего выносить то несчастье и позор, которые принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей родине и моей науке.

Приложение: 1) “О монополии Лысенко в биологии” 2-я часть (главы 2-я и 3-я)

2) сокращенное изложение второй части.

Москва, 23 апреля 1955 г.

Проф. (А. Любищев)

от В. В. Алпатова

Москва,

17.II.55 г.

Дорогой Александр Александрович!

Очень рад был получить от Вас письмо мне и письмо Корнейчуку. ...Я и все мои друзья получили от чтения величайшее удовольствие. Я боюсь только, что оно не очень поможет всему делу борьбы за правду и правду биологическую. “Оттепель” кончилась и стоят легкие морозцы. Все позиции в руках шарлатанов от биологии. Они держатся за свои “Победы”, дачи, “Зимы” и “Зисы” с отчаянием людей, которым предстоит быть на улице с рукой. Единственное удовольствие в том, что они затихли и не кидаются с лаем на всех честных биологов. Хотя и лают из подворотни. Недавно некий Халифман на большом заседании в ВАСХНИЛе поносил меня за то, что вместо открытой критики его и Губина, я пишу разносные отзывы на диссертации присылаемые ВАКом мне на рецензию. В доказательство он зачел мой отзыв, нарушив этим все правила о закрытости отзывов. Какая наглость!

Недели две тому назад была бурная сессия Биологического отделения Академии наук по докладу Опарина (годичному). С огромным трудом удалось провести резолюцию о неблагополучии на фронте биологии. Выступления были горячие, откровенные до предела. Я, к сожалению, не был. А вечером на Пленуме Академии Несмеянов и Топчиев все пригладили и последний говорил о достижениях в области изучения наследственности и ее изменчивости и живого вещества. Лепешинскую все же позабыли. В учебнике новом Заварзина об этой юродивой нет ни слова.

Дубинину и Петрову (из Куйбышева) ВАК (?!) поручил писать учебники генетики. В изд. Ин. Лит. решают выпустить перевод какого-нибудь учебника генетики. В Р.Ж. “Биология” понемногу начинаем робко печатать генетические рефераты. Мои попытки устроится на лабораторную работу не удаются. Я по-прежнему сижу за редакторским столом.

Разговор в ЦК 25 августа 1955 г.

Разговор с Василием Павловичем Орловым (Сельскохозяйственный отдел)

Он недавно (через Н. П.) познакомился сначала с третьей, а потом с первой главой “Монополии” и выразил желание поговорить. Разговор велся совместно с С. С. Голубинским, доцентом сельскохозяйственного института а Персиановке, который еще с 1952 года выступал против гнездовых посадок леса, а теперь возражает против нелепой критики Вильямса. Кстати, и Наталья Петровна подтвердила, что я совершенно правильно изложил сущность травопольной системы Вильямса и что Чижевский все совершенно перепутал. Поэтому с умными защитниками Вильямса у меня установился полный контакт.

Разговор длился 1 ч.20 м. и мог длиться дольше, но я спешил на следующий разговор с Ивановым.

Орлов указал по отношению к моей работе, что заключение о ней в общем таково: “материал объективный, доброкачественный, но только что я уж слишком резок в выражениях”. Понятие мичуринской биологии сейчас уже упразднено и по случаю предстоящего столетия со дня Мичурина будут говорить о мичуринском направлении, но не о мичуринской биологии. Конечно, некоторые могут еще по-старому именовать, но “мы за это не ответственны”. Я сразу на обвинение в резкости не ответил, но потом, когда представил ряд других соображений, я ему заявил, что вот был у нас почтенный и мной весьма уважаемый педагог Макаренко: однако и он два раза прибегал в решительный момент к мордобою, что имело в обоих случаях весьма полезные последствия. И в данном случае Лысенко и лысенковцы это не одно из направлений в биологии, а бандиты, и по отношению к ним придется прибегнуть к мордобою или обыкновенному русскому мату. Иного языка они не понимают. Я порядочно разгорячился, но это никакого осуждения собеседника не вызвало. Как-то в разговоре Орлов заявил, что ломки не будет. Я ответил: “А все-таки придется ломать”. Тогда он ответил: “Не сразу, а постепенно”.

Записал мой адрес и телефон и обратился ко мне и Голубинскому с просьбой писать рецензии на ряд вышедших и выходящих книжек “Библиотека председателя колхоза”. Я заявил, что не считаю в праве тратить много времени на опровержение многих глупостей, когда Лысенко все еще у власти и что у меня очередной план четвертая и, особенно, пятая политическая глава. Я сказал:

“Считайте меня наглецом, я не обижусь, так как сам в выражениях не стесняюсь. но считаю, что вряд ли кто кроме меня в СССР эту главу сумеет написать как следует”.

Показал ему переписку по поводу Кожанчикова и указал, что здесь дело не в страхе: перестраховщики в Киргизии и ЗИНе ко мне лично превосходно относящиеся рассматривают сохранение у власти Лысенко как возможность полного восстановления его монополии и тогда напечатание моей работы может быть вменено им в вину. Они и выдумывают нелепые доводы (о “необъективности” человека с такой репутацией, как В. Н.Беклемишев), чтобы всячески затормозить печатание. Я сказал, что и сейчас многие ученые люди считают что мы не застрахованы от рецидива ежовщины (может быть это я сказал Иванову - я уж это точно не помню) и только решительное изгнание таких шарлатанов, как Лысенко, позволит сломить это совершенно законное недоверие.

Орлов просил меня не только самому рецензировать (кое-что, и в первую очередь о лысенковской почвенной чепухе и книжку о плодоводстве - я взялся написать), но и организовать в Ульяновске это дело в отношении других книг. Я указал, что это вряд ли я могу сделать, прежде всего потому, что во главе СХИ стоит явный лысенковец Красота, который пытался организовать против меня травлю в начале 1954 года и который, думая, что Лысенко реабилитирован, просто не позволит своим работникам принимать участие в борьбе с лысенковщиной.

Коснулся разговор кукурузы. Я указал, что в Ульяновской области кукуруза плоха, что даже из окон вагона видны, вызывающие сожаление кукурузные участки, что вместо конопли сеют кукурузу, что все бросают на кукурузу и забрасывают остальные культуры. Он сказал, что такое сведения у них есть и что с этими перегибами будут бороться, но что сам нынче видал прекрасные посевы кукурузы в Свердловской, Великолукской и, кажется, Калининской и Смоленской областях. Я не касался южных, так как там кукуруза вполне уместна. “А Пензенская?” - спросил я. “В южной половине Пензенской кукуруза хорошая”. Ну на это я ничего не мог возразить, так как ни сам там не был, ни сведений не имею. Коснулся и трудностей вывоза зерна из целинных областей. Он от-

ветил, что сейчас создана специальная комиссия для разработки транспортных вопросов.

Орлов сообщил, что скоро будут издаваться сочинения Н. И. Вавилова. Из разговор с Голубинским (мы обменялись адресами и видно, что в нем, как и в Орлове, я приобрел если не друзей, то весьма сочувствующих людей) узнал, что система Мальцева сейчас тоже подвергается критике он привел интересные цифры и, видимо, крупным недостатком этой системы является трудность внесения удобрений. Голубинский продолжал разговаривать с Орловым, а я поспешил к Иванову в отдел пропаганды.

Разговор с Василием Васильевичем Ивановым. Отдел пропаганды и агитации.

Разговор продолжался короче, чем предполагалось (45 мин.), так как по телефону я договорился сначала с Орловым на 12 час. и Иванов тоже меня просил сначала на 12 часов, когда же я сказал, что я занят, он перенес на 13 час., но и тут меня задержал Орлов а потом беготня (это в другом здании и требуется новый пропуск), привело меня к тому, что я попал к Иванову в 13 ч.45 м., а в 14 ч.30 мин. у него начиналось совещание работников кафедр общественных наук. Секретарша Иванова меня спросила не на совещание ли я прибыл. Когда я узнал на какое совещание, то заявил: “Что вы - кафедры общественных наук мне только мешали в работе”.

Иванов - довольно пожилой солидный мужчина - сначала заявил о своем уважении к представителю старой интеллигенции, а потом стал разъяснять разницу между “Крыльями” и “Гостями”. Он сам заявил, что истинная сущность обвинения Зорина в клевете была формулирована не четко и что дело в том, что Зорин указал, что власть разрешает и что у нас закладывается новая буржуазия и высший свет. Что объективным законом советского строя является то, что такие разложившиеся люди выявляются и подвергаются наказанию, между тем как по Зорину выходит, что советская власть закономерно такие явления, как Кирпичева и Дремлюгу, порождают. Поэтому за “Гостей” чрезвычайно ухватились наши враги в Бибиси, “Голосе Америки” и даже английском журнале “Экономист”, обычно совершенно не касающегося вопросов литературы. Он привел пример Александрова, которого разоблачили и устранили с

поста. Я ответил, что появление новой буржуазии высшего света - несомненный факт. Они не являются закономерным порождением советской власти, но вполне закономерным порождение того культа личности, который у нас господствовал последние годы до 1953 г., когда без личного участия Сталина и солнце не всходило и земля не родила, что такое нарождение нового высшего света представляет собой огромную опасность для всего дела социализма.

Когда он спросил, как же могут закономерно вырождаться избранники народа, я ответил, что будем откровенны: хорошо известно, что список выставляемых кандидатов составляется обкомами и горкомами, в большинстве случаев настоящие лица кандидатов нам неизвестны, а когда они хорошо известны, то часто кандидат уклоняется от встречи с хорошо знающими его избирателями: наш первый секретарь Скулков не баллотируется в Ульяновске. Избиратель, голосуя за кандидата, обычно голосует за советскую власть, а вовсе не за ему неизвестного кандидата (большей частью). Поэтому большей частью наши депутаты не имеют права считать себя персонально избранниками народа.

Что касается Александрова, - сказал я, - то, во-первых, он не был разоблачен, так как истинная причина его снятия с поста министра не была опубликована, а кроме того, с моей точки зрения, вина Александрова ничтожна по сравнению с той виной такой фигуры как Лысенко, а Лысенко продолжает оставаться президентом ВАСХНИЛ и проч. и тормозит развитие науки. Вот тут, кажется(а может быть я сказал это обоим), я сказал, что пока у власти Лысенко умные люди имеют право бояться рецидива ежовщины “Это невозможно” - ответил Иванов. “Я тоже думаю, что это невозможно”, - ответил я, но это мое убеждение я не в силах передать моим товарищам”.

Поэтому я сказал, что в обвинении Зорина в клевете смешиваются две вещи: 1) возможность закономерного порождения разложившихся бюрократов советской властью и 2) такая же возможность, как следствие культа личности, и забывают, что время действия “Гостей” относится к началу пятидесятых годов. Вот если бы Зорин отнес это действие к настоящему времени, то тут обвинение в клевете имело бы основание, так как сейчас о подобных злоупот-

реблениях в судебном ведомстве не слышно. Иванов ответил: “Но она была напечатана в 1954 году”.

Я спросил о судьбе Зорина. “Он уже написал какую-то комедию, которая идет на сцене” - ответил В. И. Иванов Никаких репрессий он не претерпел.

Я спросил еще, что, значит Бибиси и “Голос Америки” оказали Зорину плохую услугу, создав ему такую “пяблисити”. Он ответил, что мы не настолько наивны, чтобы не заметить того политического вреда, который имела эта пьеса. “Однако многие товарищи не заметили, так как пьеса шла беспрепятственно в ряде театров”, - заметил я.

В конце я заявил, что очень удовлетворен беседой, так как для меня сейчас вполне ясны психологические основания кампании, поднятой против Зорина, но я все-таки сохраняю свое старое мнение, что эта кампания была ненужна. Подробно обосновывать свою точку зрения на вопрос партийности культуры я не считаю возможным, так как думаю это сделать осенью в пятой главе “О монополии”, которую, я надеюсь, В. И. Иванов сможет прочесть. Вкратце же могу сказать, что хотя я в политике никакого участия не принимал, но давно интересуюсь как политикой, так и общефилософскими вопросами и давно известен, в частности, как виталист (это термин В. И. Иванову оказался неизвестен и он спросил: “А что это такое? - пришлось вкратце разъяснить) и что понятием диалектического материализма сейчас пользуются вкривь и вкось. Необходимо творческое отношение к марксизму, а не догматическое, противное всякому духу марксизма, которое господствует в настоящее время.

На этом мы расстались

26.VIII.55 г.

Москва

А. А. Любищев

О некоторых актуальных вопросах сельского хозяйства

(Письмо В. П. Орлову, Москва

ЦК КПСС Отдел сельского хозяйства РСФСР)

Глубокоуважаемый Василий Павлович!

Я помню все время наш разговор 25 августа 1955 г. и помню, что я Вам обещал написать критические замечания по поводу органо-минеральных смесей Лысенко и по другой книге. Я не забыл своего обещания и не мало поработал за это время , но принужден отложить исполнение его на некоторое время. Я ознакомился внимательно с критикой пяти специалистов, напечатанной в “Известиях” Тимирязевской Академии и, конечно, не будучи специалистом в агрохимии, я не могу прибавить существенное к их критике. Но я подбираю материал чисто фактического характера (тоже по литературным источникам) и надеюсь через некоторое время послать Вам свои замечания. Сейчас же я коснусь некоторых вопросов не менее актуальных, чем органо минеральные смеси, по которым у меня имеются более зрелые суждения.

1. О кукурузе.

По этому вопросу 25 августа я Вам высказал свои сомнения указав, на большое число известных мне неудач с возделыванием кукурузы. Вы ответили, что сами видели превосходные участки кукурузы в Свердловской, Великолуцкой и, насколько мне помнится, Калининской и Смоленской областях, и что Вы считаете совершенно бесспорно перспективным расширение посевов этой культурны в северной лесной зоне. За истекшее время у меня накопилось немало материалов, фактов и соображений, которыми я и хочу с Вами поделиться, так как в печати, в особенности в газетах, этот вопрос до сего времени освещается далеко не полно. До совсем недавнего времени в печать попадали только хвалебные статьи и совершенно замалчивались неудачи. По газетам, например, ульяновским, можно было думать, что кукуруза продвигается превосходно, и если есть кое-где неполадки, то они легко исправимы. Ненормальность такого освещения дела была, наконец, признана и в передовой “Правды” от 9 декабря: “О чем говорят итоги выращивания кукурузы” было указано, что многие газеты умалчивают о тех колхозах и совхозах, которые получили низкий урожай, либо допустили гибель посевов кукурузы. Правильно в этой статье осуждены, как “ухарские”, взгляды А. Михалевича, слишком легко представлявшего себе проблему продвижения кукурузы; а ведь А. Михалевич (известный своим выступлением на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году) развивал свои взгляды на страницах

такой авторитетной газеты, как “Известия”. После указанной статьи в “Правде” стали появляться уже статьи с указанием неудач, но каков процент этих неудач нигде не сообщается. Обычно говорится, что в части колхозов получен низкий урожай. Мои личные наблюдения и сведения, полученные от ряда лиц, говорят, однако, что реальная картина в газетах по-прежнему не отражается. В Ульяновской области в подавляющем числе случаев наблюдалась или полная гибель или очень низкий урожай кукурузы. По сведениям, полученным от вполне надежных лиц, та же картина наблюдается в Пензенской области, северной части Куйбышевской, Московской области. Наконец, я получил письмо от одного военного врача из Белоруссии, он пишет: “С кукурузой и в Белоруссии скандал. Я в августе-сентябре был на маневрах, так что пришлось поездить по всей западной Белоруссии. Подавляющее большинство полей - это пустые поля с чахлыми подобиями на кукурузу, но встречаются (редко) и отменные, но их очень мало. Нет ли здесь саботажа: заставили, посеяли, так смотрите сами”.

По-видимому, такая картина в северной зоне типична: большинство полей дали низкий урожай и вместе с тем отдельные участки вполне удались. Я сам видел превосходнейшую кукурузу на пригородной опытной станции (участок И. И. Голобородько), прекрасно удалась и дала вполне зрелые початки кукуруза на агробиостанции Ульяновского Педагогического института и т. Д. Таким образом не может быть никакого сомнения, что кукуруза может вполне удаваться и в северных областях даже в год вовсе не благоприятный для кукурузы: весна 1955 года была крайне неблагоприятна, вторая же половина лета и особенно осень были хороши, хотя в августе были заморозки.

Естественный вывод, который делается сейчас в газетах: кукуруза может расти, неудачи объясняются плохим руководством, частными ошибками или упрямством, консерватизмом отдельных работников. Значит: площади надо расширять, но неустанно усиливать и улучшать агротехнику и руководство. Можем ли мы считать этот вывод безупречным? Для этого надо постараться разобраться во всех сторонах вопроса, так как ошибка в этом деле грозит большими убытками для государства.

При чтении газетных статей обращает на себя внимание то обстоятельство, что более или менее четко указывают на технические причины неудач и, поскольку я мог заметить, практически игнорируют экономические причины. Это неудивительно: недостаточный учет экономики был общим грехом многих сторон нашей жизни, а, в частности, для кукурузы многие неправильно поняли слова Н. С. Хрущева о сравнительной трудоемкости разных культур. В своем известном выступлении Н. С. Хрущев указал, что если считать урожай на единицу затраченного труда, то кукуруза может оказаться самой нетрудоемкой культурой. Ну а, например, газета “Ульяновская правда”в передовой от 2 апреля 1955 г., указав на слова Н. С. Хрущева о значении кукурузы в деле повышения животноводства, пишет: “Эта культура высокоурожайная и самая нетрудоемкая”, совсем не добавляя необходимых слов: “на единицу труда”. Это упущение представляет собой грубое искажение смысла, тому что если кукуруза самая нетрудоемкая культура вообще, то тогда каждый гектар, скажем, ячменя можно заменить гектаром кукурузы при том же количестве рабочей силы. Между тем из слов Н. С. Хрущева вытекает только то, что если данный колхоз при определенном количестве рабочей силы и уровне механизации может обработать, скажем, тысячу гектаров пшеницы и получить столько-то кормовых единиц, то, перейдя на кукурузу и затратив то же самое количество труда, он получит больше кормовых единиц, но при этом, очевидно, с той же площадью он не сумеет справиться. Ведь не нужно быть агрономом, чтобы знать, что на единицу площади кукуруза, как всякое пропашное растение, требует при возделывании на семена гораздо больше затрат труда, чем обычные хлебные злаки. И семена требуют гораздо более заботливого ухода, и гораздо чаще неудачи с севом, и вредителей гораздо больше (грачи, проволочники, различные болезни) и совершенно необходима междурядная обработка и проч. Ясно, что затрата труда на единицу площади для кукурузы гораздо больше и только гораздо большая урожайность кукурузы приводит к тому, что кукуруза успешно конкурирует в соответствующих условиях с другими культурами. Высказывания Н. С. Хрущева неправильно понимаются и в другом отношении. Н. С. Хрущев привел определенные цифровые данные, из которых выходило, что затраты труда на производ-

ство одной кормовой единицы кукурузы меньше, чем та затрата, положим, для свеклы. Отсюда многие работники склонны делать вывод, что такое состояние имеет место везде. Это, конечно, неверно, так как каждая культура имеет свой оптимум требований и в различных условиях соотношение трудоемкостей будет различным. Взять, например, сахарную свеклу на Украйне, где нет полива и почти каждый год свирепствует долгоносик, и Чуйскую долину, где свекла на поливных землях и где долгоносик практически не имеет значения. Слова Н. С. Хрущева имеют только тот смысл, что существуют условия, когда кукуруза оказывается наиболее урожайной на единицу затраченного труда. Такие условия, например, имеются в кукурузном поясе США, у нас в Молдавии, Грузии и других старинных областях преобладания кукурузы.

И вот небольшой взгляд на историю разных культур заставляет нас отнестись скептически к возможности и целесообразности столь быстрого расширения площадей под кукурузу, как это сейчас планируется.

Кукуруза, как известно, растение по происхождению американское, но американскими же растениями являются у нас и такие растения как картофель, подсолнечник и помидоры. Нам сейчас трудно себе представить существование без картофеля и, однако, мы знаем, что есть области, где картофель хотя и может расти, но экономически невыгоден. В недавнее время, когда все решали очень быстро, пытались распространить картофель и на эти области, не считаясь с экономикой. Но вот из материалов последнего совещания передовиков сельского хозяйства Узбекистана 20 декабря 1955 г. мы видим, что хотя в Узбекистане картофель сажать можно, но выгоднее сеять рис, и Н. С. Хрущев правильно заметил (“Правда”, 14 декабря 1955 г., стр.2): “Но, видимо, на рис будут охотнее переходить потому, что он выгоднее, тогда давайте и не принуждать сажать картофель. А картофель можно завозить с тем, чтобы здесь развивать рисосеяние”.

Этот пример с давно внедренной культурой, картофелем, очень поучителен: недостаточна техническая возможность получения приличных урожаев, необходим учет и экономической стороны дела. Иначе даже с хорошо известными культурами можно впасть в ошибку.

Возьмем другого американца - подсолнечник. Общеизвестно (см., например, БСЭ, 2-ое изд., т.33, стр.439-440), что в России он появился в 18-м веке, сначала как декоративное растение, потом как быстро вошедшее в употребление лакомство, а в 1935 году крепостной крестьянин Бакарев догадался получать масло. Сейчас в СССР находится около 70 проц. мировых посевов подсолнечника, и по популярности этой культуры нашу страну справедливо можно назвать подсолнечной республикой: и семечки любят грызть, и масло очень любят. Однако, несмотря на то, что масло довольно дефицитно, стремительного расширения площадей не предполагается.

Помидоры, тоже американцы, распространились стихийно по России на моей памяти, постепенно границы их продвигались к северу и сейчас они дошли чуть ли не до Ледовитого океана без всякого принуждения.

А знаем и случаи принуждения и что из этого вышло. В тридцатых годах гремела соя, и ухарские журналисты вроде современного Михалевича вещали, что соя полностью вытеснит овес; принуждали сеять сою, где надо и где не надо. Что получилось? Соя сохранилась в ассортименте наших культур не только на Дальнем Востоке, где она искони занимала ведущее положение, но и в ряде новых районов, и продукты из сои (в частности соевые конфеты, шоколад, торты) завоевали прочное место. Но о замещении овса соей уже разговоров нет: она вошла в свои рамки.

Ошибки были даже допущены с яровой пшеницей, о чем речь будет в следующем параграфе.

И вот теперь посмотрим на историю кукурузы (см. Сельскохозяйственная Энциклопедия, изд.3-е, т.2, 1951 г., стр.592-596). Кукуруза в XVI веке с исключительной быстротой распространилась в умеренных и субтропических районах всего мира (в 1935-1939 гг. всего 38 млн. Га, из них в США 37,6 млн.). В России кукуруза известна с XVII века и в 1938 году занимала площадь свыше 2,6 милл. Га. В границах 1939 года площадь ее, по сравнению с 1913 годом, увеличилась почти в два раза. Наиболее насыщены кукурузой Грузия, Молдавская ССР, Дагестан, Кабардинская и Северо-Осетинская АССР, Измаильская обл. УССР, Краснодарский край. Кукуруза, по данным той же Энциклопедии, расширяется главным

образом в Полесье УССР, в Белоруссии, а также в сев. Районах центральной черноземной полосы и в южных районах нечерноземной полосы. Мы видим из этих слов, что кукуруза распространена и расширяется преимущественно в зонах достаточной и обильной влажности и это стоит в связи с тем ее свойством, что она страдает от недостатка влаги во 2-ой половине лета.

В данной статье С. Х. Э. ничего не говорится ни о средних урожаях, ни о валовом сборе кукурузы, приводятся только рекордные урожаи. Так в Абхазской АССР Ричава получил в 1947 г. мировой рекорд - с площади в 6 га в среднем 136,3 ц., а с 1 га - 210 центнеров.

Чтобы получить данные о динамике урожаев в СССР можно взять статью "Полеводство" первого издания БСЭ 1948 г, стр.898. Валовой сбор кукурузы в миллионах центнеров по всему СССР (из табл.4):

1913	1928	1937
11,8	31,5	38,9

На стр.896 указано: "Хотя общая площадь посева кукурузы в СССР выше, чем до Великой Октябрьской Социалистической Революции, но за последние годы перед Великой Отечественной войной имело место сокращение ее в основных районах производства: Украйне и Сев. Кавказе. Здесь явная недооценка этой важнейшей культуры и пренебрежительное отношение к вопросам механизации и междурядной обработки и уборки".

Все эти данные довольно поучительны. Кукуруза, как известно, занимает по площади в мировом масштабе второе место и в России - культура не новая и прочно укоренившаяся в ряде районов. Имеется и ряд мастеров чрезвычайно высоких урожаев, хотя бы указанный Ричава или Марк Озерный из Днепропетровской области, получивший в 1949 году 124 центнера с гектара (см. Н. С. Хрущев "О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР", 1953, стр.84). Мы видим, кроме того, что до 1938 года включительно и площади и урожайность кукурузы росли. Если площадь с 1913 года до 1938 года увеличилась почти в два раза, то валовый сбор уве-

личился слишком в три раза, то есть урожай на единицу площади на этот период увеличился примерно в полтора раза. А дальше - в лучшем случае остановка, а скорее регресс. В докладе Н. С. Хрущева 25 января 1955 г. указаны цифры: в 1953 году в СССР посевами кукурузы было занято 3,5 млн. гектаров, а собрано всего 230 млн. Пудов или 37,7 млн. Центнеров. Если в 1937-38 году при площади около 2,6 млн. Га имели валовой сбор - 38,9 млн. Ц., т. Е. около 15 центнеров на гектар (в это время в США урожай на га был того же порядка), то в 1953 году урожайность на га оказалась равна 10,8 ц., иначе говоря, вернулись к дореволюционному уровню - около 10 центнеров на га, в то время как в США она за короткий срок поднялась с 15 центнеров на га до 35 ц. на га.

Чем объясняется такое удивительное явление? Может быть о кукурузе забыли, решили заменить ее другими культурами? Нет, в той же статье “Кукуруза” в Сельскохоз. Энциклопедии , 3-е изд., 1951 г., стр.594 указано, что в решениях февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б)и в последующих постановлениях Совета Министров СССР предусмотрен переход к массовым посевам кукурузы гибридными семенами, значит эта культура оценивалась по достоинству.

Но обратим внимание на даты. Наивысшая точка урожайности кукурузы была в СССР 1937 год - последний год пребывания Н. И. Вавилова на посту Президента ВАСХНИЛ. Пока он был президентом, культура кукурузы развивалась, хотя и не стремительно, но верно. 1947 год: последний год перед “победой” Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ. После нее Лысенко не счел нужным выполнять постановление ЦК о посевах гибридными семенами, и вся кукуруза оказалась в загоне, техника ее возделывания применительно к условиям не разрабатывалась. И сейчас человек, более всего виновный в загоне кукурузы, Лысенко, рассматривается многими не знающими истории вопроса как лидер движения за продвижение кукурузы на север, и специалисты, работающие под его руководством, рекомендуют единые указания по срокам посева и глубине заделки семян, а ухарские журналисты вроде Михалевича утверждают (благо они получают гонорар независимо от урожая), что кукуруза все вытерпит и всех посрамит.

К чему приводит такой подход ясно всякому, кто бывал нынче на полях. Дошло это, как обычно с опозданием, и до наших писателей. Галина Николаева в корреспонденции “За один год” (“Правда”, 29 декабря 1955 г., стр.5-6) об опыте одного колхоза Мценского района, Орловской области сообщает о гибели ранних и глубоко заделанных посевов кукурузы, проведенных “по инструкции”. “Почему допустили ошибку? - думал секретарь Мценского райкома партии Иванчиков. - Не имели опыта, поэтому не отстаивали своей точки зрения, слушались область. Почему ошиблась область? Из-за недостатка того же опыта? Из-за формального, огульного подхода?” Наконец, пришли к выводу, что “срок сева зависит и от весны, и от земли. Тут самим соображать надо!” (слова председателя колхоза Семенова). А кто же виноват. что сеяли рано? Тот же Иванчиков говорит: “Себя корю... Знаешь, что нельзя сеять в непрогретую землю, а специалисты из вышестоящих жмут. Ну, думаешь: “Им виднее”. А почему иногда жмут специалисты с разными сводками? Да потому, что работа их оценивается по этим сводкам, а не продукции!”

Сейчас, мы знаем, поднимается вопрос. чтобы агрономы колхозов и МТС и другие руководящие работники колхозов получали бы не твердую зарплату, независимо от урожая, а, также как колхозники, получали бы по трудодням в зависимости от урожая. Этим будет создана заинтересованность в хорошем урожае и ответственность за плохую работу. Идея, вообще говоря, не плохая, но ее нужно провести последовательно. Заинтересованность и ответственность должны касаться не только прямых тружеников, крестьян, и непосредственных руководителей - агрономов и председателей колхозов, но и всех тех, кто считает возможным вмешиваться и принуждать принимать те или иные планы, проводить те или иные мероприятия, т. е. инструкторов, работников райкома и обкома, ведающих сельским хозяйством и принимающих ответственные решения и тех научных сотрудников, вплоть до президента ВАСХНИЛ, которые считают для себя возможным диктовать сельскому хозяйству определенные мероприятия. Если же сохранится то положение, которое сейчас имеется, то получится то же разделение как и сейчас: основные наши кормильцы, действительно отвечающие не только за свои собственные ошибки, но и за ошибки

своих многочисленных опекунов и руководителей, и достаточно многочисленная группа руководителей сохраняющих более или менее высокие оклады независимо от урожая, и только по недоразумению называемых ответственными работниками. Конечно, такое разделение будет иметь последствием еще большую тягу из деревни всех могущих оттуда уйти.

Руководство колхозами, по-моему, должно заключаться не в даче всевозможных директив, смысл которых часто не понимается самими проводниками директив, а в тщательном изучении всех условий произрастания культур и рекомендации (отнюдь не принуждения) приемов приспособленных к условиям времени и места. Командовать колхозниками пора перестать; новые же рискованные, не проверенные приемы проводить в научно-исследовательской и совхозной системе, а не в колхозной.

Необходимо тщательно проводить анализ причин неудач, такой анализ - вещь очень нелегкая и требует высокой квалификации и опыта, отсутствующих у огромного большинства лиц, призванных в руководители сельского хозяйства. Но уже сейчас, по-моему, можно сказать, что одной из главных причин, а вероятно даже главной причиной обилия неудач с кукурузой в 1955 году, является чрезмерно высокие площади кукурузы, навязанные колхозам в этом году. В пользу этого я могу привести следующие соображения:

1) Как уже было указано, на единицу площади кукуруза требует большей затраты труда, чем обычные зерновые культуры. Мы знаем также, что в огромном большинстве колхозов наблюдается нехватка рабочих рук, там не справляются с уборкой и осенью приходится мобилизовать студентов и других горожан на помощь колхозникам. При введении же кукурузы общая посевная площадь не была сокращена, и, следовательно, напряженность усилилась.

2) Получение во всех, известных мне по личному опыту или по показаниям надежных лиц, областях высоких урожаев наряду с плохими показывает, что дело не в погодных условиях настоящего года. Не следует думать, что только что прошедший год особенно неблагоприятен для кукурузы. Он был неблагоприятен в первую очередь для тех, кто сеял по календарю. Но прекрасное лето и осо-

бенно осень позволили получить хороший урожай и при запоздалом (с точки зрения календаря) посеве.

3) В окрестностях Ульяновска я видел превосходную кукурузу на малых площадях, главных образом на полях опытной станции и других организаций, для которых напряженность с рабочими руками существенной роли не играет.

4) По Ульяновской области большим уважением пользуется Иван Терентьевич Синяк, председатель с 1932 года колхоза имени Калинина, Радищевского района. Судя по всем отзывам, это - если не лучший, то один из самых лучших председателей колхозов области. Он получил хороший урожай кукурузы: половину он скосил зеленой, а остальную довел до початков. Но, оказывается, он самым решительным образом отказался от той слишком большой площади под кукурузу, которую ему навязывали советские и партийные организации, взяв сравнительно небольшую, посильную для колхоза площадь. Но Синяк мог спорить с начальством, опираясь на свой реальный авторитет у населения, основанный на многолетней добросовестной работе. Ну а там, где слушались начальства беспрекословно, получали большую площадь под кукурузу и малые урожаи.

5) Для доказательства того, что неудачи часто объясняются не личными качествами руководителя и новизной культуры приведу данные по отчету колхоза “Ленинец” Ульяновского района (газета “Ульяновская правда” от 26 ноября 1955 года). В докладе председателя колхоза Ф. Н. Якименко читаем: “Получен низкий урожай картофеля - всего по 54 центнера с гектара. Сажали его 132 гектара, но посевы были обезличены. Мало вносили удобрений. Затянули уборку этой культуры и допустили большие потери. Особенно плохо занимались выращиванием и уборкой картофеля в полеводческой бригаде, руководимой т. Поляковым”. Так как 54 и картофеля это средний урожай по колхозу, значит, в худший по урожайности он еще ниже. Но для картофеля в такой картофельной области, как Ульяновская, и в такой благоприятный год для картофеля как 1955 г., это - просто скандальный урожай. И так как в докладе председателя колхоза единственным лицом, о котором сделано неодобрительное указание, является т. Поляков, то как будто можно сделать вывод, что т. Поляков - самый худший работник в колхозе,

и что,с следовательно, его нужно снять с занимаемой должности. Но повременим с этим оргвыводом. На той же странице, ниже доклада председателя колхоза читаем заголовок: “Настойчиво повышать урожайность колхозных полей”: из выступления бригадира третьей бригады А. Д. Полякова.

Оказывается в этой бригаде урожай озимой ржи 16,8 центнеров с гектара (при среднем урожае по колхозу в 13,6 центнера), хороший урожай получили и по пшенице. Бригада занималась даже изучением влияния на урожай нормы высева; на тех участках, где на гектар сеяли по 180 килограммов, собрали по 24 центнера с гектара, а где по 130-140 килограммов, сняли по 16-18 центнеров. Оказывается, за рожью особенно ухаживали: ранней весной посевы подкормили местными и минеральными удобрениями. Только одного навоза-сырца было внесено в почву более трехсот тонн. Кроме того, посевы подкармливали золой и птичьим пометом.

А отчего вышло плохо с картофелем? “Мы плохо работали над этой важной культурой, затянули уборку урожая, допустили потери”. Голос с места: “А как у вас обстоит дело с коноплей? Уборку ее вы тоже затянули”. Поляков: “Конопля у нас была обезличена. Мне говорили в правлении колхоза, что эта культура закреплена за огородной бригадой, а оказалось, что это не так. Уборку провели с опозданием”.

Выходит, таким образом, что с точки зрения ржи т. Поляков - превосходный, трудолюбивый и инициативный работник, лучший бригадир колхоза, а сточки зрения картофеля - наихудший. Я не считаю возможным допустить, что т. Поляков незнаком с техникой возделывания картофеля или что он недооценивает его значение. Все дело, очевидно, в трудности или даже невозможности при существующих силах и средствах равномерно охватить все культуры. Трудности еще больше возрастают, когда вводится сразу на большой площади новая, да к тому же довольно требовательная культура.

6) Все эти доводы делают вполне понятным медленный рост площадей под кукурузой в СССР. который мы знаем по истории этой культуры. А отсюда следует сделать, по-моему, совершенно неизбежный вывод, что довести площадь под кукурузой до 28 миллионов га к 1960 году (т. Е. Увеличить площадь по сравнению с

1953 годом в восемь раз) может быть и возможно, но нецелесообразно: это может привести не к увеличению производства зерна в стране, а к уменьшению, так как затрата труда на эту огромную площадь не даст в северных условиях соответствующего эквивалента, а отвлечет рабочую силу от других культур и тем будет способность снижение или стабильности урожаев. План в 28 миллионов га на 1960 год не есть план, основанный на научном прогнозе, это есть план-директива, в осуществимости которого вполне позволительно усомниться.

2. Об одном образцовом колхозе

Изложенные соображения могут показаться чрезмерно скептическими и как будто стоящими в противоречии с опытом 1955 года. Указывают отдельные колхозы в северной зоне, где не только получены высокие урожаи на больших площадях. но именно благодаря кукурузе произошел полный переворот в хозяйстве. На первое место вышел, очевидно, колхоз села Калиновки, Хомутовского района Курской области. Ему посвящена обширная (целая страница) корреспонденция В. Полякова и А. Попова под заглавием "Перспективный план претворяется в жизнь" ("Правда" от 4 ноября 1955 г., стр.3). Его же выставляют на первое место в передовой статье "Правды" от 9 декабря 1955 г. ("О чем говорят итоги выращивания кукурузы") и в передовой той же газеты от 26 декабря 1955 г. Поэтому корреспонденцию о калиновском колхозе следует особенно детально рассмотреть и не только с точки зрения кукурузы, но и с общеметодологической и организационной точки зрения.

Что же это за колхоз? Он не относится к числу тех передовых колхозов, которые пользуются высокой репутацией уже длинный ряд лет, вроде колхоза "Заветы Ленина" Курганской области. Его, напротив, называли до недавнего времени запущенным, отсталым. Еще в 1952 году колхоз собрал урожай зерна 8 центнеров с гектара, семян конопли 45 килограммов. Денежный доход не достиг и 400 тысяч рублей; в результате - обеспеченный трудодень. Немногим, видимо, лучше было в 1953 году (единственная цифра, приведенная за 1953 год, 1 164 кг с одной коровы). Улучшение было в 1954 году, когда впервые в небольших размерах (49 га) посеяли ку-

курузу, и особенно резко в 1955 году. Таким образом по-настоящему колхоз встал на ноги только в истекшем году.

Такой скачок объясняют введением кукурузы. Вот что написано в передовой статье “Правды” от 9 декабря 1955 года:

“О том, какое поистине преобразующее значение имеет кукуруза в подъеме колхозной экономики говорит пример колхоза села Калиновка, Хомутовского района, Курской области. Весной, в соответствии с новым порядком планирования, колхозники пересмотрели структуру посевных площадей, сократили площади малоурожайных культур и расширили посевы кукурузы с 49 гектаров в 1954 году до 250 гектаров в 1955 году. Заботливый уход за кукурузой позволил вырастить хороший урожай. Каждый гектар дал по 45 центнеров зерна кукурузы и 250 центнеров зеленой массы. Колхоз рассчитывал получить 8 000 центнеров зерна кукурузы. Фактически валовый сбор его составил 9 807 центнеров. В артели заложено для общественного животноводства силоса из початков кукурузы 650 тонн, из початков и стеблей кукурузы - 1 260 тонн, из стеблей кукурузы - 720 тонн, в то время как в 1952 году колхоз имел для общественного скота только 105 тонн силоса. В прошлом году валовой урожай зерна в артели составил 7 308 центнеров, а нынче возрос до 17 322 центнеров. Удои на ферме в прошлом году равнялись 1 314 килограммов в среднем от коровы, а в 1955 году они составили 2 929 килограммов. Вот что дала калиновцам кукуруза!”

“... Таковы факты. Они убедительно доказывают, что кукуруза является могучим средством увеличения производства зерна и продуктов животноводства”.

У меня нет оснований оспаривать цифры урожая, если не считать некоторых противоречий в числе гектаров и валовом сборе зерна, но посмотрим, можно ли согласиться с выводом, что весь успех калиновского колхоза можно приписать кукурузе. Обратимся к корреспонденции В. Полякова и А. Попова в “Правде” от 4 ноября 1955 г. и разберем сначала зерновые культуры. Приводимые мной таблички составлены исключительно по материалам корреспонденции, но наряду с цифрами, взятыми непосредственно из статьи, фигурируют (помещенные в скобках) и полученные вычислением. Например за 1954 год показан валовый сбор в центнерах

(7 308 центнер.), но не показан отдельно валовый сбор кукурузы и прочих зерновых. Но, так как указано, что кукуруза с площади 49 гект. дала средний урожай 60 ц. с гектара, то получаем валовый сбор кукурузы 49х60 или 2 940 центнеров. Вычтя из 7 308 получаем для зерновых, кроме кукурузы, 4 368 цент. и разделив это на среднюю урожайность для зерновых кроме кукурузы (10,3 цент.) получим площадь прочих зерновых 424 гектара.

Табл.1

ЗЕРНОВЫЕ ЗЛАКИ	1954 г.	1955 г.
1. Валовый сбор зерна	7 308 ц	17 828 ц
2. Общ. площ. зерновых с кукурузой	(473 га) (677?)	(863 га)
3. Урожай зерновых (с кукурузой)	10,8 ц (15,5?)	22,8 ц (20,7?)
4. Валовый сбор кукурузы	(2,94 ц)	9,450-9,607 ц
5. Площадь под кукурузой	49 га	270 (250? 210?)
6. Урожайность кукрузы с га	60 ц	45 ц (35ц)
7. Валовый сбор проч.зерновых	(4 368 ц)	(8 372 ц)
8. Площадь под проч.зерновыми	(424 га) (628?)	(593 га)
9. Урожай на га проч.зерновых	10,3 ц(7,0?)	14,1 ц

Полученные в приводимой табличке цифры отчасти друг друга подтверждают, отчасти противоречат. Напр., удельный вес кукурузы в группе зерновых культур в 1955 г. равен (270х100%)/863 или 31,3%, что совпадает с указанием в тексте (31%). Не совсем ясно со средней урожайностью кукурузы. Если принять указанные цифры для 1955 г. - 270 га и 45 ц. зерна с гектара, то валовой сбор кукурузы должен быть равным 12 155 центнеров, а не 9 450 и не 9 807 ц., как указано в передовой “Правды”. Если же взять цифры 9 450 и 270, то получим средний урожай 35 центнеров, а не 45. Наконец, если возьмем 9 450 и 45 ц., то посевную площадь под кукурузой получим 210 га, а не 270 и 250. Средний урожай всех зерновых вместе с кукурузой для 1955 г. оказывается равным 20,7 цнт., на гектар, а не 22,8 как приведено в статье.

Аналогичная неувязка имеется и для 1954 г. Вычисленный средний урожай для всех зерновых оказался равным 15,5 ц на га, а

не 10,8. Последняя цифра совершенно невероятна, так как если взять цифры урожайности, приведенные в статье (10,3 ц для прочих зерновых и 10,8 для зерновых с кукурузой), то окажется, что огромный урожай (60 ц. с га) кукурузы, хотя на небольшой площади вызвал повышение средней урожайности всего на 0,5 ц. Более правильным будет, очевидно, 15,5 цнт., для всех зерновых но и, сохраняя 10,8 цнт., получим для прочих зерновых, кроме кукурузы цифру в 7,0 центнеров с гектара.

Ясно, таким образом, что в корреспонденцию вкрались серьезные цифровые ошибки, но очень многое остается, тем не менее, вполне ясным. Например, валовой сбор зерна за два года (7 308 и 17 822 ц), показан на диаграммах и эти цифры мы оспаривать не будем. Но значит ли это, что этот огромный скачок связан с кукурузой? Отчасти да, так как площадь выросла в пять с лишним раз. Но и прочие зерновые дали очень резкое повышение, почти в два раза (4 368 и 8 372 ц). Урожайность прочих зерновых поднялась по данным статьи на 3,8 центнера с га, а если принять более вероятную цифру 7,0 центн. для 1954 г. на 7,1 ц. (вдвое). В это же время средняя урожайность кукурузы упала на 15-25 центнеров с га по сравнению с 1954 годом. Несомненно увеличилась и общая площадь всех зерновых, неясно только в какой степени ввиду расхождения цифр.

Таким образом при расширении всей площади под зерновые особенно сильно расширилась площадь под кукурузой, потребовавшей в данном году благодаря холодной весне особенно тщательной обработки. Чтобы спасти кукурузу весной агроном применял междурядную культивацию до появления всходов, а за лето провели три, а на отдельных участках четыре-пять механизированных перекрестных обработок.

Очевидно: 1) что в 1955 году было вложено в зерновые вообще гораздо больше труда, чем в 1954 году; 2) метеорологические условия для прочих зерновых были в 1955 году более благоприятны; хотя часть озимой пшеницы вымерзла, но эта площадь была занята кукурузой.

Урожайности прочих зерновых, видимо, способствовало или резкое сокращение посевов яровой пшеницы и ячменя. Авторы статьи пишут что колхоз сеял яровую пшеницу много лет, но очень

редко собирал хорошие урожаи, так как в здешних местах она родится плохо, тогда как озимая пшеница, гречиха, просо дают высокие урожаи. По поводу яровой пшеницы образно сказал на собрании один из колхозников: "Пришло время отпустить яровую пшеницу на каникулы".

По-видимому авторам статьи неизвестно, что яровая пшеница и ячмень усиленно внедрялись в плановом порядке в ряд областей, в том числе и в Курскую, в середине тридцатых годов. До этого Курская область вместе с соседними входила в зону так называемого "Белого пятна", т. е. такого района, где почти выпадали как яровая пшеница, так и ячмень. Ряд авторов объясняли это выпадение вредной деятельностью шведской мушки, и как раз этот взгляд особенно защищался некоторыми работниками Шатиловской опытной станции, Новосильского района, соседнего с хомутовским. Двухлетняя работа обширной бригады ученых разных специальностей показала, что яровая пшеница сеялась в прежние времена в гораздо большем количестве и была почти вытеснена не в силу естественно-исторических, а в силу экономических причин, а именно: 1) большой урожайности овса в яровом клину; 2) худшего качества пшеницы по сравнению с привозной пшеницей юго-востока; последняя причина иногда приводила к тому, что рыночная цена пшеницы была ниже таковой ржи.

Что касается ячменя, то он тоже постепенно кочевал: причиной было, по словам местных крестьян, то, что ячмень мог давать превосходные урожаи (до 200 пудов на десятину), но лишь при условии обильного навозного удобрения.

Как совершенно правильно указано в статье, колхозы из года в год получали механические задания по посеву тех или иных культур без учета специфики хозяйства и колхозники уже привыкли к такому планированию, прибавим от себя, как к стихийному бедствию. с которым невозможно бороться. Сейчас ликвидируют ошибку примерно двадцатилетней давности.

Что касается общей динамики урожаев по колхозу, то тут авторы написали что-то явно не подумав: "Если взглянуть на показатели колхоза по производству зерна за ряд лет, то можно видеть примерно одну и ту же цифру. В более благоприятные годы валовые сборы немного растут, а в менее благоприятные годы несколько

падают. но всегда они находятся в пределах 7-8 тысяч центнеров”. Даже в условиях поливного земледелия такая устойчивость урожаев не достигнута, а в Курской области с нередкими повреждениями озимых, весенними и летними засухами и проч. она несомненно существует только в воображении авторов статьи.

Мы видим, таким образом, что уже тщательный анализ данных по зерновым заставляет нас усомниться в выводах авторов и передовой “Правды”, но повышение благосостояния калиновского колхоза связано не только с зерновыми, но и с другими культурами, в частности, с занятием чистых паров вико-овсяной смесью и особенно с коноплей. На этой последней мы остановимся подробнее Данные по конопле приведены в таблице 2. И здесь цифры, показанные в скобках, обозначают полученные вычислением. Так как средний урожай волокна в 1955 году - 9 центнеров с га,а площадь под коноплей 110 га (уменьшена на 20 га по сравнению с 1954 годом), то получается валовый сбор волокна 990 центнеров. Не указано, что общий валовый сбор по сравнению с 1954 годом возрос на одну треть, а так как в 1954 году он был равен 774 центнерам, то валовый сбор должен равняться 1032 центн. Здесь противоречия нет, лишь маленькая неточность.

Табл.2

ДАННЫЕ ПО КОНОПЛЕ	1952 г.	1954 г.	1955г.
Урожайность семян с га в ц	0,45 ц	6 ц	8 ц
волокна с га	1,5 ц	(6 ц)	9 ц
площадь в га	(77 га)	130 га	110 га
сдано волокна в центн.	115 ц	774 ц	(990-1032 ц)
условия выращивания		30 тонн	использовано навоза
47 гект.			
		на гектар	приусадебн. учас-тков

Уже в 1954 году был резкий скачок в валовом сборе конопли по сравнению с 1952 годом (1953 год почему-то не фигурирует) за счет хорошо известного приема, обильного унавоживания: давно известно, что конопля требует хорошо удобренных земель. Но вот

то мероприятие, которое на значительной части площади было проведено в 1955 году вряд ли вызовет сочувствие:

“Чтобы вырастить высокий урожай конопли, являющейся важным источником колхозного богатства, калиновские колхозники в текущем году решили передать под коноплянники колхоза свои приусадебные участки, расположенные на хорошо удобренных землях. Собственные же огороды колхозники разместили на других участках”. Это приводится как пример того, что в колхозах с развитым общественным хозяйством, от которого колхозники получают высокие доходы, приусадебные участки утрачивают свое былое значение. Можно, пожалуй, поверить. что в колхозах с устойчивым высоким уровнем, где колхозники привыкли получать хороший трудодень, можно уговорить колхозников отказаться, или по крайней мере, сократить свои приусадебные участки. Но в таком прекрасном колхозе не будет надобности разбивать колхозную коноплю на множество мелких кусочков, так как все поле под коноплей будет обработано как следует. Но калиновский колхоз, как было указано, совсем недавно поднялся: так неужели найдется такой наивный человек, который всерьез поверит, что калиновские колхозники добровольно отдали свои тщательно удобренные участки и взяли другие, очевидно неудобренные и находящиеся не в непосредственной близости от дома. К укреплению связи колхозников с колхозом такая мера никак служить не может и может быть приравнена по своему вредному воздействию к тем налоговым мероприятиям недавнего времени, которые на Украине приводили к массовому вырубанию плодовых деревьев. Но, оказывается, если верить авторам, колхозники предполагают половину приусадебной земли отвести под кукурузу и для удобства обработки свести всю эту землю в один участок. Иначе говоря, взят курс на ликвидацию приусадебных участков: не преждевременно ли это?

“Новый порядок планирования” в селе Калиновска, как видим, весьма напоминает старый порядок планирования сверху. Отличие только то, что в недавние времена навязывали яровую пшеницу, ячмень и проч., а сейчас используют приусадебные участки под коноплю и кукурузу.

В чем же заключается основная причина подъема калиновского колхоза? Кукуруза, конечно, сыграла роль, но мы видим, что сна-

чала кукурузу посеяли на небольшой площади (49) и лишь на второй год расширили до 270 га, имея уже годовой опыт. Следует, кроме того, иметь в виду, что калиновский колхоз сравнительно невелик (общая площадь 1 600 га, из них под пашней 1 300 га), а это облегчает руководство. Помимо кукурузы провели целый ряд мероприятий, способствующих повышению продуктивности и, очевидно, мы имеем или какое-то повышение энергоресурсов колхоза, или новое умелое руководство или, что всего вероятнее, то и другое вместе. Авторы отмечают как "подлинного организатора хозяйства" колхозного агронома Дмитрия Ефимовича Ванина, к сожалению, не указывая года начала его работы в колхозе. Если он начал работать, как колхозный агроном, в 1953 году (этот год как-то выпал из изложения), то тогда ему следует приписать огромную роль в подъеме колхоза, так как он сумел внедрить кукурузу, не забывая и о конопле. В Ульяновской области мне известны случаи (в Барышском районе), когда участки прекрасной земли, дававшие высокие урожаи конопли, были отведены под кукурузу (и сразу с большими площадями), а коноплю перенесли на худший участок: в результате не получили приличного урожая ни для кукурузы, ни для конопли. Если же верить В. Полякову и А. Попову, то дело было иначе: все шло очень плохо до того, как в деревню пришли решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС, и тогда после изучения постановления Пленума колхозники решили поднять хозяйство, и, в частности, внесли под коноплю не менее 30 тонн навоза на гектар. Неужели авторам неизвестно, что задолго до решения сентябрьского Пленума, еще в царские времена самый темный неграмотный мужик превосходно знал, что конопля очень любит навоз (предпочтительно перед другими культурами) и поэтому, если калиновские колхозники получали безобразно низкие урожаи конопли, то дело было не в незнании этого основного правила возделывания конопли, а либо в недостатке навоза, либо в отсутствии материальной заинтересованности, либо в многочисленных организаторских помехах.

Наши писатели и очеркисты привыкли изображать изменения в колхозной действительности по образцу анекдотического учителя истории, который каждое царствование излагал так, что вступивший на престол монарх застал свое государство в ужасном состоя-

нии, но ряд умелых реформ превращал его в цветущее; про следующего монарха он говорил то же самое и, естественно, возникал вопрос: когда же успело вновь придти в ужасное состояние то самое государство, которое оказывалось процветающим. Сейчас не может быть уже никакого сомнения, что многие постановления, в частности старый порядок планирования, принес много вреда нашему сельскому хозяйству, повредило также неумелое и недобросовестное научное руководство, и чтобы предоставить больше простора развитию нашего сельского хозяйства, надо совершенно воздержаться от методики диктата колхозникам, с особенности со стороны лиц, облаченных высокими полномочиями, но плохо разбирающихся в сельском хозяйстве и в местных условиях. Методической стороны придется коснуться в следующем разделе.

3. О некоторых методических вопросах

Сейчас правильно поставлен вопрос, что при подведении годовых итогов руководители должны глубоко анализировать экономику хозяйства, а не довольствоваться общими цифрами. Эта правильная мысль пропагандируется очень широко, но пока только на словах, уменья анализировать не показывают и те лица и организации, которые ее высказывают (напр., в передовой “Правды” от 6 декабря 1955 г.). “Метод анализа” в данном случае сводится к сопоставлению двух сравнимых объектов и выводу заключения из этого сравнения. Например,в той же передовой “Правды” от 6 декабря 1955 г написано: “Взять хотя бы для сравнения результаты двух таких важных областей, как Воронежская и Липецкая. Расположены эти области по соседству и имеют примерно равные возможности для развития сельского хозяйства. Но первая из них собрала с этом году зерновых почти на шесть центнеров с каждого гектара больше, чем вторая. За год Воронежская область подняла урожайность хлебов на 6,9 центнера с гектара, а Липецкая - только на 1,7 центнера. Воронежские колхозники повысили в этом году надои молока от каждой коровы почти на 300 килограммов, а Липецкие - лишь на 180”. Эту разницу передовая вместе с делегатами конференции объясняет разным уровнем руководства сельским хозяйством, главным образом со стороны партийных организаций. Можно ли согласиться с таким заключением? Думаю, что нет, и что, напротив, можно выставить утверждение, что подобная “мето-

дика” (а она чрезвычайно типична в современной советской печати) не выдерживает самой малейшей критики. Соглашаясь с редакцией “Правды”, придется сделать заключение, что в Воронежской области сидят подлинные чудотворцы, сумевшие за один год поднять среднюю урожайность на огромную цифру 6,9 центнеров с гектара. Если бы удалось повышать урожайность в год даже на 1,7 центнера по примеру Липецкой области, то и тогда мы бы в 3-4 года разрешили бы зерновую проблему. В чем же дело? Да всем хорошо известно, что 1954 год для Европейской части СССР был неблагоприятным годом для хлебов, в 1955 - благоприятным и руководство к этой разнице никакого отношения не имеет. А как же с разницей Воронежской и Липецкой областей? А учли ли различие в выпадении осадков и прочие метеорологические условия или нет? А эти различия могут быть огромными даже для соседних областей, сходных, вообще говоря, по климату. Хорошо помню 1936 год в части Куйбышевской области. Год этот вообще для Союза по урожайности был чрезвычайно благоприятным, но довольно значительный кусок Куйбышевской области был захвачен засухой, превосходившей по своему губительному влиянию даже засуху 1921 года. В конце августа поля около Безенчукской опытной станции представляли самую печальную картину полной гибели посевов, хотя на этом фоне были вкраплены небольшие участки вполне приличной пшеницы, уцелевшей, вероятно, благодаря накопившемуся зимой в этом месте снегу.

Для научного выявления относительного значения различных факторов урожайности необходимо проделать настоящий анализ многочисленных данных, и этот анализ совершенно невозможно провести без овладения современным аппаратом математической статистики, а им владеют очень немногие работники экономической и агрономической наук.

Ну а писатели часто уж совсем не считаются с трезвым рассудком и иногда пишут так, что уши вянут. Галина Николаева написала очерк “За один год”, касающийся работы колхоза “Путь к коммунизму” Мценского района, Орловской области (“Правда”, 29 декабря 1955 года). Меньше года назад этот колхоз считался отстающим и в 1954 году урожай зерновых не превышал 5-9 центнеров с гектара, средние надои молока - 953 килограмма с коровы. Оказы-

вается колхозники как будто примирились с таким печальным положением, и перспективный план, принятый колхозом в начале 1955 года, мало отличался от планов прошлых лет. Перелом наступил после совещания работников сельского хозяйства областей центрально-черноземной полосы в Воронеже, когда по совету партийных организаций колхозники приняли смелый переломный план: резко уменьшили посевы малоурожайных в этом районе яровой пшеницы и ячменя, в три раза увеличивались посевы конопли, а главное - 603 гектара отводилось под новую культуру кукурузу. Очерк и имеет подзаголовок: "Что дала кукуруза колхозу "Путь к коммунизму"?". Введение кукурузы произошло не без трудностей. Сеяли слишком рано, так как "разные уполномоченные ругали за опасную затяжку сева" и в конце концов колхозники, "понукаемые звонками и бумагами, вышли на невеселый сев". Полностью пересеяли 216 гектаров, на остальной площади подсаживали и выхаживали кукурузу. Ну, а результат:

1) удойность коров возросла в полтора раза (с 953 до 1 438 килогр.);

2) поголовье свиней увеличилось почти вдвое (с 489 до 869);

3) с помощью кукурузы за полгода животноводство вырвано из захудалости и уже строится из железобетонных конструкций коровник с приспособлениями для полной механизации, а также новый свинарник;

4) вдвое поднялись за один год урожаи зерновых культур;

5) впервые взялись серьезно за коноплю и "бросовая" культура, которая не приносила в прошлые годы ни рубля дохода, нынче даст около 1 400 000 рублей;

6) на трудодень получают колхозники два килограмма зерна, три рубля деньгами, а кроме того овощи, сено, солому;

7) нет такого человека в колхозе, который не собирался бы сменить соломенную крышу на черепичную;

8) по сравнению с 1954 годом доходы колхоза в этом году увеличиваются почти в пять раз, в будущем году они достигнут 3,5 миллиона, а в 1960 - 7,6 миллиона рублей.

Кончается очерк словами председателя колхоза Семенова: "Если так много можно сделать на несколько месяцев, то что же можно сделать за несколько лет?!"

Ни Николаевой, ни редакционной коллегии, по-видимому, не приходит в голову простой вопрос: если так много можно было сделать за несколько месяцев, то почему так мало сделано за 20 лет или за девять послевоенных лет? Оказывается, вовсе уж не особенно завидный трудодень кажется прекрасным, и колхозники до последнего года имели избы с соломенными крышами. Почему конопля, старейшее русское растение (Геродот указывает, что ее культивировали даже скифы), считалась "бросовой" культурой? Ведь если поверить Галине Николаевой и ей подобным борзописцам, то придется сделать заключение, что до 1955 года господствовали какие-то дикие варвары, разорявшие крестьян. Дело, конечно, обстоит иначе. Основная причина повышения валового сбора в 1955 года на Европейской территории Союза заключается в благоприятных погодных условиях; имели, конечно, некоторое влияние и организационные мероприятия, в особенности по отношению к наиболее отсталым колхозам. Ставить же сейчас прогнозы доходу в 1960 году, конечно, можно, но что из этого получится увидим в 1960 году. Мне припоминается в начале пятилеток одна статья, где на основании установленного плана роста отдельных отраслей сельского хозяйства один журналист, на основе вычисления сложных процентов, подсчитал сколько будет коров, свиней и проч. через 15 лет. К сожалению, мы знаем, что поголовье скота за это время не увеличилось, а уменьшилось, но этот урок прошлого наши писатели не учитывают.

Теперь коснемся вопросов руководства. В печати сейчас постоянно подчеркивается мысль, что руководить надо со знанием дела, с инициативой. Золотые слова! Но откуда возьмутся эти знания? Возьмем нашего первого секретаря обкома. Ведь он отвечает за всю область в целом, по всем отраслям хозяйства и культуры. Может ли один человек разобраться во всех вопросах промышленности и, в особенности, сельского хозяйства? Добро бы речь шла о сохранении достигнутого уровня и осуществления привычных, знакомых населению приемов. А ведь сейчас поручается внедрение новых агротехнических мероприятий, внедрение новых культур. В таких условиях, естественно, роль его сводится к чисто административному понуканию. В "Правде" от 23 декабря 1955 года в отделе "Партийная жизнь" помещена корреспонденция Н. Нови-

кова и А. Росткова из Калинина, где авторы с неодобрением отзываются о деятельности члена бюро обкома, заместителя председателя облисполкома. “О методах его работы районный партийный актив не может забыть до сих пор. “Организаторская” деятельность т. Демирского сводилась к одному: он вызывал председателей колхозов на совещание и, спрашивая их поочередно, угрожал им: “Отберем партбилет! Отдадим под суд!” В административном здании, не считаясь ни со здравым смыслом, ни с последствиями, Демирский распорядился снять все комбайны с уборки семенников многолетних трав. Семенники остались неубранными и многие колхозы остались сейчас без семян клевера”. Конечно, одобрить такую деятельность невозможно, но этот метод руководства путем угрозы отобрания партбилетов широко распространен и лично меня больше всего возмущает то, что таким высокопоставленным самодурам предоставлена возможность вмешиваться в хозяйственную жизнь колхозов и при том безответственно.

Нужны сельскохозяйственные знания, а откуда могут почерпнуть эти знания руководители на местах? Казалось бы от высшего научного учреждения по сельскохозяйственной науке - ВАСХНИЛ. Но ведь во главе этого учреждения до сих пор стоит Лысенко, который на иные советы, кроме как на стандартные, и при том необоснованные, рекомендации не способен, деятельность которого уже принесла неисчислимый вред нашему хозяйству и, однако, по старой пословице: “украдешь грош - раздавят, как вошь; украдешь сто тысяч - не посмеют и высечь” - его не только не высекли, а еще наградили недавно золотой медалью. Районные и обласные руководители действуют совершенно в стиле главы агробиологической науки - их за это ругать нельзя. Поэтому, если мы сравним то, что можно назвать плохим и хорошим руководством, то плохой руководитель механическим нажимом внедряет полученные им инструкции, а хорошее руководство воздерживается от административного нажима. А так как до 1953 года подбор кадров шел по линии беспрекословной исполнительности, то трудно и ожидать, чтобы существующие кадры руководителей могли работать с инициативой и со знанием дела. Вывод совершенно ясен: необходимо освободить колхозы от мелочной опеки, со стороны лиц, которые часто ничего кроме телефонных понуканий произвести не

могут. Толковые председатели часто рано утром уходят из конторы, чтобы избежать докучливых и ненужных звонков. Необходимо предоставить гораздо больше прав агрономам. Я помню,что еще перед войной Н. С. Хрущев, тогда первый секретарь Украинского Комитета партии высказал совершенно правильную мысль, что роль агрономов в первую очередь - организация сельскохозяйственного производства, а не проведение в жизнь районных директив. Сейчас же оказывается за каждым изменением агротехники приходится обращаться к начальству. В корреспонденции "Против шаблона в агротехнике" (Ульяновская правда" от 18 декабря 1955 г.) агроном Сурской МТС Н. Сидоров пишет, что осенью 1955 года ввиду полного отсутствия влаги на многих участках паров агроном Сурской МТС т. Селиверстов, учитывая многолетние данные опытных учреждений, обратился к районным организациям и областному управлению сельского хозяйства с просьбой разрешить колхозам зоны заменить часть озимых посевов на занятых парах весенним посевом пшеницы. Однако к голосу агронома никто не прислушался. В результате посев на занятых парах не дал хороших результатов. План выполняли ради плана. А надо, конечно, судить по урожаю, а не своевременному (по плану) посеву. Вот и получается: агрономов посадят на трудодень, как об этом сейчас пишут, и он будет отвечать не только за свои ошибки, но и за ошибки всех вышестоящих организаций, которые за свои ошибки или не отвечают или лишь в самой слабой степени. Гораздо целесообразнее будет предоставить полную инициативу местным работникам и только требовать от них отчета в конце каждого года. Изучение этих отчетов, созыв конференций с докладами передовых агрономов действительно повысит квалификацию руководящих работников, освободив их от мелочной, никому не нужной повседневной опеки. Усвоив этот опыт и привлекая в качестве экспертов работников передовых колхозов, руководство сможет по-настоящему помочь отсталым хозяйствам подняться, а взаимное ознакомление поможет и передовикам все время продвигаться вперед.

Но для успешности такой работы и освещения ее в печати необходимо преодолеть боязнь нового и полностью отказаться от догматизма. А при существующих реакционных коллегиях, воспитан-

ных на боязни того “как бы чего не вышло”, печать очень плохо справляется со стоящими перед нею задачами.

В качестве примера могу привести маленький факт из личной практики. В №149 “Ульяновской правды” от 29 июля 1955 г. появилась заметка В.Завьялова “Своевременно организовать борьбу с озимой совкой”, в которой, между прочим, предлагалось для учета совки выставлять корыта с бродящей жидкостью, которую предлагалось отравлять 30 граммами фтористого натрия или арсената натрия. Я немедленно написал в редакцию, что такое мероприятие представляет большую опасность и для людей, и для скота и что такая дозировка чрезмерно велика (вероятно это была просто опечатка). Казалось бы , надо было исправить ошибку и предостеречь читателей от такого необдуманного совета, тем более, что не нужно быть специалистом, чтобы знать, каким ядом является мышьяк. Редакция ответила через три с половиной месяца письмом от 14 ноября 1955 г. зав. Отделом сельского хозяйства: “Редакция благодарит Вас за некоторое дополнение к заметке В.Завьялова “Своевременно организовать борьбу с озимой совкой”. К сожалению, мы не не смогли опубликовать своевременно это дополнение. Однако В.Завьялова мы поставили в известность о Ваших замечаниях”. Очевидно редакция долгое время соображала можно ли поверить тому, что мышьяк ядовит, если это утверждение исходит от человека, которого дважды “Ульяновская правда” критиковала как вейсманиста-морганиста.

Положение с печатью, как общей, так и специальной, еще крайне неблагополучно. Но странно, что в первую очередь стараются мобилизовать писателей, созываются совещания литераторов, пишущих на колхозные темы, но не созывается широкого совещания для критического разбора деятельности ВАСХНИЛ и других научно-исследовательских учреждений. Как будто в этом не видят надобности и научные работники сельскохозяйственных учреждений. Канд. С. Х. Наук Л. Некрасова (Херсон, Украинский научно-исследовательский институт хлопководства) в письме в “Литературную газету” “Не опаздывать!” (“Литературная газета”, 25 октября 1955 г.) справедливо жалуется на наши сельскохозяйственные журналы и научные учреждения: “В наших специальных газетах и журналах “зеленая улица” зачатую открыта только тому, что

уже нашло признание, что уже выдвинулось". Правильно отмечено, полное отсутствие принципиальности, имеющее место во многих наших сельскохозяйственных научных учреждениях, где те же лица меняют взгляды, подчиняясь указаниям данного дня. Но Некрасовой кажется,что помочь делу могут писатели, и она считает, что писатели опаздывают, что их дело открывать забытые культуры, осмеивать образ редактора сельскохозяйственного журнала, печатающего только статьи находящиеся под высоким покровительством того или иного научного "авторитета". Нет. в первую очередь надо предоставить слово компетентным ученым разных направлений и взглядов, убрать с редакторских постов зажимщиков и невежд. Литераторы, подобные Николаевой и другим помочь решить научные вопросы не могут за отсутствием достаточной подготовки и именно к этим писателям относятся справедливые слова Некрасовой: "Если бы вы только знали, какая сила отрицательного порядка вырастает из развязных высказываний в печати людей, никогда не рискнувших выступить в защиту нового, но с азартом "лягающих" то, что , по их мнению, не будет принято". Пусть уж лучше писатели пишут о любви, это тема всегда актуальная, и не мешают ученым в борьбе за прогресс науки. Беда, коль пироги начнет печи сапожник, иль сапоги тачать пирожник.

4. Общий взгляд на динамику сельского хозяйства в СССР

А теперь бросим взгляд на общее развитие сельского хозяйства за последние десятки лет. Бесспорные и совершенно очевидные успехи по развитию промышленности заставляют многих думать, что и в сельском хозяйстве в общем дело обстоит благополучно и трудности с многими продовольственными товарами в городах объясняются слишком высокими темпами роста городов и другими причинами.

Конечно, и в деревне после революции произошли огромные перемены. Они связаны, прежде всего, с резким повышением культурного уровня населения и с развитием нашей промышленности. Сильное развитие механизации увеличило производительность труда крестьянина и сильно облегчило его труд. Сейчас не приходится слышать, чтобы время уборки называли страдой: старинное русское слово устарело. Практически исчезли лапти и домотканые платья; сельскую молодежь по внешнему облику часто трудно от-

личить от городской. Но если посмотрим на те стороны сельской жизни, которые непосредственно не связаны с промышленностью, то увидим чрезвычайно пеструю картину. Наряду с прекрасными колхозами с электрическим освещением на улицах и в домах, прекрасным внешним видом построек и другими ясными признаками благосостояния, сохранились еще, в особенности в средней полосе европейской России, деревни с убогими домами, соломенными крышами. Что касается до различных сельскохозяйственных культур и общего состояния сельского хозяйства, то лучше всего, видимо, обстоит дело в наших среднеазиатских и закавказских республиках. Большие успехи хлопководства несомненны, превосходно, например, и свекловодство в возникшем после революции свекловодческом районе - Чуйской долине, цитрусовые и другие субтропические культуры на Черноморском побережье Кавказа. Но зато по плодоводству почти по всей европейской части Союза мы шагнули не вперед, а назад. Весь север и поволжские области (Ульяновская, Куйбышевская) потеряли почти все плодоводство в морозные зимы 1939/40 и 1940/41 гг. и оно сейчас только начинает восстанавливаться. Сильно пострадало плодоводство и на Украине.

Ну, а как основа сельского хозяйства - зерновые культуры? Подробные сведения об этом не проникают в печать, но некоторое понятие о динамике урожая получить можно. Из статьи "Полеводство" в первом издании Большой Советской Энциклопедии (1948) можно получить сравнение урожаев зерновых культур в дореволюционный период и за годы сталинских пятилеток (стр.889):

Год	Среднегодовая урожайность ц/га	Год	Среднегодовая урожайность ц/га
1900-04	7,0	1928-32	7,5
1905-09	6,6	1932-37	9,1
1910-14	7,3	1938	9,3

В 1937 году в СССР был собран самый высокий урожай зерновых - в среднем по 11,5 ц на гектар и валовой сбор достиг 1 202,9 миллионов центнеров или 7 340 миллионов пудов, что соответ-

ствует площади зерновых в 104 миллинов гектар. При чем в то время не были еще введены правильные севообороты.

Взяв из той же статьи данные о валовом сборе и вычислив площади под зерновыми, получим такую табличку:

Годы	Среднегодовой валовой сбор в миллионах центнеров	Посевная площадь под зерновыми в миллионах га
1900-04	563,8	80,5
1905-09	566,8	86,0
1910-14	675,6	92,5
1938-32	735,9	98,0
1933-37	944,7	104,0
1938	949,9	102,0

За рассматриваемый период наблюдается рост посевных площадей и урожайности по пятилеткам, хотя, конечно, имеются значительные колебания по годам. Припоминаю, что примерно в начале девяностых годов 19-го века средняя урожайность на десятину была 36 пудов или 5,42 центнера на гектар (1 центн. на гектар соответствует6,65 пудов на десятину и 1 пуд на десятину соответствует 15,04 килограмма на гектар). Таким образом и до революции имелось увеличение средней урожайности зерновых порядка 1,5-2 центнера на гектар за 20 лет За десятилетие 1928-37 наблюдается и рост средней урожайности и урожайность в 1936-37 году достигла примерно 10 центнеров на га (в начале этой пятилетки еще замечались последствия перестройки сельского хозяйства). По заданию XVIII съезда Партии (там же, стр.891) было намечено к концу третьей пятилетки обеспечить ежегодный сбор 8 миллиардов пудов зерна при средней урожайности 13 центнеров.

Если бы рост урожайности шел примерно теми же темпами, что и за первые две пятилетки (по сравнению с дореволюционными временами), то задание XVIII съезда Партии могло бы быть выполнено (естественно с запозданием из-за войны) примерно в концу

пятой пятилетки, т. Е. к настоящему времени. считалось, что в один из годов (если не ошибаюсь в 1952 г.) мы достигли валового сбора в 8 миллиардов пудов, но мне известно, что эту цифру в авторитетных кругах сейчас считают заведомо преувеличенной. Какова настоящая цифра - неясно, но, видимо, никак не свыше 7 миллиардов пудов или 1 150 миллионов центнеров. Если даже площадь зерновых была не свыше 100 миллионов гектаров, то максимально допустимой цифрой средней урожайности для наиболее урожайного послевоенного года придется принять 11,5 центнеров, а средняя за ряд лет несомненно не достигает 10 центнеров на гектар. Иначе говоря. по средней урожайности мы и сейчас безусловно не оторвались от уровня 1938 года.

Те изолированные сведения, которые проникают в печать, подтверждают это мнение. Правда, урожайность у нас за последнее время привыкли выражать не в центнерах, а в процентах. Если урожай данного года лучше урожая прошлого, то указывают, на сколько процентов лучше, если же хуже, то обычно количественные сведения в печать не проникают, как не писали в газетах, например, о гармском землетрясении или об оползнях в Ульяновске в 1955 году.

Для примера возьму материалы для доклада председателя Ульяновского облисполкома т. Серегина И. М. (“Ульяновская правда”, 10 декабря 1955 года). Считается, что собран неплохой урожай зерновых в 1955 году. Что же это за неплохой урожай? “Более высокий урожай зерновых культур в текущем году получили колхозники Ишеевского района (в среднем 10,9 центн. с гектара), Тагайского (11,2 центн.), Сурского (11,3 центн.) и Богдашкинского (11,7 центнера с гектара”. Это - лучшие районы. Но в большинстве районов принятые колхозниками планы производства на 1955 год оказались невыполненными. “Особенно низкий урожай зерновых культур собрали в текущем году колхозы Старокулаткинского, Радищевского, Новоспасского, Ново-Малыклинского, Тиянского и некоторых других районов”. Каков это урожай в центнерах неясно, об этом газета умалчивает. Но если 11 центн. на га считается хорошим урожаем, то плохой никак не больше 5 центн. (в корреспонденции от 25 декабря той же газеты для некоторых тракторных бригад указывают цифры 3-4 центнера с гектара) и в среднем по

области имеем не больше 8 центнеров на гектар. Эта цифра совпадает со средней урожайностью колхозов (8,1 ц с га) за 1955 г.: цифра взята из отчетного доклада секретаря Ульяновского Обкома КПСС И. П. Скулкова (“Ульяновская правда” от 8 января 1956 года, стр.3) средняя урожайность для колхозов в докладе Скулкова также не указана. А так как в докладе Серегина указано, что в 1955 году валовой сбор зерна увеличился по области на 46%, то значит, так как существенного расширения посевных площадей в области за год не произошло, то средняя урожайность для 1954 года была порядка 5,5 центнера на га. С такого уровня нетрудно достичь повышения на 50 и даже на 100 процентов и приписывать это повышение руководству, кукурузе или другим произвольно выбранным факторам.

Выходит таким образом: год неважный, но отнюдь не катастрофический (каким был 1954 год) средняя урожайность 5,5 центн., в год безусловно благоприятный, дающий “неплохой” урожай (1955) 8 центнеров с га: в среднем получается около 7 центнеров. Как это далеко от 10 центнеров (средняя мировая величина) и от запланированных 13 центнеров!

Читая доклад Скулкова, нельзя не обратить внимания на три указания (на второй странице): 1) “На гектар посева зерновых культур в области ежегодно вносится лишь два-четыре килограмма минеральных и 30-60 килограммов местных удобрений”. Если тут нет какой-либо ошибки, то приходится удивляться, что удается получить даже 8 центнеров с гектара. Черноземные почвы в Ульяновской области не часты и большинство почв требуют обильного удобрения. Согласимся, что старая крестьянская норма (при трехполье - раз в три года по пуду на квадратную сажень или по 36 тонн на га, в среднем в год по 12 тонн) сейчас недостижима. Но даже Лысенковский рецепт - две тонны перегноя и три центнера суперфосфата ежегодно в 40-75 раз превосходит то, что фактически вносят в Ульяновской области. Неудивительно, что ставя опыты по испытанию предложений Лысенко, получают при сравнении с контролем положительный эффект: две тонны перегноя лучше, чем ничего: это можно сказать без всяких опытов.

Весьма вероятно, что Ульяновская область стоит на одном из последних мест по использованию удобрений, но и всюду положе-

ние неблагополучно. Передовая “Правды” от 6 января отмечает, что план вывозки навоза в 1955 году в Российской Федерации выполнен меньше чем наполовину, а на складах Сельхозснаба, а то и прямо на платформах железнодорожных станций Калининской, Ярославской, Белгородской, Курской и других областей скопились тысячи тонн минеральных удобрений. По мнению передовой: “Партийные организации должны принять неотложные меры к вывозке удобрений”. Каким образом? Предоставив транспорт? Оплатив стоимость удобрений? Но и то и другое партийные организации сделать не могут, значит опять понукания, увещевания, разъяснения? Почему же не вывозят навоз на поля, не говоря уже об извести (там где нужно) и минеральных удобрениях? Из разговоров с местными жителями удалось выяснить ряд причин. Две основных: 1) использование навоза на топливо и 2) недостаток и занятость транспорта. Почему используют навоз на топливо? Потому что (там где лес приходится беречь или его вовсе нет) раньше топили соломой, а сейчас соломы не хватает и она идет на корм скоту. Почему не хватает соломы? Потому что при комбайновой уборке много соломы остается в стерне (высокий срез), а остальная собирается недостаточно и весной просто сжигается, полова же, шедшая на корм скоту, почти полностью пропадает. А почему не хватает транспорта? Число лошадей, как известно, очень уменьшилось (более чем в два раза), тракторы после летних работ выходят на ремонт, а автомобили осенью и весной по нашим дорогам с трудом проходят. Вот в некоторых хозяйствах и вывозят лишний навоз в овраги, так как это легче сделать, чем вывозить на поля;

2) “В прошлом году площади посевов зерновых культур сортовыми семенами не увеличились, а даже снизились... много семян некондиционных и засоренных, в ряде хозяйств семян не хватает”. И это - после неплохого по урожайности года. Чем объяснить , что сортовыми семенами сеют меньше, чем раньше? Этот вопрос заслуживает детального исследования и подобные вопросы могли бы составить содержание многих диссертаций. Опять в порядке предположений можно выдвинуть такие объяснения: 1) у колхозов не хватает средств чтобы закупить сортовые семена; это толкование пригодно и для объяснения того, что минеральные удобрения скапливаются на станциях; 2) возможно, что наши сортовые семена

сейчас немногим лучше простых, семеноводство не могло не испытать вредного влияния режима Лысенко в особенности по отношению к перекурестноопыляемым растениям - ржи и кукурузе. Необходимо внесение корректив в те премии, которые выплачиваются организаторам сортов. Их платят в зависимости от площади распространения сортов и не учитывается важнейший момент: какой экономический эффект дают новые сорта.

3) “За последние два года количество трудоспособных колхозников увеличилось в области более чем на две с половиной тысячи человек. Это хорошо. Но плохо то, что у нас не сокращается, а увеличивается количество колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней. Это свидетельствует о слабой работе партийных организаций по укреплению трудовой и производственной дисциплины среди колхозного населения”. Каков общий результат, т. Е. увеличилась ли общая сумма трудодней, выработанных по области в 1955 году, Скулков не сообщает.

А какие меры могут провести партийные организации по подъему трудовой дисциплины? Строгие выговоры или исключение из партии? Но большинство колхозников беспартийны. Лишение приусадебных участков или исключение из колхоза? Но мы видели, что сейчас наиболее ретивые “организаторы” приступили (например - село Калиновка) к отобранию приусадебных участков как наиболее удобренных. Что касается исключения из колхоза, то может ли эта мера испугать, например, членов колхоза “Заветы Ленина” (доклад Скулкова, стр.3, первый столбец), которые в 1955 год денег на трудодни совсем не получили, а хлеба получили по 560 граммов на трудодень. Урожай, правда, в колхозе был неважный (5,3 центнера), но до полного неурожая далеко. Большая часть хлеба пошла, очевидно, государству. Скулов пишет в том же столбце: “Итоги деятельности колхозов, МТС и совхозов оцениваются прежде всего по тому, как они аккуратны в расчете с государством по обязательным поставкам, натуроплате, погашениям недоимок прошлых лет, а также по выполнению заданий по сдаче продукции в порядке государственных закупок”. Что это обозначает на практике? Государство получает то, что ему причитается, а колхозники - что остается, хотя бы от результатов его труда почти ничего не осталось. Может ли такой порядок способствовать тому, что кол-

хозник будет смотреть на колхоз как на свое дело? Конечно, нет, и никакие уговоры, никакая идеологическая работа тут не поможет. Колхозник должен видеть, что его нужды и интересы стоят не на втором месте, а наряду с интересами других граждан, так как наше крестьянство по-прежнему составляет большинство населения страны, является кормильцем и основным защитником в суровую годину войны.

Верно, что вопрос о кадрах играет сейчас огромную роль и честный и трудолюбивый председатель колхоза сплошь и рядом в короткий срок поднимает запущенный колхоз. Сейчас ставится вопрос о повышении квалификации председателей и агрономов, но часто вопрос рассматривается чисто формально: с высшим образованием человек или без него. Но ведь сейчас вопрос стоит не о внедрении каких-то новых высоких достижений науки, а об использовании навоза, удобрений, своевременном севе и р. И право же, у нас не так много хороших председателей колхозов и агрономов, чтобы снимать их из-за отсутствия диплома. Первым требованием, которое должно предъявлять к таким работникам: повышение уровня урожая колхоза и, если это имеет место, то все обстоит благополучно. В помощь талантливым самородкам, без достаточного образования умело ведущим хозяйство, надо давать молодых специалистов с высшим образованием. Польза должна быть двоякая: молодой специалист получит хороший практический опыт, а старый практик повысит свой теоретический уровень, если молодой специалист получил действительное, а не формальное высшее образование. Последнее, т. е. чисто формальное образование, к сожалению, бывает очень часто, это мне, как старому профессору, хорошо известно по личному опыту.

Те меры, которые необходимы для подъема хозяйства уже сейчас вполне ясны. Резервы действительно велики, но реализовать их чрезвычайно трудно, так как обстановка очень сложная. и большинство колхозников не имеют веры и потеряли инициативу. Странными поэтому, хотя и типичными, являются слова т. Серегина в уже цитированном докладе (“Ульяновская правда”, 10 декабря 1955 года): “Подсчитав свои резервы, колхозы и совхозы области нашли возможным значительно сократить сроки выполнения задач, поставленных январским Пленумом ЦК КПСС, решили удво-

ить производство зерна не за 5-6 лет, а в 3-4 года и уже к 1957 году довести валовый сбор зерна более чем до 100 миллионов пудов. С этой целью колхозы пошли на смелое изменение структуры посевных площадей, решили резко расширить посевы таких высокоурожайных культур, как кукуруза и просо, значительно поднять культуру земледелия, улучшить качество обработки земли".

Да ведь такие слова мы слышали уже много раз, кто же мешал раньше поднимать культуру земледелия и улучшать качество обработки земли?

А теперь коснемся животноводства. Неблагополучие в этой отрасли сельского хозяйства не вызывает решительно никакого сомнения. Коснусь только крупного рогатого скота и лошадей (со свиньями, овцами и козами дело обстоит несколько благополучнее). По данным доклада Н.С. Хрущева 3 сентября 1953 года (стр.17) в миллионах голов:

	Крупн. Рогат. скот	В т.числе коровы	Лошади
1916 г.	58,4	28,8	38,2
1928 г.	66,8	33,2	36,1
1941 г.	54,5	37,8	21,0
1953 г.	56,6	24,3	15,3

Уменьшение количества лошадей, до известной степени, компенсировалось автомобилями и тракторами, но нехватки коров ничем не компенсировались. Но может быть увеличилась удойность коров? На той же странице показана удойность общественного скота для некоторых республик, в 1952 году, например: Костромской области 906 килограммов, Вологодской - 819, Азербайджанской ССР - 373, Киргизской ССР - 537 килогр. На стр.21 указано, что в Сибири производилось в 1913 году 75 тысяч тонн масла, а в 1952 году - 65 тысяч тонн.

Можно припомнить, что в трехлетнем плане развития общественного животноводства 1949-1951 гг. было намечено (пункт 7)довести в 1951 году в колхозах удой на одну корову в среднем по СССР не менее чем до 1 700 - 2 000 килограммов, в том числе в колхозах районов мясного и отгонного скотоводства не менее, чем

до 800 - 1 000 килограммов. План явно не выполнен, но и после постановлений сентябрьского Пленума дело двигается медленно. За три года, с 1952 по 1955 г., по Волгоградской области годовой удой поднялся с 819 килограммов до 920 ("Правда" от 12 ноября 1955 г., стр.8), в Костромской - с 906 до 997 килогр. ("Правда" от 29 ноября 1955 г.). Иначе говоря, за три года - прирост в 90-100 килограммов, на год в среднем по 30 килогр. И такие низкие удои, равные по размерам удоям посредственных коз, характерны для таких областей, как Вологодская, издавна славившейся своим маслом, или Костромская, где распространена высокопродуктивная костромская порода коров.

По сравнению с этими областями удойность коров в Ульяновской области сравнительно благополучна, но тоже наводит на размышления. Из доклада т. Скулкова ("Ульяновская правда", 8 января 1956 г.) видно, что средняя удойность равна:

Годы	1953	1954	1955
колхозы	963 кг	1 180 кг	1 319 кг
совхозы		2 287 кг	1 918 кг

Мы видели раньше, что там, где имелось значительное повышение удойности, это приписывалось введению кукурузы. Но в Ульяновской области в 1955 г. колхозы повысили удои очень незначительно (на 39 килогр.), а совхозы очень заметно (на 369 килогр.) снизили удойность. Но ведь в 1955 году колхозы и совхозы Ульяновской области впервые посеяли кукурузу на больших площадях, по мнению Скулкова, это (несмотря на отдельные неудачи) значительно улучшило кормовую базу для животноводства.

Кукуруза, конечно, может сыграть свою роль в подъеме животноводства, но нельзя ставить вопрос так, что введение кукурузы само по себе повысит животноводство и что без кукурузы интенсивное животноводство невозможно. А как же животноводство в таких странах, как Дания, Финляндия, у нас Вологодская область, Сибирь. Дания достигла, как известно, среднего удоя на корову в 4 000 килограмм и только теперь испытывает кукурузу, но исключительно на силос. Вопрос должен решаться для каждой области с экономической точки зрения, а не огулом.

Внедрение кукурузы может иметь хороший эффект только при строгом учете всех ресурсов хозяйства, и лучше всего пройдет в достаточно крепких хозяйствах. Навязав же значительную площадь слабому колхозу, мы только ухудшим его положение.

5. Заключение

Я позволю себе резюмировать положения настоящего письма в следующих тезисах:

1) для ряда средних и северных областей европейской территории СССР в 1955 году характерны очень низкие урожаи кукурузы наряду с отдельными случаями безусловной удачи;

2) правильный вывод о технической возможности возделывания кукурузы не только на зеленую массу приводит обычно к неправильному заключению о возможности сильного расширения посевов кукурузы независимо от энергетический ресурсов колхоза; напротив, расширение посевов кукурузы без учета экономических возможностей может привести к ухудшению, а не к улучшению положения;

3) в числе главных причин неудач с кукурузой в 1955 году следует считать механическое проведение в жизнь инструкций, не приспособленных к местным условиям и чрезмерно высокие площади у слабых колхозов;

4) появляющиеся в печати изложения успехов, связанных с внедрением кукурузы, отличаются полным отсутствием научного анализа данных, противоречивостью и замалчиванием ряда факторов, способстовавших экономическому успеху колхоза;

5) при планировании будущих успехов на основании разницы двух лет авторы забывают, что такие же прогнозы ставились и раньше и не оправдались, и потому новые прогнозы никакого доверия не заслуживают;

6) повышение урожайности полей и успешное развитие животноводства может быть достигнуто не каким-то одним ведущим фактором, а лишь комплексом факторов, прежде всего улучшением обработки, внесением удобрений и другими давно известными приемами;

7) для достижения этого надо не усиление руководства, а, напротив, ослабление опеки над колхозами, увеличение материальной заинтересованности колхозников и ответственности председателей

колхозов прежде всего перед самими колхозниками, а не перед советскими и партийными организациями;

8) совершенно недопустимо использование хорошо удобренных приусадебных участков колхозников для покрытия дефектов неумелого хозяйничания;

9) новый порядок планирования должен быть по-настоящему проведен в жизнь, т. е. прекращено насильственное внедрение тех или иных культур вопреки желанию колхозников (в т.ч. и кукурузы);

10) должно быть прекращено рекламирование всякой аллилуйщины, в особенности со стороны развязных писателей и журналистов; неотложная задача - изучение опыта учеными и экономистами, владеющими всем современным аппаратом математико-статистических исследований; совещания писателей на колхозные темы мало помогут нашему сельскому хозяйству;

11) организация подлинно научного изучения экономики сельского хозяйства немыслима при существующем руководстве ВАСХНИЛ и Биологического Отделения АН СССР;

12) не только животноводство, но и зерновое хозяйство внушают серьезную тревогу: не только не выполнены намечавшиеся раньше планы, но средний уровень урожайности зерновых после 1938 года обнаруживает тенденцию не к повышению, а к понижению.

Доктор с. х. наук профессор (А. Любищев)
г. Ульяновск

12 января 1956 г.

т. Любищев

Благодарю за внимание, которое оказываете мне. Прошу верить в мое глубокое уважение Вас. Все Ваши работы перечитал несколько раз. Они сильно помогли мне в нашем общем деле. Признаюсь - с некоторыми положениями с Вами я не согласен. в особенности с последней работой. Жаль, что Вы тратите время на некоторые пустяки. Под последним разумею рецензии на статьи. Для Вашего ума - это школьная мелочь. Каждый час затраченного времени на эту пустую работу мне просто жаль. Есть более жизненные

необходимые вопросы и которые по плечу только Вам. На них и надо сосредоточить Ваше внимание. Тем более, что обстановка в ВАСХНИЛе изменилась, поздравляю с новым президентом! Стоит задача предупредить ненужный и вредный реваншизм по адресу старого и помочь искренне новому. О подробностях писать не буду. Всему своя очередь. Прошу не понять мои советы за нравоучение, я далек от них, да и не мне их делать вам.

Я глубоко благодарен Вам за Ваше расположение ко мне и письма, которые помогают в работе и пополняют мои знания.

У меня к Вам просьба - писать больше и без стеснения, но только на домашний адрес, который и даю Вам: Москва В-230, Старо-Каширское шоссе, дом 1, кв. 191. Так будет лучше. Будете в Москве, счастлив буду видеть Вас гостем в своем семейном очаге.

Уважающий Вас В. Орлов

19/IV-56 г.

Уважаемый т. Любищев

Поздравляю Вас с 1 мая!

Чтобы забыть про плохих людей самому и помочь сделать это другим, есть одно, испытанное средство, бросить говорить и вспоминать о них. Этот вид критики самый действенный. Этому учит история. Вот почему я против склонения имен, которые ушли в прошлое, не оставив после себя ничего хорошего. История их забудет быстро. Оставленная им запущенность в теории стала очевидной для всех В силу этого и приняты меры, прежде всего для более свободного обмена мнениями. Это большая победа. Следовательно, в данное время нужно думать, писать и говорить о том, что нужно делать для того, чтобы выполнить решения XX съезда КПСС. В этом основная и главная наша задача. Необходимо осознать, что в колхозах так же произошли коренные изменения. Они становятся настоящими хозяевами своей жизни. Навязать им что-либо административным путем стало почти невозможно и это бесспорно радостное явление. Это в свою очередь требует действенных, глубоко продуманных и экономично обоснованных рекомендаций. Плохие рекомендации они отвергнут. Каждый дающий рекомендации или предложения может быстро убедиться в обосно-

ванности и полезности своих советов, рекомендаций и предложения. Если последние будут приняты массами колхозников значит, автор таких советов достиг цели, если нет - винить он должен только себя. Сейчас нужно говорить и писать о том, что нужно делать, как делать, когда делать. Все это необходимо делать на новой основе, но эта основа и будет служить опровержением и самым действенным прошлому. Вот почему я высказался в первом письме против реваншизма. Важно срубить дерево, а ветки убрать легче!

К сожалению и досаде в печати и в практике имелись и имеются довольно часто ненужные и даже иногда вредные советы. Нужно ли с ними вести борьбу? Безусловно нужно. Но в свете высказанной мною выше концепции, они уже не могут принести столь много вреда, колхозники их просто не примут. Таких примеров можно назвать много. Они неизбежны. Так вот, если такая заметка и появилась в печати, она есть зло. Но это зло может и обязательно будет уничтожено. Вот почему Вам, перед которым стоят более серьезные задачи, не стоит тратить время, извините меня за грубость и откровенность, на ловлю блох. Другое дело какой-либо большой и важный вопрос, который не каждый сумеет решить правильно.здесь полезть в “драчку”. Считаю, говорю прямо: Ваше болезненное реагирование на неточности в статье, разбор которой вы произвели, было напрасным, так как все было исправлено до получения Ваших замечаний. О механике этого дела говорить не буду (она не имеет значения), важно дело поправить. В данное время имеется подобных фактов много, но сама жизнь исправляет их. Другими словами это текущие дела, для исполнения их есть люди. Боюсь, Вы не поймете меня, говорю много, потому что нет времени писать короче.

В отношении президента. я другого мнения. Сила не в нем, а в коллективе. Важно собрать кадры и уметь использовать их. В данном случае не столь нужны знания, сколько партийность, человечность и способность организовать коллектив.

Чту память т. Вавилова, не спорю с его величии. Вы правы! Но было бы неправильным не верить в молодежь. Среди нее есть высокоталантливые, но мы пока не знаем и при новой обстановке они себя быстро покажут. Были и будут в нашей России Ломоносовы.

Я глубоко верю в это. В то же время, пока могут оказаться и “недоросли”, кои быстро себя изживут.

Заранее благодарю Вас за обещанную статью, которую готовите в журнал. Я очень полюбил Ваше умение излагать мысли, прямоту и обстоятельность. Это, конечно, не значит, что все мне нравится и со всем я согласен. Кое-что мне кажется априорным.

Так же благодарю за Ваше согласие написать свое мнение о моем маленьком труде. Прошу Вас не делать это за счет нужного для других работ времени. Мне это надо не спешно.

Хотелось бы иметь Ваши координаты по телефону, иногда бы я позвонил. Глубоко извиняюсь и прошу извинения за мое невежество - не знаю ваших инициалов, прошу сообщить.

С уважением В. Орлов

В. П. Орлову

Глубокоуважаемый Василий Павлович!

В этом месяце я Вам уже послал копию статьи в “Ботанический журнал”, а сейчас посылаю Вам обещанные замечания по поводу вашей книжки.

Теперь перейду к ответу на Ваше письмо от 26 апреля. Оно затрагивает много пунктов очень важных для выяснения и потому постараюсь подробно на него ответить.

1. “Не стоит вспоминать про плохих людей, история их забудет быстро”.

Вы считаете, что этот вид критики самый действенный и что этому учит история. Тогда почему же сейчас у нас вспоминают Гитлера, бухаринцев, троцкистов, почему все время наши философы борются с идеалистами? Но указанные лица действительно ушли в прошлое и сейчас никакой силы не имеют, а Лысенко еще в прошлое не ушел, не говоря уже о его многочисленных защитниках. Он по-прежнему академик, он директор Института генетики АН СССР, он рассматривается как представитель определенной школы, ему дали слово на XX съезде КПСС и критики его выступления не было. Как же можно говорить, что они ушли в прошлое! По-прежнему на биологических факультетах не преподают настоящей генетики, методика опытного дела по-прежнему находится в запущенном состоянии и моя статья в “Ботанический журнал” име-

ет главной целью показать, что дело не только в Лысенко, а имеется общее неблагополучие.

Говорят, что сейчас статьи научного характера не требуют санкции Обллита. Как будто бы великолепно: цензура снята с научных трудов. Хорошо, да не дюже, как говорится в известной русской сказке. Обязанности цензоров сейчас выполняют редакторы и в общем с большим успехом, чем официальные цензоры. Приведу пример. Мне известно, что для напечатания в шестом номере "Ботанического журнала" была принята статья Лукьяненко с резкой критикой практических предложений Лысенко, в частности, его органо-минеральных смесей. Как-то об этом узнал академик Островитянинов, который ведает всей печатной продукцией Академии Наук. Обычно он не проверяет журналов, предоставляя это редакционным коллегиям, но тут он заинтересовался и по его настоянию статья отложена. говорят, что мотивом задержания было то, что Лукьяненко критикует эти самые смеси, о котоых одобрительно отозвался Хрущев. В первых двух номерах "Ботанического журнала" эта статья не появилась. Боюсь, что и моя статья в "Ботаническом журнале" будет задержана этим же высокопоставленным цензором.

Два других примера из моей личной практики. Большая работа "О методике количественного учета", законченная мною еще в 1947 г. и принятая для печати Киргизским филиалом Академии Наук еще в 1954 году до сих пор не вышла из печати, так как при преобразовании филиала в академию новый начальник, некий Захарьин, испугался возможности реставрации лысенковщины и задержал, хотя там ни слова нет о лысенковщине. После долгой переписки, о которой долго рассказывать, дело возможно сдвинулось, но положительного ответа до сих пор не имею.

Здесь, в Ульяновске, в прошлом году была напечатана моя небольшая статья после семилетнего перерыва, так как на нее было получено специальное разрешение из Москвы. Нынче я представил одну статью "О некоторых постулатах общей систематики", где тоже ни словом не критиковал Лысенко, но которая вызвала подозрение своим абстрактным характером. Редакционная коллегия не пропустила, я не могу добиться, чтобы мне сообщили письменно об отказе, при чем члены редакционной коллегии "Ученых запи-

сок” Педагогического института - два профессора и другие выдвигали разные нелепые аргументы, что там нет собственных наблюдений и прочее, а на деле все сводится к тому, что бояться как бы чего не вышло, зная, что идеологически я весьма невыдержан, правильнее сказать имею собственное мнение по всем вопросам, а это пока еще не положено.

Поэтому, хотя смещение Лысенко и является существенным шагом, но это еще не победа, а преддверие победы. Я, в числе других лиц, слушал отчет ЦК КПСС, который не печатался в газетах, но опубликован достаточно широко. Вот тут все точки над і были поставлены и мы все это глубоко приветствуем. Вот также должно быть поступлено и в биологии. Как Ежова, Берию и других мы не можем считать представителями определенных направлений политической жизни, а просто считаем бандитами, так точно Лысенко, Лепешинская и прочие не являются представителями школ в науке, а являются сорняками в науке, которые должны быть выполоты. Как в отношении ленинградского процесса, процесса врачей-отравителей и других позорных процессов недавнего прошлого партия не амнистировала обвиненных, а честно заявила, что все эти процессы сплошная фальсификация, так и в отношении сессии 1948 года должно быть вынесено решение, что это не борьба двух равноправных течений, а сплошной позор. Вот это мы будем считать победой. И рано или поздно это будет, а пока этого нет те, кто уже ввязался в эту борьбу, ее оставить не имеют права, это не может позволить совесть ученого.

Верно, что разобраться в этом деле труднее, чем в чисто политических делах, так как выяснению дела мешают многие ученые и полуученые, которые себя слишком скомпрометировали за это время. Имена их пока называть не буду.

2. О положении в колхозах. Вы пишите, что в колхозах произошли коренные изменения. “Они становятся настоящими хозяевами своей жизни. Навязать им что-либо административным путем стало почти невозможно. И это бесспорно радостное явление. Это в свою очередь требует действенных, глубоко продуманных и экономически обоснованных рекомендаций. Плохие рекомендации они отвергнут”.

Думаю, что Вы здесь желаемое выдаете за действительность. Что в колхозах стало свободнее, это, конечно, несомненно, как вообще все себя чувствуют гораздо свободнее. Страх перед МГБ исчез и как весьма радостное явление я слыхал, что в районах ликвидируются отделения МГБ, а их функции переданы милиции. Что же касается рекомендаций, то тут применяется иная методика. Вызывают председателя колхоза и под страхом отнятия партбилета предлагают ему то или иное мероприятие, например, расширение посевов кукурузы. Он теперь знает, что его не посадят, но потерять партбилет тоже очень тяжело. Приведу несколько фактов из Ульяновской области. В одном колхозе, поблизости от самого Ульяновска, кукуруза в прошлом году удалась и коровы в значительной мере сохранили удойность именно благодаря кукурузному силосу. Там, естественно, колхозники охотно пошли на расширение культуры, выгоды которой они оценили на практике. А в другом колхозе, тоже неподалеку от Ульяновска, в прошлом году кукуруза на 250 гектарах вовсе не удалась. А на этот год требуют для выполнения плана, чтобы сеяли на 350 гектарах. Даже, если бы неудача прошлого года была целиком основана на невыполнении тех или иных правил, как можно расширять посевы не освоенной культуры? Вы посмотрите хотя бы цифры, появляющиеся в газетах. Почти без исключения высокий урожай кукурузы снят с небольших площадей. Единственным исключением, которое я мог найти, это был колхоз “Рассвет”, где хороший урожай кукурузы снят с площади 500 гектаров, но ведь колхоз-то “Рассвет” если не лучший, то один из самых лучших колхозов во всем Союзе и такие колхозы можно пересчитать по пальцам. Связано или не связано с этим, но факт тот, что если с кукурузой не так хорошо обстоит в Ульяновской области, то совсем плохо обстоит с просом. Просо, как известно, культура стариннейшая, всегда считалась страховой культурой. Правда, ее не так давно спасал Лысенко и, говорят, спас, но что получилось после спасения. Возьмем передовую статьи “Ульяновской правды” от 29 мая “За высокие урожаи проса”. В 1954 году, засушливом году, средний урожай проса в Богдашкинском районе со всей посевной площади 4 126 гектаров составил по 16,1 цнтн. с гектара, а такие колхозы как “Новая жизнь”, “Воля” и другие получили на больших площадях 20-25 центнеров зерна с каж-

дого гектара, одна же бригада получила с 40 гектаров по 36 центнеров зерна. Как будто неплохо для засушливого года. Прошлый год почему-то считается неблагоприятным по климатическим условиям для возделывания проса, хотя он не был засушливым, но в качестве примера приводят уже гораздо меньшие цифры, а именно: в колхозе "Труд" по 9,3 цнтнр. с 240 гектаров. Но некоторые же районы просто катастрофические. Так в Мелекесском районе в прошлом году средний урожай проса по району составил 2,9 цент. с га. Передовая, конечно, объясняет, что все это явилось результатом нерадивого бесхозяйственного отношения, что сеяли просо наспех, в непрогретую почву, некондиционными по всхожести и неяровизированными семенами. Ведь такие объяснения годятся, скажем, для кукурузы, новой культуры, в отношении которой не было опыта и где часто имело место противодействие, а почему для проса, культура которого превосходно известна, появилась такая неопытность и нерадивость? Я склонен думать, что такая неудача с просом объясняется не нерадивостью колхозников, а чрезмерным руководством со стороны партийных и других организаций, которые так усиленно внедряли кукурузу, что портили и просо, а объяснение, которое я только что привел, оно типично для наших районных и областных руководителей, которые ни разу по существу в деле не разбирались. Хорошо помню из собственного примера. Когда у меня вышел острый конфликт с директором, партийная организация старалась меня только изжить, а приехала умная женщина, инспектор Министерства просвещения, Харитонова, во всем деле разобралась и в результате был снят директор.

Вы говорите, что плохие рекомендации колхозники отвергнут. Выходит, что колхозы являются опытными полями для проверки плохих рекомендаций, при том часто навязанных. Ведь сейчас бесспорно, что, например, в Орловской области или Курской усиленно навязывали яровую пшеницу, когда она там была менее выгодна, чем овес. Внедряли годами, не слушали никаких резонов, а сейчас те же самые лица, которые внедряли, годами мешали колхозникам работать, продолжают свою деятельность. Конечно, сейчас вред меньше. Есть знаменитый председатель колхоза, если не ошибаюсь Прозоров в Кировской области, он кажется раз 8-9 сидел. Все-таки уцелел и сейчас по-прежнему работает. Вот в его колхозе

уж, конечно, плохие рекомендации не пройдут. А молодым работникам очень трудно. Недавно в “Правде” было опубликовано письмо одного молодого председателя колхоза, который в числе 30 тысяч был направлен на работу, очень много сделал, но был снят с работы под давлением областных организаций, так как неаккуратно являлся на заседания. Рекомендовать колхозникам можно только действительно глубоко продуманные и экономически обоснованные мероприятия, а это возможно только в том случае, если имеется хорошо организованное, подлинно научное опытное дело, каковое имеется в Западной Европе и Северной Америке. И у нас оно было такое во времена Вавилова, сейчас оно разрушено и требуется много труда для восстановления. А как же быть пока? Можно, конечно, рекомендовать и сейчас. Следует и сейчас рекомендовать кукурузу, но не настаивать на больших площадях. Пусть каждый колхоз в виде опыта поставит небольшую площадь, несколько гектаров. освоит ее, оценит трудоемкость, тогда уже будет развивать дальше.

3. О ловле блох. Вы считаете, что мое болезненное реагирование на неточности в статье, разбор которой я произвел, был напрасным, так как все было исправлено до получения моих замечаний. И Вы считаете, что не стоит мне, перед которым стоят более серьезные задачи, тратить время на ловлю блох. Вы извиняетесь за грубость и откровенность, но это совершенно напрасно, так как ловлей, если не блох, то земляных блошек, я занимаюсь уже 30 лет, собрал большую коллекцию и сейчас занимаюсь разборкой ее вечерами для отдыха и намереваюсь подготовить кое-что к печати. Кроме того, настоящие блохи имеют, как Вам, конечно, известно такое огромное эпидемиологическое значение, что ловля и борьба с ними весьма почтенная и актуальная тематика. Наконец, что касается символических блошек, то вспомним прекрасный романс: “Жил был король когда-то, при нем блоха была...” Роман актуальнейший, так как Лысенко является именно блохой при короле Сталине и после возвеличения Лысенко символические блохи развелись в огромнейшем количестве и житья не дают многим отраслям науки. Борьба с этими блохами - почтенное дело и я нисколько не обижаюсь, что Вы меня называете блохоловом или даже блохобойцем.

Теперь конкретно. Ваши возражения меня очень удивляют. При нашей беседе Вы обратили внимание на брошюру Лысенко об органо-минеральных смесях и на другую брошюру (автора не помню), кажется о плодовых вредителях и просили на них дать рецензию. Я тогда Вам сказал, что мне не хочется отвлекаться в сторону по мелочам (я имел в виду именно брошюру о вредителях), так как я именно и считал, что не стоит трогать мелочи, надо бить по основе. Поэтому разбор органо-минеральных смесей я хотя и с опозданием, но произвел. Статья же в “Правде” имела, конечно, гораздо больший вес, чем брошюра никому неизвестного автора. Ведь “Правда” официальный орган Коммунистической партии и до сих пор многие считают каждое слово, напечатанное в “Правде”, как установку. Как же было не разобрать подробно эту статью и не показать вопиющие неувязки пропущенные редакционной коллегией “Правды”. Теперь Вы считаете, что все было исправлено и до получения моих замечаний. Очень хорошо, если это было сделано, но почему это исправление не опубликовано? Почему статья Полякова в расширенном виде опубликована отдельной книгой?

Что же касается метода рассуждения, то он до сих пор не исправлен. Для доказательства могу привести уже совершенно официальный документ: “Об итогах выполнения пятого пятилетнего плана развития СССР на 1951-1955 годы. Сообщение Государственной Комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства и Центрального Статистического Управления (газ.”Известия” от 25 апреля 1956 г.).

Первый раздел о промышленности совершенно ясен, вызывает глубокое удовлетворение, прямо восхищение. Ясно указано, сколько мы получили угля, железа, нефти и прочее, какие грандиозные перспективы открыли наши геологи. Ну а вот, когда переходим во второй раздел - сельское хозяйство, именно в отношении зерновых культур, тут видим сплошной туман. Неизвестно, сколько мы получаем сейчас хлеба, какова посевная площадь, каков средний урожай. Все только в прибавках и процентах. Но кое-что и из этого тумана извлечь можно. Сказано, что посевные площади зерновых культур за пятилетие увеличились на 23,5 миллиона гектар. Средний амбарный урожай с гектара за 51-55 годы повысился по сравнению со сбором за 1946-50 гг. на 18 проц. Валовый сбор зерна в

1955 году превысил уровень 1950 года на 29 проц., в том числе сбор пшеницы в полтора раза. Попробуем на основании этих данных подсчитать размер посевной площади в 1950 году и в 1955 году. Это самая простая задача на составление нескольких уравнений с несколькими неизвестными. Обозначим посевную площадь буквой икс, средний урожай с гектара буквой игрек. Тогда валовый сбор будет равен икс-игрек. Для 1950 г. будем обозначать значком один, для 1955 года значком два, тогда получим три уравнения:

1. $x_2y_2 = 1{,}29x_1y^1$

2. $y_2 = 1{,}18y_1$

3. $x_2 = x_1 + 23{,}5$

Из трех уравнений все четыре неизвестных мы, конечно, определить не можем, но x_1 и x_2 можем. Разделим первое уравнение на второе, получим:

$x_2 = (1{,}29/1{,}18) = 1{,}092x_1$

Отсюда $x_1 + 23{,}5 = 1{,}092x_1$ и x_1 X $0{,}92 = 23{,}5$ милл. Гектар.

Выходит, таким образом, что посевная площадь в 1950 году зерновых равняется 23, 5 милл. Гектар деленное на 0,092 или 253 миллиона гектар, а посевная площадь зерновых в 1955 году равняется 276 миллионов гектаров. Цифры, конечно, чрезвычайно преувеличенные. Что-то тут напутано. Но даже, если допустить, что ничего не напутано, и если взять весьма сомнительные цифры в 8 миллиардов пудов или в 1 310 миллионов центнеров, как максимально полученный урожай, то, разделив его на 253, получим среднюю урожайность 5,2 центнера, т. Е. значительно низшую, чем в дореволюционной России. Очевидно, положение с зерновыми настолько плохо, что в этом еще не решаются сознаться, как признали в отношении животноводства.

Коснусь в двух словах еще о кукурузе. В том же документе указано, что валовой сбор кукурузы в 1955 году превысил уровень 1950 года в два раза. Но мы знаем из других документов, что посевная площадь кукурузы в 1950 году была не более 3,5 миллионов гектар, а в 1955 году она достигла не менее 17,5 милл. гектар. Значит увеличилась в пять раз, а если площадь увеличилась в пять раз, а валовый сбор в два раза, то ясно, что средняя урожайность с гектара уменьшилась в два с половиной раза. Какова урожайность в 1955 году мы не знаем, это все покрыто глубокой тайной. В 1953

году из цифр, приведенных в докладе Н. С. Хрущева, она была около 10 цнтр. на гектар, в 1938 году она была около 15 цнтр.Значит в 1955 году очевидно она колебалась в пределах от 4 до 6 цнтр. на гектар. А так как в 1955 году ряд южных областей, а именно: Харьковская, Кировоградская, Днепропетровская, Полтавская и другие собрали урожай кукурузы по 25 и более центнеров с гектара (см. Мацкевич. Что мы видели в США и Канаде, стр.237), то ясно, что в северных областях урожай был значительно ниже 3 центнеров, иначе говоря сплошной неурожай. Как можно при таком состоянии хозяйству думать, что в один-два года мы можем добиться таких результатов, чтобы подойти к выполнению плана, намеченному на пятилетие. Тут уж наукой и не пахнет.

Наше зерновое хозяйство серьезно больно, а при всяком лечении необходимо прежде всего поставить правильный диагноз и устранить мешающие причины. Отсюда естественный переход к разговору о президенте ВАСХНИЛ.

4. О президенте ВАСХНИЛа. Вы не согласны с моим скептическим мнением о Лобанове. Вы пишете: “Сила не в нем, а в коллективе. Важно собрать кадры и уметь использовать их. В данном случае не столь нужны знания, сколько партийность, человечность и способность организовать коллектив”.

До недавнего времени мы считали, что во главе всякой научной академии должен стоять ученый. Научные заслуги Лобанова мне неизвестны. Я слыхал только, что он читал лекции по экономике и организации сельского хозяйства. Я обратился в “Большую Советскую Энциклопедию”, которая издавалась в период расцвета лысенковщины и где Лысенко и Лепешинская, и даже Бошьян отмечены как видные ученые. К моему удивлению я о Лобанове не нашел там статьи. Впрочем не только о Лобанове. Мне известно, что на 1.VII.49 года числились 51 действительный член академии, сейчас их 43, так как объявлено о наборе новых 32 действительных членов с тем, чтобы общее число было 75. Я пытался найти справочник с указанием всех действительных членов. Такие справочники существуют для Академии Наук СССР и Академии медицинских наук, возможно такого справочника для ВАСХНИЛа не существует. Удалось мне составить список 27 человек, из них 5 по своим фамилиям еще не смогли попасть в Большую Советскую

Энциклопедию, а о 22 из них, таких видных академиках как Демидов, Лобанов, Ольшанский, Перов, Презент - нет ни слова. Помню в 1948 году было много избрано лиц не имеющих отношения к науке. Видимо и сейчас большинство академиков имеет очень слабое отношение к науке и вместо того, чтобы организовывать всю научную общественность, чтобы собрать съезд с широким обсуждением, чтобы печатать возможно широко критические статьи о деятельности академии в целом предполагается, что эта самая академия, допустившая наше сельское хозяйство до такого состояния, сумеет сама обновиться под руководством лица, председательствовавшего в позорную сессию 1948 года. Как хотите, я этому поверить не могу. У нас считается нужным созвать съезд писателей, пишущих на колхозные темы, как будто от них можно ждать какого толку, а вот съезда ученых по этому вопросу не собирают.

Теперь Вы возлагаете большую надежду на партийность. Разрешите использовать материал XX съезда для нескольких замечаний по этому вопросу. Для меня было полной неожиданностью узнать, что 70 проц. членов ЦК, избранных XVII съездом, было репрессировано, точно также было репрессировано около 60 проц. делегатов XVII съезда. Репрессировано было много превосходных работников. Кто же встал на их место, по какому принципу подбирались работники за последнее время? Главным образом по признаку благонадежности и угодливости. Малейший признак самостоятельности мысли являлся самым надежным основанием для отвода. Поэтому сейчас, можно сказать, признак партийности для организатора настолько пестр, что основанием для выбора быть не может.

Из тех печатных материалов, которые мы знаем о Лобанове, можно видеть, что председательствовал он не очень человечно и даже допускал явные искажения речи Шмальгаузена на сессии ВАСХНИЛа в 1948 г. Из материалов совещаний, которые были в последние годы, видно, что он осуждал научные организации за чрезмерное пережевывание материалов опытных станций. Видимо, он все-таки духа научной методики не понимает.

Теперь Вы считаете, что надо верить в молодежь, очевидно полагая, что Лобанов сумеет привлечь молодежь. Это уже особая тема.

5. О молодежи. Вы пишете: “Чту память Вавилова, не спорю о его величии. Вы правы, но было бы неправильным не верить в молодежь. Но мы их пока не знаем, при новой обстановке они себя быстро покажут. Были и будут в нашей России Ломоносовы”.

Что наша молодежь талантлива - это бесспорно и при правильной организации у нас, конечно, будут Ломоносовы, как мы видим массу талантливой молодежи в математике, физике, технике, военном деле и везде, где не вмешивались не понимающие данную отрасль люди. Но Ломоносов, как известно, вырос не только благодаря своей гениальности, а благодаря усвоению культуры человечества, он же много учился в Германии и, как известно, был даже женат на немке. А ведь наша-то агрономическая наука пока что весьма оторвана от мировой науки, несомненно сейчас пытаются заимствовать. Книжки Бенедиктова и Мацкевича ясно показывают, что хотят учиться, но, как я указал в статье в “Ботанический журнал”, недооценивают методическую сторону дела, на данном этапе наиболее важную. Преподавание в наших высших школах еще целиком на уровне 1948 года. Менделизм по-прежнему находится под запретом. Могу привести очень любопытный пример. Сейчас наблюдается очень отрадное явление: большой интерес наших крупных физиков и математиков к биологии, связанный в значительной мере с тем, что огромные успехи хромосомной теории привели к сближению таких двух отраслей, как кибернетика и генетика. Вероятно Вам известно, что доклад на эту тему делал в Москве один из крупнейших генетиков Тимофеев-Ресовский, а содоклад один из наших крупнейших физиков, академик И. Е. Тамм. Причем все это делалось в институте Капицы. Как будто очень хорошо. Хорошо, да не дюже. Большой интерес приложения математики к биологии проявляет крупный математик профессор А. А. Ляпунов, работающий по счетным машинам и читающий курс кибернетики в Московском университете. Он ввел такой семинар и у себя на квартире, на котором присутствовали его дочери, студентки биолого-почвенного факультета Московского университета. Это поведение его дочерей вызвало негодование комсомольской организации биолого-почвенного факультета. Поднимался даже вопрос об их исключении из комсомола. В конце-концов смилостивились и вынесли им выговор за верхоглядство, притупление бдительности и бес-

принципность. Это было уже в феврале 1956 года. Правда, партийная организация всего университета поставила на вид биолого-почвенному факультету недостаточное проникновение математики и физики в биологию и сейчас уже биолого-почвенный факультет Московского университета находится во враждебном окружении. Так неужели же во имя борьбы с реваншизмом можно допустить, чтобы биолого-почвенный факультет первого в Советском Союзе университета, носящего имя Ломоносова, продолжал оставаться под руководством лысенковцев или предоставить им право самим себя изживать и не является ли противоречием с одной стороны принимать чрезвычайно высокие темпы развития нашей промышленности и особенно сельского хозяйства и вместе с тем искусственно задержать темпы оздоровления нашей научной атмосферы от забравшихся туда шарлатанов и обманщиков?

Могу привести и другой пример из нашей ульяновской действительности. Я уже указывал Вам, какую “пользу” принесло здесь руководство со стороны Обкома. Тогда инспектором по вузам был некто Галявин, сделавшийся потом заведующим этим отделом, личность поразительно невежественная и высокомерная. Решительно ни от кого я о нем хорошего слова не слыхал. Сейчас отдел вузов в обкоме благополучно ликвидируется и, поскольку я получил сведения, Галявин направляется на учебу в Академию общественных наук с тем, очевидно, чтобы через два-три года появиться где-нибудь как высококвалифицированный партийный кадр. Молодежь, конечно, нужно выдвигать, но система ее подготовки, в частности по биологии и агрономии должна быть изменена. На самотек рассчитывать не приходится и партия своими силами без привлечения широких научных масс и гласного обсуждения вопроса исправить все дефекты не сможет.

Кажется довольно. Я постарался ответить как будто на все затронутые Вами вопросы. Я не делаю из моего письма секрета, Вы можете его использовать как найдете нужным.

... Я с большим удовольствием изложил свои мысли на бумаге и всегда буду рад Вам ответить на интересующий Вас вопрос. Это я не считаю потерянным временем, так как чувствую, что нашел в Вас внимательного читателя...

С совершенным уважением А. Любищев

Ульяновск, 31 мая 56 г.

От В. И. О-ва

Москва, получено 21.VIII.56 г.

Здравствуйте Александр Александрович!

С большим интересом прочитал Вашу статью, ответ на мое письмо и рецензию на свою книгу. От всей души благодарю. Вскоре ответить не сумел - был в отпуске. Приехав из отпуска, попал с корабля на бал, т. е. на Всесоюзное совещание работников с. х. науки. Как видите, все идет своим чередом и жизнь отвечает на многие вопросы, которые были непонятны нам вчера. Безусловно и сегодня кое-сто делается не так, как хотелось бы каждому из нас. Совещание прошло оживленно, выступающих было более чем достаточно. Вчера закончились выборы и довыборы в ВАСХНИЛе. Все идет хорошо. Утверждены планы на дальнейшее, состав Академии обновлен, реорганизована сеть н. и. и учебных с/х институтов и опытных станций, созданы условия и предпосылки к крепкому союзу науки и труда, обеспечивающего технический и агрономический прогресс с. х. производства. Безусловно, без ошибок не обойдется эта перестройка, они неизбежны в больших делах, необходимо, конечно, стремиться к тому, чтобы их было меньше.

Вы преподали мне хороший урок с "блохой", в будущем буду более осторожен в выражениях. Однако осмелюсь еще раз утверждать - одна пойманная Вами блоха, - как биологическая особь, стоит в 1000 раз больше "блох", пойманных в "учении", которому история вынесла смертный приговор. Может Вы и правы, если это отнести в прошлому периоду, но и в настоящее время - это напрасная трата времени. Повторяю, имеются более почтенные задачи, решая правильно которые, с успехом устраняются те неправильности, о которых так много говорите Вы, то есть о Лысенко. Впрочем, дело каждого выбрать способ и метод критики. Я считаю не упоминание имен действенным видом критики. Безусловно, так поступать нужно не всегда. В данном случае я имею в виду Лысенко.

Вашу статью читали и читают наши товарищи, она нравится по основной идее и практическим рекомендациям, но все сходимся на том, что она сильно теряет ценность из-за полемики. Обязательно узнаю, что думает делать с ней редакция журнала.

Я несколько раз перечитывал Ваше письмо - ответ и оно пробудило во мне большой интерес. Вы ополчились против существующих недостатков. Это очень хорошо. Но что по отдельным недостаткам делается обобщение - это очень плохо. Все приводимые факты в отношении неудач с кукурузой правильны, можно их приумножить, мы располагаем более вопиющими фактами. Однако положительных больше и они дают нам основание внедрять и расширять посевы кукурузы более активными методами, чем предлагаете Вы, хотя заранее знаем, что в некоторых местах нас ждут неудачи. Последние неизбежны. Это, конечно, нисколько не значит, что делаем это не научным и непродуманным путем. Нет, все это обосновывается правильными суждениями и, конечно, от этого получаем добра больше, чем лиха. Неудачи с кукурузой, да и вообще с урожаями всех культур, на мой взгляд, объяснимы не отставанием науки, не ошибками в планировании, не в недостаточной механизации или других каких привычках, а они объясняются главным образом недостаточной материальной заинтересованностью колхозников в производстве с. х. продуктов. В этом главный гвоздь. К сожалению, вопросами экономики мы занимались не только плохо, но и скверно. В колхозах хорошо оплачивающих труд и на крайнем севере растет кукуруза. Я был в Якутии. В колхозе им. Сталинаполучают хороший урожай этой культуры, в других соседних его почти нет. Почему? Да потому, что в первом хорошо оплачивается труд. Прошу не понять меня так, будто бы я преклоняюсь перед рублем, а остальное делаю незначащими ничего факторами. Нет, но без материальной заинтересованности что-либо сделать трудно. Вот почему за последнее время партия и правительством внесло в этом направлении ряд постановлений, осуществление которых дают возможность колхозам авансировать ежемесячно колхозников. Для того, чтобы получить возможность авансировать ежемесячно, нужно хорошо хозяйничать, т. е разумно вести хозяйство. Разумного руководства можно ожидать там, где проявляется инициатива и активность руководителей колхозов. Инициативности и разумности сверху не преподашь - она рождается в народе. Вот почему были изданы постановления партии и правительства о новом порядке планирования колхозного производства, об изменении устава с. х. артели, об ежемесячном авансировании и

для других постановлений, направленных на увеличение закупочных цен на с. х. продукты.

14.II с. г. по постановлению правительства значительное количество н. И. учреждений реорганизовано и объединено. Отдельные мелки учреждения, не имеющие достаточной производственной базы - закрыты. 14 апреля с. г. принимается решение по улучшению работы Академии и ее институтов. 6 июля с.г. с/х вузы передаются из системы высшего образования в систему МСХ СССР. Во всех указанных постановлениях развернута жестокая критика недостатков. Как же можно сказать. что я "желаемое принимаю за действительность". Нет, я говорю о настоящем и действительном. Другое дело, что многие установки искажаются, нарушаются неумелыми руководителями. Так это не правило, а исключение из него. Следовательно, задача состоит в том, что нужно исправлять таких руководителей, бить их по рукам, ногам и, если надо, по голове за такие нарушения.

Такие выводы я делаю по приведенным примерам Вами по Ульяновской области - как по кукурузе, так и по просу. Кстати сказать, кукуруза-просо - родные братья по экономической выгодности. Довлеть над председателем представителям партии, конечно, надо, от руководства колхозами партия не уйдет, но ее представители должны изменить стиль и метод руководства. К этому призывает партия. Все мысли наши направлены к тому, чтобы развязать колхозам руки, сделать активными их руководителей в самостоятельной работе, дать им отвыкнуть от вредной мелкой опеки, предостеречь от ненужного "импорта" в руководстве, построить работу колхозников на высокой сознательности и основе материальной заинтересованности, а не путем понуждения и окриков. И если находится "горе-руководители" (к сожалению, еще много), которые не понимают этой новой линии, нового подхода к этому делу, то это наша беда и горе. Нужно верить, что это зло будет уничтожено и, в первую очередь, при помощи колхозников. Так что из отдельных ошибок отдельных руководителей делать таких обобщений нельзя. Отнять партбилет становится все труднее и труднее, их больше отнимают у того, кто пытается отнимать их у других. Председателей колхозов, которые не принимают слепо предложений, становится все больше и больше, и все больше и больше растет армия руково-

дителей экономически грамотных, научившихся строить хозяйство на основе экономических законов. Тов. Прозоров - его настойчивость не пропала даром - сделаны выводы и они отражены в решениях партии и правительства. Наладим безусловно и опытное дело и даже лучше, чем оно проводится за рубежом.

Ваш пример с Галявиным меня удивил. Так нельзя вдаваться в крайность и быть таким жестоким к людям, в то же время осуждая применение жестокости к себе. Спорить не буду, может быть т. Галявин плохой человек, но предполагать, что его не воспитает академия общественных наук, и "...через два-три года появится где-нибудь, как высококвалифицированный партийный кадр". Это жестоко сказано. причем несправедливо. Воспитываются даже преступники и последние выходят в люди. Перевоспитается и т. Галявин и будет он (а он должен быть) не партийным "кадром", а хорошим преданным партийным работником. Ну, а если нет, скажете Вы? Тогда это будет выродок, по которому обобщенных выводов делать нельзя. Партия ставит на ответственные посты лучших из лучших, а если попадаются исключения, так это исключением и остается.

"На самотек рассчитывать не приходится и партия своими силами без привлечения широких научных масс и гласного обсуждения вопроса исправить все дефекты не сможет" - пишете Вы.

Откуда взялся самотек? Почему изолируется партия от широких научных масс? Откуда взято, что у нас нет широкого обсуждения вопросов? Все это плод болезненной фантазии. Партия борется против самотека, в основе ее программы заложена плановость, в своей работе партия опиралась и опирается на широкие массы народа ученых и неученых и на сегодня, как никогда, все основные вопросы подвергаются широкому обсуждению. Пример последний - на Всесоюзном совещании работников с/х науки высказалось около 400 человек и все они говорили, что хотели и как хотели. Следовательно нет оснований обижаться на зажим критики. Но критика бывает разная - один вид критики, вернее направление ее, помогает изжить недостатки, другое направление, наоборот, увеличивает их. Последней, безусловно, необходимо дать отпор, независимо от каких бы "знаменитых" персон она не исходила. Допустить публикацию всякой, без разбора, критики нельзя. Да это и не-

возможно, для этого потребовалось бы создание громадного издательского аппарата, ибо письма поступают вагонами и каждый требует их публикации. Разве это возможно сделать? Конечно, нет. Но обобщать их, делать им объективный разбор, выбирать из них самое лучшее и полезное мы обязаны. Последнее, уверяю Вас. делается самым тщательным и объективным образом. Скажу больше, более демократично и тщательно, чем заслуживает значительная часть присылаемых критических замечаний.

В отношении Ваших замечаний по статье “Правды” очевидно Вы не поняли меня. Замечать ошибки такого органа необходимо, реагировать на них также долг каждого читателя и стремиться к тому, чтобы этот высокий орган был безошибочным. И Вы совершенно правильно сделали, что так подробно разобрали эту статью. Но опять-таки Вы требуете публикации о допущенных ошибках. Зачем это делать было, когда ошибка исправлена? Вы скажете - для читателя. Согласен, но если этого не сделали, не делать же из этого трагедии. Если ошибка повторится второй или третий раз - тогда будут приняты меры более строгие и, конечно, это опубликуется. Вот Вы написали свои замечания по поводу публикации выполнения пятого пятилетнего плана. Я представляю себе как обидно грамотному и высококвалифицированному человеку видеть ошибки и неточности в опубликованных статьях. “Тут мы видим сплошной туман” и затем идут Ваши расчеты. “Очевидно положение с зерном настолько плохо, что в этом не решаются сознаться”, - заключаете Вы. Да. плохо. Разве это скрывается? Здесь очевидно Вы не ознакомлены с рядом документов, где вещи называются своими именами. Скоро выйдет справочник Статистического управления, там будут ответы на Ваши вопросы. Другими словами, всему свое время. В общем в этих вопросах с Вами трудно спорить, действительно излишняя засекреченность была нам не в пользу, не в пользу пошел отрыв от заграничного опыта. Но ведь это все стало в прошлом. В данное время нет страны, где бы не было наших представителей и последние от всех стран имеются у нас. Так что и в этом отношении лед тронулся...

В редакцию “Литературной газеты”

“Литературная газета”, как известно, помещает на своих страницах материал, выходящий далеко за рамки литературы. Несомненно это повышает интерес к газете со стороны читателей самого разнообразного профиля, но к этому интересу часто примешивается удивление, а иногда и возмущение.

Начну с мелочи.

В номере “Литературной газеты” от 12 ноября 1955 г. помещена заметка “Из истории русско-норвежского сотрудничества”. В ней сообщается по поводу южно-полярной экспедиции Р. Амундсена: “Как известно, начальник экспедиции Р. Амундсен предполагал сначала идти к Северному полюсу, но, узнав, что полюс уже открыт американцем Фредериком Куком, направился в Антарктику”.

За исключением редакционной коллегии “Литературной газеты” всем известно, что Северный полюс открыт не американцем Куком, а другим американцем, Пири; Кук только оспаривал честь этого открытия, но проверка вычислений, сделанная специальной комиссией. решила вопрос в пользу Пири. Об этом можно прочесть в Большой Советской Энциклопедии, 1-ое издание, т.35, стр.431 и во втором издании, т.2, стр.306 (статья “Амундсен”). Мы знаем, что сейчас наши московские газеты внимательно читаются за границей и немножко стыдно становится за нашу прессу перед друзьями-норвежцами. Но это мелочь: стыд - не дым, глаза не ест.

А вот по случаю мичуринского юбилея во все газеты и журналы хлынул поток “литературы” живо напоминавшей 1948 год. Об одном таком произведении: “Живые звенья” Г. Фиша я пишу отдельно, а здесь остановлюсь немного на статье Р. Агишева “Живое дыхание”, помещенной на первой странице “Литературной газеты” в номере от 22 октября с. Г. к столетию со дня рождения И. В. Мичурина. Про выведенную Мичуриным фиалковую лилию сообщается: “За монопольное владение этим феноменом одна из всемирно известных цветоводческих фирм Голландии предложила миллион гульденов”, а Мичурин не уступил. Такова творимая легенда. Прочтя эту статью, иной легковерный читатель подумает: “какие же щедрые были в свое время цветоводческие фирмы, если за один сорт лилии предлагали целое состояние: ведь миллион гульденов это около 800 тысяч дореволюционных золотых рублей, иначе говоря, примерно, 40 пудов золота. А как было на самом деле? 1)

Мичурин продал очень много гораздо более ценных сортов плодовых деревьев в Америку и вел переговоры о продаже всей своей продукции: об этом можно прочесть в сочинениях Мичурина, второе издание, том IV, стр.403, 486 и 491; 2) фиалковая лилия никакой особенной ценности не представляет, и о ней сейчас, как об особенно красивом декоративном сорте, ничего не пишут; 3) сам Мичурин придавал ей такую небольшую ценность, что рассылал бесплатно для распространения семена фиалковой лилии через журнал "Вестник садоводства": см. Письмо Мичурина А. А. Ячевскому (т.IV, стр.477); из этого же письма ясно видно, какую нужду терпел Мичурин в 1913 году, так как тогда он поднимал вопрос о назначении ему субсидии от Департамента Земледелия.

"Убежденный материализм" Мичурина всего ярче проявился, конечно, в том, что он один сорт яблони назвал сначала "Пасхальным", а потом переименовал его в "Антипасхальное" (т.1, стр.357) подобно тому, как свою вишню "Княжну севера" он потом переименовал в "Красу севера". Но Р. Агишев не только биограф Мичурина. Он - пропагандист борьбы с "апологетами вейсманизма-морганизма" и сетует на то, что кроме Коптелова никто не упоминает даже имени Мичурина в книгах о колхозной деревне ("Литературная газета" от 1 ноября 1955 г., стр.3: "Поэзия науки"). Он пишет: "Борьба в агробиологической науке не затухла, как полагают некоторые товарищи. Она приняла новые формы и в известном смысле, как говорится, "вошла внутрь". Задача литературы в том, чтобы активно вмешаться в эту борьбу, вскрыть ее внутреннюю сущность. Литература должна ярко, художественно, убедительно показать, что идеализм в агробиологии это все же идеализм, с которым мы обязаны бороться".

Разрешите по этому поводу заметить: 1) борьба за настоящую научную биологию против "агробиологии Лысенко" действительно "вошла внутрь" после печальной памяти 1948 года, а сейчас Агишев видимо прозевал, что уже с конца 1952 года она вышла наружу сначала узким фронтом в "Ботаническом журнале", а теперь этот фронт все время расширяется: пусть посмотрит четвертый номер "Ботанического журнала" за этот год: это вам не "Литературная газета"! Очень мало из уже написанного пробилось пока в печать, но огромные материалы уже скопились там, где нужно, и изу-

чаются с большим вниманием; 2) делает честь большинству наших писателей, что они не вмешиваются в ту область, где разбираются плохо, хотя в недавнем прошлом погрешил даже такой выдающийся писатель, как И. Г. Эренбург, своей поддержкой гнездовых посевов дуба; 3) предполагая с той же эрудицией, которая им обнаружена в статье о Мичурине, “вмешиваться в сложные философские вопросы” Агишев не должен забывать старой русской пословицы: “Кабы нашему теляти да волка поймати”.

Но может быть писатели в целом не ответственны за разглагольствования Р. Агишева? Я не склонен обвинять писателей в целом, но общее руководство писателей, Президиум Союза писателей и редакционная коллегия “Литературной газеты” безусловно ответственны. В докладе “Новое в колхозной деревне и задачи художественной литературы” В. Овечкин безоговорочно поддерживает Р. Агишева в борьбе с вейсманистами-морганистами вряд ли понимая, что это значит (“Литературная газета” от 29 октября 1955 г., стр.3). Он же в том же докладе расхваливает Геннадия Фиша, умалчивая о провалах этого автора. Рекламирует он и Александра Михалевича, легкомыслие которого, наконец, отмечено и в “Правде” (см. Передовая 9 декабря “О чем говорят итоги выращивания кукурузы”).

Наконец, мы имеем недавнюю передовицу в “Литературной газете” “Литература и наука”, 18 августа с. г.

Вмешательство литературы в науку изображается как полезное дело без всякой примеси вреда. Еще бы, по мнению редакции, имеется большое сходство между литературой и наукой: “И там и тут точное знание, дерзновенное творчество, неустанные поиски нового - условие победы”. И в качестве “дерзновенных творцов” опять появились фигуры, подобные Г. Фишу и В. Сафонову, которые якобы делают большое и полезное дело; если прибавить иезуитское reservitio mentalis (мысленная оговорка) “для своего кармана”, то спорить с редакцией не придется.

Указано в статье, что темы науки нашли отражение в пьесах Н. Погодина, К. Смирнова, В. Ромашова, А. Штейна, бр. Тур, С. Михалкова. О Смирнове и Ромашове говорить не буду, так как их пьесы, касающиеся науки, мне неизвестны, а вот, что мне известно:

1) пьеса Н. Погодина “Когда ломаются копья” - клевета на противников Бошьяна, уже безусловно разоблаченного; пьеса однако шла в этом году в Москве в Малом театре: последнее зарегистрированное мной представление 10 апреля 1955 г.; в чью пользу работало это “дерзновенное качество”?

2) пьеса А. Штейна “Закон чести” - клевета на дело Клюевой, Роскина и наиболее пострадавшего акад. Парина;

3) пьеса бр. Тур “Третья молодость” - клевета на противников Лепешинской;

4) пьес С. Михалкова, посвященных науке, мне неизвестно, знаю только его пьесу “Илья Головин”, помещенную в избранные произведения, где неумно (после соответствующего указания сверху, конечно) изображен крупный советский композитор, по-видимому Шостакович. Из пьесы я только узнал, что Михалков не в ладах с грамматикой старого русского языка:

“ЛУША: Господи! И Владыко летел?

ГОЛОВИН: Да, да... И владыко летел”.

Михалков, очевидно, слыхал когда-то церковный возглас: “Благослови, владыко!” и заключил отсюда, что в именительном падеже это слово заканчивается на “о”. Но ведь там - звательный падеж (практически исчезнувший в современном языке), а именительный будет “владыка”, а не “владыко”. Подобно тому женщина по-старому “жена”, звательный падеж “жено”.

В отношении той науки, представителем которой я являюсь, биологии, соотношение между наукой и литературой повторяет соотношение между крыловским пустынником и медведем с некоторыми, однако, отличиями:

1) крыловский медведь правильно определил причину, мешавшую сну пустынника (муху), но использовал слишком героическое средство, однако, он был вполне искренен и бескорыстен; наши же литераторы, вмешавшиеся в спор 1948 года, были или невежественны, или лицемерны, или и то и другое вместе и корыстолюбивы; 2) крыловский медведь сам произвел дерзновенное вмешательство в жизнь своего друга, наши же литераторы преимущественно ограничивались криками “гой-да, гой-да”; 3) вмешательством медведя была написана последняя строчка биографии пустынника, история же научной биологии не прекратилась и после

сокрушительной “победы” 1948 года; правда на истории нашей культуры (не только литературы) оказалось солидное грязное пятно.

И приходится удивляться удивлению такого умного писателя, как И. Г. Эренбург. который в докладе на X сессии “международных встреч” ЮНЕСКО (“Литературная газета”, 6 октября 1955 г., стр.4) удивляется удивлению западных ученых, которые были удивлены на Женевской конференции успехами советских ученых. Западно-европейские ученые, в особенности английские, внимательно следят засоветской литературой и не замалчивают подлинных успехов советской науки. Но именно потому, что они следят за нашей литературой и нашими газетами, они не могли не обнаружить исчезновения известного всей мировой науке Н. И. Вавилова с товарищами и не могли не реагировать на тот погром, который был учинен советской биологии в 1948 году. Так как очень интересуется биологией (и блестяще пишет) - выдающийся физик Шредингер, имя которого известно во всем мире, и который был удостоен “философской” критики в основном докладе Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ, то у западных ученых вполне естественно возникли опасения, что в такой атмосфере все науки должны захиреть, в том числе и физические, раз одному из наиболее выдающихся физиков (и не только ему одному) предъявлено обвинение в философской неблагонадежности. И опасения их были не напрасны: в 1949 году готовился идеологический разгром физики и математики, но он не произошел по причинам особого сорта: 1) успехи физиков, в частности западных разлагающихся физиков-идеалистов, в практическом отношении были настолько грандиозны и очевидны даже для полных невежд в физике, что вылить такое огромное и резвое, хотя и идеологически выдержанное дитя, вместе с философской водой все же не решились; 2) математика всегда была на подозрении у наших самых ортодоксальных “философов”, но, к великому их сожалению, современная физика и астрономия без математики и при том весьма высокого уровня немыслима. А в несчастной биологии до сих пор идет “дискуссия” о том, полезно ли внедрение математики в биологию. Не один Лысенко, а огромное количество настоящих биологов. включая и многих академиков, полагает, что математика противопоказана биоло-

гии. Их поэтому не коробит нелепое утверждение Лысенко, что "никакого отношения к биологической науке Мендель не имеет". Это понятно, так как уровень математических познаний указанных биологов-академиков часто не превышает такого же уровня у наших инженеров человеческих душ; ведь думает же всерьез Борис Полевой, что для пользования логарифмической линейкой требуется знание высшей математики. Может быть после этих разъяснений (которые, казалось бы, были не нужны для автора такого подлинно классического произведения, как "Хулио Хуренито") Илья Григорьевич несколько ослабит свое удивление.

Я не сомневаюсь, что и это мое письмо, как и другие мои многочисленные и довольно объемистые писания, не будут напечатаны в ближайшее время. Получу, понятно, от "Литературной газеты" ответ, что, так как мичуринские дни уже прошли, то напечатание моего письма не имеет смысла.

Покой наших литературных олимпийцев не смутят гневные и желчные строки старого профессора, выход которым в печать заперт пока на крепкий замок. А олимпийцы давно позабыли слова великого Некрасова:

"Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей".

(А. Любищев)

Из письма А. А. Любищева к Хохлову С. С.

(Минск, 30 января 1956 г.)

"... Начну с Вашей недавней статьи, помещенной в "Ботаническом журнале" №5 "Проблема видообразования в трудах Мичурина".

Откровенно говоря, мне трудно было бы поверить, что Ваша превосходная статья с критикой лысенковского бреда и эта написаны одним и тем же лицом. В последнем письме Вы пишете по поводу моей главы о Мичурине, что я вношу "новое в трактовку, казалось всеми признанных решений тех или иных вопросов, касающихся взглядов и практических работ И. В. Мичурина". Кто это все? Неужели Вы думаете, что большинство понимающих дело би-

ологов действительно всерьез считали Мичурина “преобразователем природы” и крупным теоретиком. В том же номере “Ботанического журнала” есть прекрасная статья Баранова и Лебедева, показывающая, какую огромную роль в “открытии” Мичурина сыграл Н. И. Вавилов. Но Вавилов считал Мичурина за то, что он есть на самом деле: энтузиаста, талантливого селекционера, нащупавшего некоторые интересные методические подходы и не думал, конечно, соглашаться с “теориями” Мичурина, тем более, что они играли очень скромную роль. Мне очень бы хотелось поэтому чтобы Вы прочли внимательно мою главу о Мичурине. Неужели, продумав мою аргументацию и вообще ознакомившись как следует быть с творениями этого исключительно путаного в теоретическом отношении человека, Вы решаетесь отстаивать Ваше утверждение, что Мичурин дал небывалые в истории селекции практические достижения, что ему удалось разрешить принципиально вопрос о наследовании приобретенных признаков и доказал возможность межвидовых и межродовых гибридов и т. Д.

Совершенно искажено у Вас значение крупных эволюционеров Спенсера и Вейсмана. Спенсер у Вас попал прямо в реакционеры вместе с Каутским. Вы считаете достаточным для опровержения того или иного автора (в данном случае Лысенко) показать, что его взгляды сходны со взглядами Каутского, как будто решительно все, что говорил Каутский - вздор. Вы, конечно, хорошо знаете, что долгое время и Ленин считал Каутского крупным теоретиком марксизма, поэтому он и называется ренегат, т. Е. отступник, а не просто противник. Черчилля ренегатом назвать никак нельзя, так как он всегда был противником социализма. Но этот метод вообще никуда не годится. Так можно кого угодно записать в реакционеры. так как у самого прогрессивного автора можно найти высказывания общие с высказываниями того или иного реакционного деятеля.

Но Спенсер, насколько мне известно, высказал идею об эволюции одновременно с Дарвиным и. конечно, не думал полностью отрицать роль отбора. Разница между Спенсером и Вейсманом, как известно, та, что Спенсер, наряду с естественным отбором, признавал и наследование приобретенных свойств, что Вейсман, по крайней мере в первый период, полностью отрицал Совершенно невер-

но, что Вейсман сводил всю изменчивость к амфимиксису. Здесь Вы приписали Вейсману то, что на самом деле защищали лишь немногие эволюционисты, как Лотси и Бэтсон.

Оказались Вы в одной компании с нашими философами в том отношении, что склонны обвинять всех ученых, сколько-нибудь несогласных с Вами, в идеализме, как будто бы этот истасканный аргумент имеет хоть какую-нибудь ценность. Ведь в числе идеалистов числится такое огромное количество подлинных светочей человечества, что сказать, что идеализм - нелепости, значит перечеркнуть по крайней мере девять десятых человеческой культуры. Сейчас же Вы, по примеру наших начетчиков , скажете: а как же Ленин? На этот вопрос отвечу: 1) и Ленин мог ошибаться (и неоднократно признавался в своих ошибках); 2) в “Материализме и эмпириокритицизме” он критиковал наименее ценный вид идеализма - субъективный идеализм, а не идеализм в целом; 3) ему же принадлежит ценное изречение (более поздней даты чем “Материализм и эмпириокритицизм”): “Умный идеализм (диалектический) ближе к умному материализму, чем глупый (метафизический) материализм; 4) ему же принадлежит фраза: “этим идеализм бьет всякий материализм кроме диалектического”. Поэтому с чисто философской стороны не следованием марксизму, а прямым отступлением от марксизма является тенденция наших философов (к которым фактически и Вы присоединяетесь) считать, что всякий материализм прогрессивнее всякого идеализма и настоящий диалектический материализм должен еще многое позаимствовать от идеализма. Это я думаю развить отчасти в шестой главе, посвященной Лысенко (специально философская глава), а кроме того в задуманной мной работе о партийности культуры, к которой я сумею приступить не раньше 1958 года.

Вы считаете возможным отвергнуть Спенсера и всех антидарвинистов на том основании, что они не решают вопроса о целесообразности и тем открывают мировую дорогу витализму. Опять-таки чисто научный вопрос Вы решаете с догматических позиций. Как раньше говорили: дарвинизм недопустим, так как он отвергает Бога, так теперь говорят антирелигиозные попы: антидарвинизм недопустим, так как он открывает лазейку поповщине. Поповщина не в состоянии учения, а в догматизме. С величайшим удовлетво-

рением я констатировал, что эта точка зрения наконец начинает проникать и в руководящие круги. В передовой “Правды”, кажется от 3 декабря прямо поповщиной названо догматическое отношение к учениям какого бы то ни было сорта.

Но кроме того, что дал Мичурин в решении проблем целесообразности: “фиалковую лилию”, где он отвергает и дарвинизм и приводит уже совершенно ультравиталистическое толкование.

Ваше преклонение перед Мичуриным доходит до того, что Вы (вместе с Доброхваловым) применяете Ваш метод: Вы солидаризируетесь с лысенковцем Доброхваловым, значит, Вы лысенковец (приводите пример выведения груши суррогата сахара как доказательство непосредственного влияния). Неужели Вам не приходит в голову: если впрыскиванием сахарного раствора можно непосредственно повысить содержание сахара в растениях, почему это гениальный метод не применить широко. Такой метод селекции сейчас даже лысенковцы не защищают: Вы оказались в компании даже не с лысенковцами, а абсолютно невежественными нашими философами вроде Доброхвалова и Платонова.

Идеализм Спенсера и Вейсмана доказывается Вами опять-таки по примеру наших философов. Кстати сказать от такого метода доказательства чрезвычайно выигрывают идеалисты. Если верить нашим философам, то если не сто процентов, то по крайней мере 90 процентов, крупнейших физиков, математиков, биологов и т. Д. являются идеалистами: какое доказательство необыкновенной продуктивности идеализма! Я лично очень симпатизирую идеалистам и виталистам, но считаю, что это неправильно. Полагаю, несмотря на отдельные уклоняющиеся высказывания, более или менее сознательными или стихийными материалистами в естествознании (не в философии или социологии, конечно) были и Дарвин, и Спенсер, и Вейсман, и Мендель и Морган.

Вы же утверждаете, что Вейсман и Спенсер были идеалистами потому, что они абсолютизировали одну из сторон реального явления, опять-таки по-начетчески цитируя Ленина. Но Ленин вовсе не утверждал, что всякое прямолинейно развитое учение есть идеализм. Его слова, что всякий идеализм имеет корни в чем-то реальном, но прямолинейное развитие этих черт в действительности приводит к отрыву от реальных отношений. Верно, что Вейсман

оторвался от действительности, стремясь, как и Дарвин, объяснить всю проблему целесообразности естественным отбором. Но в таком случае спор идет не между материалистами и идеалистами, а между идеалистами разных направлений.

В прямолинейности мышления можно упрекнуть едва ли не всех самых выдающихся ученых. Прямолинейность заключается в развитии до возможно недалеких пределов какой-либо плодотворной идеи. Галилей правильно отверг бредни астрологов с составлением гороскопов: вместе с тем он отверг всякие космические влияния и принцип всемирного тяготения. Лавуазье правильно отверг мечты алхимиков с получением золота из других металлов, но, перейдя за пределы опыта, установил положение об абсолютной неизменяемости элементов. Сеченов всю психическую деятельность свел к рефлексам. Павлов все инстинкты считает комплексными условными рефлексами. Марксисты более раннего периода, вроде талантливого и честного М. Н. Покровского, во всей истории ничего кроме классовой борьбы не видели. Сейчас отвергли Покровского и впали в другую крайность: стали идеализировать чуть ли не всех монархов прошлого, включая Ивана Грозного и Юрия Долгорукова (последнему недавно даже поставили памятник в Москве).

Это общий закон развития всякой научной и философской системы при отсутствии борьбы мнений и свободы критики, а не только идеологической. Получается прямолинейность, затем квиетизм (опиум для мышления) и догматизм. Поэтому всегда (с диалектической точки зрения) полезно иметь противника, который исследовал бы те же явления в другого конца, и не позволял бы закисать в догматизме. На то и щука в море, чтобы карась не дремал. Умный недогматический материалист специально будет изучать и даже поддерживать идеализм, чтобы самому не застыть в догматизме: “на то и идеализм в философии, чтобы материализм не загнивал”. А умный идеалист скажет: “На то и материализм, чтобы идеализм не загнивал”. Борьба этих двух направлений (фактически не двух, а гораздо большего числа) вечна и прекращение ее ведет к совершенному маразму, что и случилось с нашей совершенно ни на что не годной философией.

Четыре особенности гибридизации у Мичурина не слишком отчетливые и здесь Вы постарались выдвинуть то, что сам Мичурин четко не сознавал.

Вы совершенно не упоминаете имени Менделя и с сочувствием цитируете слова Мичурина о бесконечном разнообразии и о том, что природа не допускает повторений. До известной степени это повторяет слова Бергсона (значит это идеализм!), но тут как раз с Бергсоном согласиться нельзя. Потому что наиболее интересным в биологии является исключительная повторимость строения от поколения к поколению, что и составляет главную проблему наследственности. То же "бесконечное разнообразие", которое появляется после скрещивания, как известно, вовсе не является бесконечным и менделизм прекрасно установил законы этого разнообразия. Но если мы посмотрим сочинения Мичурина и найдем где у него имеется цитируемая Вами фраза, то найдем, что она является третьей из совокупности пяти фраз, неопубликованных при жизни Мичурина (т.IV, стр.380) из набросков 1912-1913 года". Приведу полностью все пять:

"1) мы еще смутно предчувствуем неизвестную нам действительность - сложения организмов в гибридных растениях;

2) все наши в сущности ничтожные знания составляют лишь маленькую строчку необъятной книги природы;

3) разнообразие комбинаций взаимоотношений наследственных ген в каждом гибриде и условий их проявления бесконечно велико. Природа не допускает повторений ни в чем;

4) как изменилось мнение о строении организмов растительного царства в какие-то два столетия;

5) кредо квиа абсурдум - "верю потому, что это нелепо".

Как первая фраза, так и дата показывают, что он тогда еще не был знаком с менделизмом, краем уха что-то слыхал о генах, поэтому третья фраза решительно никакой цены не имеет. Четвертая фраза непонятна: то ли это программа изучения, то ли восхищение перед прогрессом науки.

Последнюю фразу (как известно, ее приписывают блаженному Тертуллиану) непонятно почему тут поставленную, можно применить и нашим мичуринцам: "Верю в великого преобразователя природы Мичурина, потому что это нелепо".

Вы правильно затрагиваете вопрос о различии изменчивости и видообразования. Полезно разобрать этот вопрос и постараться классифицировать равные взгляды совсем не припутывая сюда идеализма и материализма. Я бы предложил такой набросок классификации:

1) монизм эволюционного процесса. Всякая изменчивость может быть материалом для эволюционного процесса. Нет никакого качественного отличия между индивидуальной изменчивостью, видообразованием и образованием высших систематических категорий, существует, следовательно, лишь единственный путь эволюции. Тогда будет: а) изменчивость адекватна воздействию среды - механоламаркизм; б) изменчивость неадекватна, но выправляется отбором - вейсманизм; в) полное отрицание наследственных изменений элементов наследственной субстанции, все дело в комбинировании или генах - Бэтсон и Лотси - или организмов в симбио....... консорции - симбиогенезис.

2) плюрализм как фактор эволюции, так и форм эволюции. Еще у Ламарка - основная движущая сила, приводящая к градациям, постепенному повышению организации, непосредственное влияние внешних условий, упражнение и неупражнение, можно прибавить к ламаркиским факторам еще естественный отбор и гибридизацию (последнюю можно назвать линнеевским фактором, так как Линней впервые кажется определил значение гибридизации и формообразования). Утверждение, что монизм обязателен - ни на чем необоснованный догматизм, дурной идеализм (в который так часто впадают наши казенные философы). Образцовая наука физика имеет с данной стороны электромагнитные поля, гравитационное поле и внутриатомные связи. Эйнштейн пытался построить единую теорию, касающуюся электромагнитного поля и гравитационного, но даже у него это как будто не удалось, а связать с ядерными силами даже он не пытался.

Форм филогении тоже можно указать достаточно:

1) чистая дивергенция по Дарвину; 2) неодарвинистическая дивергенция - географическая изоляция; 3) ретикулятивная от скрещивания и симбиогенезиса; 4) параллельная - обширный палеонтологический материал; 5) ретикулятно-дивергентная, если при наличии дивергенции идет одновременно скрещивание: например, эво-

люция домашних собак от диких. Во всех этих вопросах Мичурин толком не разбирался, а высказывания его были настолько сумбурны, что их можно было толковать как угодно.

Вот то, что я хотел Вам сказать по поводу Вашей статьи о Мичурине...”

Минск, 30 января 1956 г.
А. Любищев

проф. К. М.Завадскому

Глубокоуважаемый Кирилл Михайлович!

С большим удовольствием получил Ваше письмо от 2 мая с замечаниями по поводу моей главы о Мичурине и Ваш оттиск тоже по поводу Мичурина. Мне доставило большое удовольствие, что Вы, прочтя мою главу, самокритически признали свою переоценку практических достижений Мичурина и считаете наименее удачным свой первый раздел об изменчивости.

Достоинством Вашей статьи я считаю и то, что Вы указываете кое-какие ошибки Мичурина и настаиваете на ценности менделизма. В этом последнем отношении Ваша статья представляет значительный шаг вперед по сравнению с известными мне статьями о Мичурине, которые представляют собой сплошные акафисты-восхваления Мичурина. Этим недостатком страдает статья С. С. Хохлова, который написал превосходную статью по поводу лысенковского бреда о виде, а о Мичурине написавшего банальнейший акафист. Свою критику я посылаю в копии Вам, тем более, что некоторые вопросы касаются и Вас.

Теперь коснусь Вашей критики моих взглядов. Я не знаю, читали ли Вы вторую главу “Монополии Лысенко” и первую половину четвертой. Теперь я коснусь вопроса о наследовании приобретенных признаков. Если Вы с этими главами ознакомитесь, то увидите, что я вовсе не против наследования приобретенных признаков, но в пользу этого последнего говорит огромное количество косвенных данных, прямые же доказательства слабы и Мичурин здесь почти ничего не дал. Эти главы Вы можете найти у следующих лиц: в редакции “Ботанического журнала”, у П. Г. Светлова. Мои работы пока в печать не попадают, надеюсь, что посланная в “Бо-

танический журнал” рукопись “Несколько замечаний по методике опытного дела” сумеет увидеть свет.

Кстати сказать, откуда Вы достали третью главу. Григорию Яковлевичу я ее не посылал.

Теперь по поводу числа сортов, выведенных Мичуриным. Вы соглашаетесь с тем, что “сотни сортов” это действительно гиперболизировано, что 300 сортов - это легенда, но что мои заключения слишком суровы. Вы сожалеете, что я оставил без внимания группу сортов косточковых и указываете, что вишня “Плодородная” давно, полвека назад, заняла большие производственные площади в Канаде. Может быть это было полвека назад, настоящие цифры о Канаде мне неизвестны.

Легенда о канадских триумфах вишни “Плодородной” основана прежде всего на словах самого Мичурина (т.II, стр.178), (цитирую по второму изданию): “В 1898 году Всеканадский съезд фермеров, собравшийся после суровой зимы, констатировал, что все старые сорта вишен как европейского, так и американского происхождения в Канаде замерзли, за исключением “Плодородной” Мичурина из г. Козлова в России. В настоящее время эта вишня занимает в Америке у фермеров огромные площади и пользуется там заслуженной славой”.

Не кажется ли Вам сообщение о гибели всех сортов вишни кроме “Плодородной” во всей Канаде не слишком убедительным? Канада, как известно, огромная страна, южная граница ее на востоке доходит до 43 гр. С. Ш. на западе - до 49 гр. С. Ш. Трудно поверить, что по всей Канаде могли стоять такие морозы, чтобы вымерли все сорта вишни. Кроме того, является ли “Плодородная” Мичурина действительно рекордно зимостойким сортом? Возьмем опять книгу Веньяминова А. Н. “Селекция вишни, сливы и абрикоса в условиях средней полосы СССР”, 1954. Я на нее ссылаюсь в третьей главе. Этот автор 20 лет работал в Мичуринскорм институте и никакой критики Мичурина не проявляет. У него есть данные по зимостойкости: учтен опыт суровых зим 1930/40 и 1941/1942, когда морозы доходили до 50 градусов. “Плодородная” Мичурина попала в довольно обширную группу наиболее зимостойких сортов (стр.39), но не занимала рекордного места в этой группе. Как видно из табл.4 на стр.40 наиболее зимостойкими оказались “Захаров-

ская”, затем “Антоновка костычевская” и ее клоны. Если считать все клоны “Антоновки костычевской” за один сорт, то окажется, сто “Плодородная” Мичурина находится на четвертом месте.

Но может быть зато “Плодородная” отличается высоким качеством плодов? Мичурин о качестве плодов пишет (т.II, стр.176): “Мякоть сочная, приятного кислосладкого вкуса, сок розовый; консистенция мякоти мягкая”. На стр.179 он же пишет: “По ежегодной большой урожайности, выдающейся к морозам и хорошей продуктивности сорт нужно считать единственным в своем роде стандартом, перворазрядным, заслуживающим самого широкого распространения в совхозах и колхозах”.

Теперь посмотрим, что пишет Веньяминов. Я его кратко цитировал на стр.122 в третьей главе (конец $31), но, очевидно, это показалось Вам неубедительным. На стр.51 все наиболее зимостойкие сорта попали в число технических сортов, ни один в десертные и даже в столовые. Про наиболее зимостойкий сорт (о “Захаровской” данных нет) “Антоновку костычевскую” сказано на стр.53: “Достоинства сорта - высокая урожайность, высокая зимостойкость, засухоустойчивость и хорошее качество плодов для переработки. Недостаток сорта - плохой вкус плодов (очевидно, как столового сорта, но не для переработки)”.

Про “Плодородную” Мичурина там же сказано (стр.68): “Достоинства сорта - высокая зимостойкость, исключительная скороплодность, высокая урожайность и хорошие технологические качества плодов. Недостаток - светлая окраска плодов и посредственное их качество, препятствующее потреблению их в свежем виде”.

Мы видим, что по показанию непосредственного продолжателя дела Мичурина, характеристика, данная Мичуриным этому сорту, была слишком оптимистической.

Что касается другого мичуринского сорта “Красы севера”, то его Мичурин тоже считает перворазрядным и пишет, что “морозоустойчивость “Красы севера” настолько выдающаяся, что в Симбири, в бывшей Томской губ., он нашел большое распространение, где и размножается в существующих там питомниках” (т.II, стр. 165).

Если посмотрим Веньяминова, то там почему-то этот сорт не фигурирует ни в классификации по зимостойкости (стр.39), ни по

качеству плодов (стр.51, стр. 16), но из текста можно видеть, что этот сорт средней зимостойкости (табл.4, стр.40) и является первым по зимостойкости лишь для гибридов вишни-черешни (стр.68), что качество плодов хорошее и сорт является столовым (не десертным), в сортимент введен в качестве дополнительного сорта.

Таким образом даже лучшие мичуринские сорта вишни не представляют собой особой производственной ценности и никак не могут заменить, например, старую "Владимирскую" ("Родителеву") вишню, о которой сам Мичурин был высокого мнения. Но вот с "Владимирской" вишней сейчас получилось неблагополучно. Недавно в одной из центральных газет (вырезка у меня есть, но я сейчас не сумел ее разыскать) сообщалось о катастрофическом положении вишни в старом вишневом центре, Владимирской области, где почти исчезла "Владимирская" вишня, вытесненная какими-то другими сортами (в корреспонденции не говорится какими, можно подозревать, что мичуринскими). А "Владимирская" вишня имеет бесспорно выдающиеся вкусовые качества, отнесена Веньяминовым к десертным сортам (стр. 51), по зимостойкости превышает "Красу севера" (табл.4, стр.40). По морозоустойчивости этот сорт немногим уступает "Плодородной" Мичурина (стр. 54-55), но цветочные почки часто страдают. Для предохранения от морозов ее сажали наклонно (стр.54), теперь этот способ оставлен.

Мичуриным выведен сорт "Ширпотреб черная", который по Веньяминову превосходит по вкусу прославленные сорта вишни "Владимирскую" и "Остгеймскую" (стр.73). В помологических описаниях (т.II, стр.521-522) Мичурин приписывает этому сорту полную морозоустойчивость к суровым морозам нашей местности, по Веньяминову же (стр.73) в условиях центрально-черноземных областей этот сорт показывает среднюю зимостойкость и его можно культивировать только в хорошо защищенных местах. Веньяминов рекомендует шире испытывать этот сорт в юго-западных районах нашей страны (стр.74), сорт введен в стандарт для широкого производственного испытания.

Вы видите, что часто высказывания Мичурина оказываются не совпадающими с мнениями его последователей, имеющих сейчас уже более длительный опыт. Это характерно для Мичурина. Он

был несомненно честный человек, но крайне поспешный в своих заключениях. Многие свои ошибки он потом честно признал, а о многих высказываниях просто позабыл или не имел времени их проверить. Поэтому я и считаю мое общее заключение вполне объективным (стр.184 $ 41): “Наследство Мичурина велико и интересно и необходимо его тщательно изучать, и для этого даже целесообразно иметь специальный институт, но находится оно в крайне хаотическом состоянии. Я немножко разобрался в этом хаосе (вероятно больше чем все те, кто писал о Мичурине), но должен сказать, что, по мере разбора в этом хаосе, от него остается все меньше и меньше “рациональных зерен”. Я об этом пишу в $ 57 моей работы по поводу вегетативных гибридов (4-я глава “Монополии”), а в $ 60 снова возвращаюсь к вопросу о наследовании приобретенных признаков. Бремя доказательства того, что я недооцениваю Мичурина, лежит на Вас.

Теперь перейду к некоторым критическим замечаниям по поводу Вашей статьи.

В Вашей статье бесспорно ценным является: 1) ясное указание, что лысенковцы фальсифицировали Мичурина; 2) восстановление того, что Мичурин только в ранний период своей деятельности безусловно отрицательно относился к менделизму; 3) есть начало критического отношения к Мичурину; 4) ясная защита менделизма; 5) Вы совершенно не упоминаете о вегетативной гибридизации, очевидно молчаливо не считая здесь никакого достижения и др. Но общий вывод из Вашей статьи все же остается, что Мичурин все время рос теоретически и заключительные его работы свободны от недостатков раннего периода. Это вот совершенно неверно. Что Мичурин старался учиться до самой смерти и что он решительно отказался от своих ошибок, когда их сознавал, это, конечно, верно, но теоретический его, вернее методологический научный уровень оставался до самой смерти невысоким. Всего яснее это видно из его отношения к вегетативной гибридизации: подробно у меня это изложено в $ 56; история “Ренета бергамотского”: в 1907 году Мичурин был более критичным, чем незадолго до смерти. На стр.11-15 Вы стараетесь показать, что Мичурин был теоретически выше современных ему генетиков, что он отвергал реакционные идеи генетиков и сохранял все ценное (стр.14), и что, развиваясь

стихийно, генетика пробилась на путь предсказанный Мичуриным, но при этом не миновала совершенно бесполезных и беспочвенных исследований (стр. 13, внизу). Ни одна наука не развивается без блужданий, не обошлась без них и генетика, Мичурин тоже делал много бесполезных и беспочвенных исследований. Что же касается "реакционности", которую Вы видите, как большинство выступающих в печати лиц, у де Фриза (стр.5), то тут дело просто в незнании де Фриза. Возьмите его классическую "Die Mutationstheorie 1901-03" $ 27 первого отдела и $ 31 второго в первом томе: там есть и влияние внешних условий, и ожидание возможности искусственного вызывания мутации и постепенное накопление мелких изменений. В отношении отдаленной гибридизации Вы забыли упомянуть Карпенченко (стр.19), заслуги которого в мировом масштабе общепризнаны.

Коснусь теперь Ваших заключительных замечаний. Для меня ясно, что сейчас надо не пропагандировать учение Мичурина, а критически переработать его наследие. Этим, конечно, не должны заниматься все или значительная группа биологов, сейчас в биологии имеется много гораздо более перспективных направлений, но известная группа ученых эту работу вести должна с обстоятельной публикацией сводок по отдельным вопросам.

С чем решительно нельзя согласиться это с Вашим вторым пунктом: "С позиций И. В. Мичурина надо решительнее и сильнее вести научную критику идеологически враждебных теорий в биологии". Этим делом Лысенко и лысенковцы занимались и с каким результатом! Пора откинуть в науке эти "идеологические установки", причинившие огромный вред нашей стране и принесшие огромную пользу обширной группе паразитов, опричников культуры: философов, довольно значительной группе писателей (Фиш, Агишев, Софронов и проч.) и других работников. Дай бы им власть они бы всю нашу науку привели к полному застою, они пытались критиковать с "идеологических позиций" даже такие великолепные науки как физику и математику. Но там ничего не вышло, так как те науки закованы в великолепную броню математических построений и дают такие блестящие практические результаты, что идеологических мосек заставили замолчать, а там где это не случилось, получился полный маразм (языкознание во времена

марризма, биология и агрономия после 1948 года, философия (см. выступления на XX съезде КПСС), экономика, история, литература, особенно литературоведение и т. Д.). Задача сейчас заключается в планомерной борьбе с этой опричниной культуры, имеющей вреднейшее значение и в деле воспитания нашей молодежи.

Я, выйдя на пенсию, сейчас занят тем, что пишу не только против Лысенко, но и против других аналогичных темных личностей и течений, не забывая и свою энтомологию (систематику земляных блошек) и общую биологию (продолжение работ, начатых еще в Перми и опубликованных в "Известиях Биологического института" еще в начале двадцатых годов).

Пожалуй довольно! Буду в Ленинграде (вероятно, примерно, через год) постараюсь лично с Вами переговорить. Странно, что мы оба петербуржцы по рождению и образованию, кажется, никогда не встречались, хотя у нас с Вами (если только я Вас не смешиваю с каким-нибудь другим Завадским) есть общие старые знакомые: кроме В. Н. Малаковской, жены Г. Я. Гей-Биенко, Вы, вероятно помните К. Н. Давыдова, с которым вместе Вы работали в Зоологической лаборатории Академии Наук: после Вас я тоже работал в этой лаборатории недолго. Сейчас он живет под Парижем, я недавно с ним восстановил связь и получил от него много печатных работ.

Пока всего лучшего. Привет Г. Я. и В. Н. и всем знакомым.

Ваш (А. Любищев)

Ульяновск, 15 мая 1956

К откликам на "Монополию в биологии"

От А. А. Р.*

Л-д, 22.I.53 г.

"... Я прочел Вашу работу о Лысенко с некоторой задержкой, но внимательно.

Для меня она сыграла роль некоторым образом в смысле развенчания иллюзий. Например, теленомус, в которого я уверовал после прочтения Фиша, оказался разоблаченным и уничтоженным, а также куры акад. Колесника.

Понятно, ваш труд очень важен - и в большей степени, чем для специалистов, для лиц, подобных мне, а, следовательно, и для тех кто не зная детально сущности дела должен решать практически вопросы сельского хозяйства и возможности использования для него достижений науки...

... На примере яровизации Вы показываете, что возможно правильные агроприемы могут быть опорочены слишком поспешным их внедрением. За что же критиковать Лысенко: за поспешность внедрения, за широковещательную рекламу, за использование служебного положения против инакомыслящих или за принципиально неправильные предположения? Поэтому обещанная Вами теоретическая часть работы не может быть оторвана от критики практических методов Лысенки. Она очень-очень нужна.

Предназначена ли Ваша работа для печати? Если да, то сомнительно, что ее напечатают - и не из-за критики Лысенки, что можно вытерпеть - а из-за критики условий научной работы и ее руководства (в частности, например, в вопросе о назначении стахановцев на руководящие должности). Теперь, кстати, я хочу высказать одну еретическую мысль.

В период между 1918 и 1928 годами сельское хозяйство у нас быстро развивалось и урожаи росли очень быстро. При этом со стороны государства не было больших вложений - ни удобрений, ни новых типов с. х. машин, ни агрономов. Также мало давала и официальная наука. Я оставляю в стороне опытные поля, опыт которых внедрялся медленно.

С 1930 г. все резко изменилось, но урожаи выросли только по зерновым культурам,прирост продукции по хлопку или свекле объясняется, скорее, приростом площади.

По-моему. дело не в том, что крестьяне не умеют пользоваться достижениями науки, а в том,что организация сельского хозяйства еще не заинтересовывает производителей. Если бы заинтересованность была большей, то можно было бы на 20 лет закрыть все научные с. х. институты, а урожаи бы росли да росли. Может последние решения правительства изменят положение...”.

От Ол. Кр-го

Ленинград, 2.XII.53 г.

“... Ваша статья у нас произвела сильное впечатление, хотя с ней знакомился лишь узкий круг людей... Разрешите высказать о ней сугубо личное мнение.

1. Статья, действительно, “сильного боя”. Написана - без комплиментов - здорово, особенно начало, конец и некоторые разделы фактической части. Увы, очень многое будет зависеть от того, кто будет референтом, который будет докладывать ее Никите Серг. и с кем он будет, если будет - консультироваться по поводу специальных вопросов...

... Увы, наши “верхи” склонны к крайней осторожности и поэтому пока не принимают во всем происходящем сколько-нибудь активного участия. Так что даже знакомые из Бот. Ин-та начинают над нами издеваться. Грустно, но факт...”

От Г. Я.Бей-Биенко

Ленинград, 18.XII.53 г.

“... Ваша столь критическая статья, надо сказать, застала меня врасплох и мое вынужденное молчание оказалось полезным в том отношении, что позволило, мне сформировать свое собственное мнение. Вот я и позволю себе сейчас Вам высказать его.

1. Мне представляется, что Вы взяли весьма трудную и неблагодарную задачу по следующим причинам:

а) По всем каналам начнется противодействие, мощь которого нельзя недооценивать. Вы противопоставляете себя огромной силе.

б) за Вами “числится” репутация человека, грешащего некоторыми “измами”, поэтому с Вами бороться будет легко шаблонными методами.

2. В связи со сказанным было бы разумнее выступать не Вам лично, а каким-либо Вашим ученикам, которым нельзя было бы предъявить обвинений в прежних грехах и вообще каких-либо обвинений.

3. С моей точки зрения трудность ситуации связана даже не с научной стороной дела, а с политической. Т. Д. является такой фигурой, которая олицетворяет в глазах всего мира передовое, прогрессивное. И в политическом отношении нам не выгодно чрезмер-

но умалять его значение как выдающейся фигуры современности. Слов нет, что он порядочно напутал, создал ситуацию для появления фаворитов-бездельников, но ведь вокруг каждой крупной фигуры такое водится. Вспомните историю, даже Петра Первого.

4. Начало Вашей статьи сильное, а в середине Вы сходите на частности и увлекаетесь тем, что больше всего интересует Вас лично.

Общее мое заключение, дорогой Александр Александрович, - я на Вашем месте такого шага не предпринял бы. Но дело сделано, и результаты его надо пережить, в может быть и перетерпеть.

А. С. М. сказал мне, что Вы ему разрешили прочесть Вашу статью. Я с удовольствием дал ему ее, но прошу Вас не рекомендовать обращаться ко мне другим лицам с такой же просьбой. Я не вполне разделяю, как это теперь Вам ясно, Вашу позицию и Ваш метод и потому не считаю себя вправе быть источником распространения этой статьи. Я настоятельно прошу Вас разрешить мне положить ее в мой личный архив..."

От него же

25.I.54 г.

"... Рад был получить от Вас письмо и особенно рад был узнать из него, что Вы не таите против меня какой-либо обиды. И я согласен с Вами, что Вы, в соответствии со своими твердыми убеждениями, поступили правильно и по-честному открыто - не таясь за каким-либо лицом.

Что касается Вашей рукописи, то пусть она побудет у меня, когда-нибудь это обстоятельство будет полезным и для меня..."

От Р. П. К-вой

Фрунзе, 25.I.54 г.

"... Очень сожалею, что А. А. приходится много переживать из-за статьи, но это, по-видимому, никогда не проходит безболезненно, потому что еще очень немногие способны разбираться в серьезных вопросах, а еще меньше смелых людей,которые открыто смогли бы взять на себя какое-нибудь новое дело...

... Я очень горжусь, что именно мой учитель нашел в себе столько смелости и является достаточно эрудированным, чтобы выступить с такой статьей. Но я, как живой человек, и очень уважающий А. А., очень переживаю за всю эту историю и жду хорошего исхода дела и верю в него..."

От нее же

декабрь 1953 г.

"... С большой радостью и гордостью прочла Вашу рукопись о Лысенко. Как убедительно звучит опровержение всех его разбираемых рекомендаций. Тут уж не подкопаться, и каждому, прочитавшему статью, будет ясно, какое очковтирательство в большинстве его практических производственных рекомендаций. И если бы был более выдержан тон статьи, она еще больше выиграла бы. Мне хочется надеяться, что благоразумные люди ее поймут и сделают соответствующие выводы...

... И если бы Вы дали сессии ВАСХНИЛ, наряду с отрицательными сторонами, положительную оценку, как одобренную ЦК и отметили то, что она расшевелила умы ученых, то это придало бы статье более объективный характер..."

Ответ А. А. на это письмо

9.XII.53 г.

"... Я очень рад, что она Вам кажется убедительной, как и большинству тех биологов и читателей. которые не ослеплены теми или иными предрассудками.

Вы думаете, что если бы я дал сессии ВАСХНИЛ наряду с отрицательными сторонами также и положительную оценку, как одобренную ЦК, и отметил бы, что она расшевелила умы ученых, то это придало бы моей статье более объективный характер. Это была бы не объективность, а чистейшее подхалимство. Решительно никаких положительных сторон сессия ВАСХНИЛа не имеет: это сплошной позор нашей истории; никаких умов она не расшевелила, а об одобрении ЦК сейчас даже упоминать не стоит. Ни в одном из партийных документов, вышедших в 1953 г. (статьи в

“Коммунисте, тезисы по истории партии и проч.) даже нет упоминания о всех тех постановлениях, о которых так много кричали эти годы (постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград”, о философской дискуссии и проч.). Ясно, что современное руководство уже считает их, пока молчаливо, не заслугами, а ошибкой. Признать открыто ошибку мешают прежде всего многочисленные “ученые” или из пробравшихся наверх лысенковцев или из тех, кто из подхалимства и страха слишком сделали много уступок и теперь им неловко сознаться в их подхалимстве. И до 1948 года Лысенко занимал очень видное положение, имел журналы и ряд кафедр (наиболее ответственных и видных) были заняты лысенковцами.

До 1948 года было несколько курсов дарвинизма. Сейчас, после расшевеления мозгов” мы не имеем никакого курса дарвинизма. во всех вузах преподают черт знает что по совершенно дикой программе.

Сессия ВАСХНИЛ 48 года есть сплошной позор, принесший огромный вред нашему престижу за границей среди честных прогрессивных людей. Если бы Лысенко не был так невежествен и вздорен, то можно было бы подумать, что какая-то вражеская рука вредила.

Полная аналогия с марризмом. Прочтите слова Сталина: “... если бы я не был уверен в личной честности Мещанинова и других, решил бы что здесь идет речь о вредительстве...”

От П. Г.

Ленинград, 5.XII.53 г.

“... Прочел твою замечательную “Монополию”. Меня больше всего интересовала именно критика практических предложений и мероприятий Лысенко, так как я очень мало смыслю в агрономии и вредной энтомологии, а много раз слышал, особенно от партийных коллег, что теоретический бред этого деятеля должен иметь какой-то коррелят в действительности, раз он столь блестяще оправдывается реальной практической выгодой, которую получает наше государство от мероприятий. на нем основанных. Такая аргументация стоит на столь высоком уровне осведомленности в затрагивае-

мых вопросах, что и конечные выводы, делаемые тобою, представляются вполне ясными и обоснованными.

Некоторые критические замечания, которые следуют ниже, относятся к форме изложения и погрешностям тактического порядка. А форма и тактика для документов этого рода имеют весьма существенное значение. Формальным недостатком твоей статьи является некоторая нестройность как ее плана, так и его выполнения. Это не может не повредить ее убедительности и доходчивости. Она несколько напоминает разросшийся естественным порядком, но в разных направлениях и беспорядочно кустарник, или не пасынкованный куст помидоров. Твоя мысль дает боковые побеги, которые излишне усложняют архитектуру всего построения в целом. Я разумею... (*перечисление ряда пунктов и разбор их - О. П.*).

... Все написанное мною продиктовано лишь опасением, что твоя превосходная работа не произведет того впечатления, которое могла бы произвести, если бы она была более тщательно отработана со стороны ее построения и если бы из нее были удалены те места,которые остались непонятными и не могли бы иметь успеха в тех кругах, на которые она рассчитана.

Хотя я по-прежнему не смотрю оптимистически на результат выступлений, подобных твоему, но тем не менее жду с большим интересом продолжения твоей критики Лысенко..."

От А. И. К-ва

Щученск, 8.III.54 г.

"... Во Фрунзе меня удивил разговор с Ф. А. Разговор зашел о Вашем выступлении против засилья Лысенко в биологии. Я привел ему несколько примеров из Вашей статьи, а также несколько примеров из фактов наших опытных станций, когда работники были вынуждены умалчивать или даже выискивать данные о "преимуществах" летних посевов люцерны, посевов на стерне и некоторых других непререкаемых истин.

Ф. А. вполне согласился с этими недостатками, но тем не менее пришел к выводу о том, что все агрономические работы должны идти по старому руслу и целиком под эгидой Т. Д. "Что будет, - сказал он, - если поднимутся снова разногласия в этой области. Тогда правительство совсем не сможет разобраться в истине".

Не знаю, почему он представляет таким беспомощным наше правительство, но кажется и детям известно, что однобокое направление в науке вовсе не способствует раскрытию истины и при таком положении, при всем желании, отыскать эту истину действительно не легко.

Такое рассуждение меня просто, что называется, ошарашило. Или он это не подумал, или действительно материальное благополучие пускает свои глубокие корни не только в мировоззрение, но и в способность логического рассуждения... “

От проф Ю.

Фрунзе, 18.X.54 г.

“... Вашу принципиальную борьбу понимаю и принимаю, хотя в Ваших вопросах ничего не смыслю. Думаю, что борьба идет именно принципиальная, научная. (Практически-то Вам с Лысенко делить нечего!) Монополия в науке - трагедия науки. Хочется думать, что в Вашей области это уже пройденный этап, как и в нашей, хотя у нас дело обошлось без грома и молний. В биологии дело, правда, было труднее, так как не обошлось без трупов, у нас этого не было. Принципиально же мы были в одном положении: монополия...”

От Славы*

Минск, 14.IV.55 г.

“... Кстати, о Лысенко, ясно одно, что его никто не любит, за исключением его прихлебателей и подхалимов, хотя и они отвалятся от него быстро, стоит только ветру подуть с другой стороны. К сожалению, я об этом поздно узнал, недели полторы тому назад в местном университете была прочитана лекция профессором Турбиным из Ленинграда о современных взглядах на внутривидовые изменения и по другим вопросам. По рассказам, лекция прошла весьма интересно и с резкими выпадами против Лысенко (со стороны Турбина), который закончил лекцию словами о том, что Лысенко завел аракчеевский режим в биологии. Во время лекции из зала раздавались реплики вроде такой - послать Лысенко на укреп-

ление колхозов председателем колхоза и пр., пр. Аудитория вела себя весьма бурно и восторженно. Все же думаю, надо ждать открытой дискуссии в печати...”

От П. В. Терентьева

Ленинград, 13.XI.55 г.

“... Надо сказать, что Мичуринская сессия ЛГУ, и вообще в Ленинграде, прошла под знаком различения “мичуринства” от “лысенковства” (мысль, которую с удовольствием нашел и в Вашей рукописи).

Так первый докладчик сессии К. М.Завадский текстуально показал, что сам Мичурин признавал “дискретность наследственных факторов”, употреблял слово “ген”, высоко ценил труды и личность Н. И. Вавилова и т. П. Большинство докладчиков ему вторили и, таким образом, я мог со спокойной совестью принять активное участие в сессии. Правда в Москве наш университет величают “реакционным”!..

Вообще за последние месяцы обстановка, по-видимому, опять ухудшилась и лысенковцы не только остановились в своем падении, но стали даже несколько подниматься. Таковы мои сведения. А как Вы полагаете?

Первую главу Вашей рукописи “О монополии...” прочел с большим удовольствием: четко, ясно и объективно. Подобный разбор шаг за шагом всех благоглупостей Т. Д. Л. есть дело великой важности. Надо рассеять туман и клубы фимиама, искусственно созданные вокруг этого вредителя нашей науки! Рано или поздно правительство поймет весь тот огромный ущерб, который ТДЛ причинил и нашей науке и нашему престижу, и нашей хозяйственной жизни. Но когда это будет?!! Восхищаюсь Вашим мужеством. Было бы прекрасно увидеть Вашу книгу в печати, но, боюсь, что сейчас это невозможно. Могу ли я оставить рукопись 1-ой главы себе или вернуть ее Вам? На днях видел П. Г. Светлова и он обещал дать мне для прочтения 2-ю и 3-ю главы...

Совершенно согласен с Вами, что большинство биологов отрицательно настроены к математике по причине своего полного математического невежества. Однако надо с этим бороться! Пусть зевают на докладах и замалчивают статьи по биометрии, но свое дейс-

твие и доклады и статьи оказывают (пусть медленно). Я прошу Вас выступить с докладом на нашей кафедре по вопросу о методике количественного учета и по приложению биометрии к систематике именно для того, чтобы “взбудоражить болото”. Надо использовать возможность выступления, пока я еще заведую кафедрой. Кто знает сколько это еще продлится?.. Вы говорите остро и показать нашим обскурантам наличие в науке инакомыслия весьма полезно...”

От Р. П. Караваевой

Фрунзе, ноябрь 1955 г.

“... Я очень благодарна Вам за присылку 3-й главы. Я ее уже прочла и опять в диком восторге. С этих пор я на Мичурина буду смотреть иначе. До работы А. А. я знала его больше по брошюрам и кое-что по его Избранным сочинениям, а теперь я его знаю достаточно хорошо. Гений А. А. так ясно показал все его “роли”, что ни осталось даже маленькой тени. Как только А. А. может все обобщить и всему отвести свое место? Это просто здорово!

Главы А. А. читаются у нас нарасхват - на меня даже сердятся многие, что я им не хочу дать почитать, а у меня просто очередь не доходит.

Лущихин, Турдаков остались в восторге. Выходцев даже, при своей чрезвычайной осторожности говорит, что это ПОДВИГ, что не каждый отважиться говорить об этом и т. Д.

Как нам всем хочется скорее иметь IV главу Вашу, пришлите, пожалуйста, хотя бы самый плохой экземпляр...

Выходцев 7.XI прилетел из Ленинграда, где был на координационном совещании ботаников. Остался бесконечно доволен! На этом совещании все, как будто сговорились, били в одну точку: ругали и избивали “Лысего”, как его называют. Подняли на щит покойного Вавилова, говорили е нем, как о незабвенном, гениальном, почтенном и т. Д. Все были за полиплоиды, за их права гражданские и выгоду; что в Америке 70-80% посевов кукурузы занято ими и что они дают на 20-30 ц выше урожай по сравнению с обычными гибридами.

Защищались и отстаивались многие положения Моргана и Менделя и т. Д. и т. П.

Зав. Кафедрой дарвинизма Лен. Университета в своем докладе высек наших философов, которые старались подменить дарвинизм лысенковщиной, хотя сами не могут разобраться в нем как следует...

Один доклад акад. Юаранова - дир.БИНа с его сотрудниками какими-то назывался так: “Забытые страницы из биографии Мичурина (И. В. Мичурин и Вавилов), в нем демонстрировались фото и другие документы, говорящие о том, что только Вавилов поддерживал Мичурина при жизни, а Лысенко он стал нужен только мертвый, чтобы поднять себя на щит. Выходцев говорил, что буквально Вашими словами было это сказано, как и многое другое на этом совещании...

Говорили, что Лысенко - это гнойный нарыв в биологической науке, что он отбросил нашу биологическую науку на 100 лет назад по сравнению с заграницей, что пора с этим покончить и т. Д.

В., будучи человеком чрезмерной осторожности, просто был удивлен всем этим.

Да, еще говорят о том в Ленинграде, что в ЦК подано письмо за 90 подписями крупных ученых, в котором просят осудить и выгнать Лысенко и т. Д.

У меня прямо дух захватывает от всего этого. Все-таки правда возьмет верх!

И как я бесконечно горда, если я на это имею право, тем, что ум Александра Александровича все это предвосхитил! Ведь это он всколыхнул это стоячее болото! Правда, тут еще надо уточнить, что не всякий даже ученый сумел бы это сделать. Сейчас только Г..Земляная говорила о том, что у нее не хватило бы жизни, чтобы написать так, с таким блеском и знанием дела только III главу. Я ей сейчас дала 2-ю главу.

А вот 1 главу так и не могу найти - ее зачитали! Это безобразие не могу выразить на русском языке и что мне теперь делать. Жаль не только того, что ее нет, но еще больше жаль, что ее многие не смогут прочесть! А она для многих доступна! Во 2-й главе многие не могут разобраться не только из молодежи, но даже и постарше...”

20.VIII.55 г.

Дорогой Иосиф Давыдович!*)

А. А. скоро отправится в путь, вероятно увидится с Вами и передаст мой Вам подарок: новый томик "Мыслей о многом" - то, что вызывает у Вас двойственное чувство. Говорю Вашими же словами: "В писаниях А.А., я имею в виду его т. н. публичные выступления, имеются две стороны. С одной стороны, в них личная смелость, гражданская мужественность, честность, благородство, остроумие, благие желания, их (писаний) единичность, следовательно, исключительность, как известного общественного явления. С другой стороны, наряду с благоуханной свежестью мыслей и чувств, в этих писаниях можно найти недостатки, которые не соответствуют общему уровню научной методики и научной деятельности А. А. Этими недостатками, на мой взгляд, являются скольжение иногда по поверхности явлений, поверхность наблюдений (частности вне общей связи), скоропалительность суждений, упрощение сложности явлений и событий (сведение их неизменно), поспешность в выводах (я не говорю уже о фактических ошибках и ляпсусах, проистекающих от той же поспешности суждения. (...)

К чему сводится моя критика А. А.?

Исследование вопросов общественной жизни требует строго научного подхода, методичности, осторожности в суждениях и выводах, как этого требует систематика, математика и проч. Области, в которых А. А. является хозяином положения, в которых он придерживается строгой научной методики накопления фактов, анализа, синтеза. Общественная жизнь, к сожалению, не познается средствами математики, математически точно, но и она мстит за пренебрежение научной строгостью подхода к объяснению фактов (кстати, и к их выявлению), за ошибочные предпосылки и формулы, за поспешность в суждениях и выводах".

"... Как бы я не относился к действенности критических работ А. А. и оценке круга его проблем (при всей их важности, а также значимости выступлений А. А.), я все же считаю, что это проблемы не первоочередного порядка, не жизненно важные, не магистральные..."

“... К моей критике я должен добавить следующие факты. Как вы знаете я сам читал это с наслаждением, люди же различных возрастов и уровня, читавшие этот опус, приходили в дикий восторг. Приятно было смотреть на эти непосредственные изъявления. Один восторженный уверял меня, что Вы - мифическое лицо. И тем не менее... я отсылаю старое письмо. Я думаю, что только при личной встрече я мог бы ясно изложить мои возражения...”

Вот ваша личная встреча скоро и состоится, а чтобы можно было предметно спорить, то я и постаралась очень быстро (в три дня состряпала) этот сборник всех выступлений А. А., которые Вы подвергаете суровой критике. И заодно посылаю Вам отклики (неполные, конечно) других читателей.

Я чувствую себя сейчас лучше, но все же что-то у меня в организме случилось: попросту почувствовала старость. И это очень грустно, так как сейчас, как никогда, надо иметь побольше сил и бодрости.

Желаю Вам здоровья, это главное в жизни. Большой привет Лие Менделевне. Надеюсь, что все сборники “Мыслей о многом” у Вас будут бережно храниться, Вы один из наших “хранителей” рукописей, ведь Вы “подписчик на Полное собрание сочинений”. Правда, 2-3 главы Вам пока не посылаются, я уже размножила 3 раза и все же подписчиков так много...

От И. Д. Амусина - О. П. и Л. А.

пос. Лупино, 25.VIII.55 г.

Дорогие Ольга Петровна и Любовь Александровна!

Третьего дня, т. Е. 23.VIII я испытал великую радость от встречи с Ал. Ал. И хотя первая наша встреча была недолгой, трудно даже передать до чего мне было хорошо и радостно снова увидеться с Ал. Александровичем. одно скажу вам: вы очень счастливые женщины, что вашим мужем и братом и другом является чудный и ни с кем несравнимый А. А.

Большое вам сердечное спасибо, дорогая Ольга Петровна, за замечательный подарок: “Мысли”, Гоголя и подборку “откликов”. “Мыслей” еще не успел прочесть, но и так вижу, что все очень интересно. Подборка - волнующий документ, особенно письмо Ц.,

который выразил общее мнение об А. А. Именно излучает атмосферу душевного благородства, честности... Что касается меня, то я многое мог бы добавить к его очень меткой характеристике, т. К. имел большое счастье общаться весьма близко целых четыре года. Ограничусь , однако, одним только добавлением, но, кажется, весьма существенным: я в присутствии А. А. молодею, а иногда наоборот, кажусь совсем уже старым по сравнению с ним...

Еще раз благодарю Вас, О. П., за великолепный подарок. Если дойдет до меня очередь на 2 и 3 главы "Монополии" буду Вам очень признателен. Нужно ли мне, говорить Вам, как дороги мне работы А. А., даже если не с каждым его утверждением я согласен..."

От Л. М. Глускиной О. П.

пос. Лупино, 25.VIII.55 г.

"... Мы с И. Д. провели мой отпуск, а его рабочее время под Москвой в чудесном дачном поселке под Звенигородом. От Москвы мы совсем оторваны и чтобы повидаться с А. А. И. Давыдовичу пришлось пойти на хитрость и поехать под благовидным предлогом в попутной машиной в город. Встрече обрадовался очень, говорит, что они так долго целовались на Арбатской площади, что вокруг собралась толпа. А. А. хорошо выглядит, по словам И. Д., очень бодро, оптимистически и , как всегда,после встречи с ним переполнен любовного трепета (иначе не скажешь) и восхищения. Я мельком прочла (у меня здесь нет времени читать в свое удовольствие) кое-какие "отклики", и считаю их важным документальным свидетельством эпохи. Поразительно, как в нескольких строках, в 1-2 страницах текста раскрывается человек и то, что за ним стоит. Цалкин, например, сумел прекрасно передать чувства многих, болеющих "истиной и справедливостью людей при столкновении с А. А. и его посланиями, а Б-ко - это неглупый, но мелкий человек, которому дороже всего собственное благополучие, купленное ценой компромиссов, умолчаний и показной благопристойности. Он не хочет разглашать свою переписку с А. А., но в то же время надеется,что она ему когда-либо пригодится. Авось ветер подует с другой стороны..."

29.XI.55 г.

проф. Бей-Биенко

Глубокоуважаемый Григорий Яковлевич!

Не удивляйтесь, что вместо письма Ал. Ал. в ответ на Ваше, Вы получите мое очень длинное письмо. Объясняется это двумя причинами: 1) Ал. Ал. не имеет обыкновения сразу отвечать на письма и потому задержка ответа может быть длительной; 2) мне захотелось именно сразу, под настроением, ответить на Ваше письмо, т. К. Ал. Ал. имеет обыкновение давать мне читать письма своих друзей (пусть они на это не сердятся!) и делиться со мной своими впечатлениями, и поэтому я в курсе всех деловых и неделовых его писем.

Почему мне именно на этот раз захотелось Вам сразу же ответить. Я вижу, что Вы действительно дружески относитесь к Ал. Ал. и хотите ему всяческих благ, и в то же время (я это чувствую) Вы совершенно его не понимаете и потому невольно в Ваших письмах как бы обвиняете его в том, что он делает не то, что надо, и даете дружеские советы, что же ему надо делать. Вы являетесь в некотором смысле обвинителем-прокурором, но прокурором мягким, Вы не выносите окончательный обвинительный приговор, и даже находите пути для обвиняемого к его исправлению.

Когда-то в ранней моей молодости, когда мне было всего 16 лет, я совершила “преступление”: соблазнила весь свой класс в гимназии с интернатом поехать весной покататься на Острова (тогда это было еще в Петрограде). Начальство гимназическое узнало об этом и, когда мы вернулись, то нас ждал весь синклит карающий, во главе с директором, который и произнес блестящую обвинительную речь и вынес соответствующую кару для нас. Я, помню, тогда не устрашилась обвинительной речи и выступила в защиту нашего весьма легкомысленного поступка (по тогдашним временам). Директор выслушал мою речь и посоветовал мне после окончания поступить на юридический факультет и, тогда, когда он будет на скамье подсудимых, произнести речь в его защиту, а “пока, - сказал он, разрешите мне быть вашим прокурором”. С тех пор прошло 42 года, я не стала юристом, мне не пришлось никого за-

щищать, но теперь, на склоне лет, я ощутила острую потребность выступить с защитительной речью - защитить Ал. Ал. от Ваших обвинений. Не сомневаюсь, что он, если бы захотел, сделал бы это лучше меня, но он этого делать сам не будет.

Заранее извиняюсь, что отниму у Вас Ваше время, но Вы мое письмо прочтите на сон грядущий, когда Вы уже не будете заняты серьезной научной работой, и не будете в претензии на мою смелость в смысле выступления, да еще перед лицом мне лично незнакомым. Опять-таки, принимая во внимание мой почтенный возраст, я надеюсь на прощение меня.

Я же (в виде некоторого возмещения потери Вами времени) напомнила еще раз Ал. Ал., что Вам нужно послать уваровские работы, что он и сделает, думаю, что они Вам очень нужны.

Итак, начинаю. Прежде всего приведу Ваши обвинения:

“... Относительно Лысенко я думаю, что Вы занимаетесь бесполезным делом - только тратите напрасно время и создаете вокруг своего имени ореол беспокойного человека. Переключите лучше свою энергию на Хальтицини. При Вашей голове и энергии - стоит ли заниматься этим? Невредно вспомнить и Дон-Кихота? “ (Это в прошлом письме - О. П.)

“... Мне до сих пор казалось, что житейский опыт делает людей мягче, - так, по крайней мере происходит со мной. А Вы почему-то становитесь все более “угловатым”...”

И далее снова совет: “... Мне хочется, чтобы Ваши знания и Ваш талант стали бы общим достоянием. Что для этого требуется сделать - мне кажется немногое: делать научные статьи (на основе обработки имеющихся данных) и не противопоставлять себя другим, быть более терпимым к человеческим недостаткам”. (Подчеркнуто мной - О. П.)

Вот и разрешите мне исходить в своей защите из этих Ваших положений.

Итак, первое, что Вы считаете неправильным в научной деятельности Ал. Ал. это то, что он занимается бесполезным делом, подразумевая под этим его работу, направленную против недопустимости монополии в биологии.

Не думайте пожалуйста, дорогой Георгий Яковлевич, что его близкие люди (дочь, я, друзья)все очень приветствовали это его

выступление, сразу оценили его по достоинству. Нет, далеко нет. Я думаю что Вам и Вашей жене, которая по словам Ал. Ал. очень хорошо и дружески к нему относится, вполне понятны наши волнения за Ал. Ал., наши предупреждения его о том, что его ждет на этом пути борьбы. Чтобы Вам это было более понятно, я приведу Вам некоторые выдержки из писем его дочери, написанные еще в тяжкие дни 1948 г.:

"... О бате я тревожусь все время, думаю и передумываю всю его судьбу, так больно мне и странно за него, и в то же время я горжусь своим отцом, счастлива, что он такой, что поступает так, как полагалось поступать по его всегдашним убеждениям. Я знаю, что он имеет много единомышленников из своих сверстников, которые теоретически вполне солидарны с ним, но увы! - только теоретически. Только мой батя полностью сохранил темперамент своей молодости и высокие принципы товарищества и гуманности. От всего этого я очень счастлива, но не могу отделаться теперь от постоянной горькой мысли о нем - что же будет с ним на склоне дней?

... Мне ужасно грустно, что у бати есть горькие места в сердце, которые иногда не дают ему спать. Я это подозревала. И очень жалею, что не ошиблась. Читая его мудрые и трезвые письма, я часто думаю о том, что он самый настоящий учитель для современности и какая страшная и убогая узость мысли порочит его.. .

Такие опасения тогда были связаны с тем, что Ал. Ал. писал своим детям:

"... Ситуация сейчас такова, что мое положение может серьезно измениться. Вы все знаете о дискуссии в ВАСХНИЛе. После постановления Академии сняты с работы многие видные ученые... Есть намерение пересмотреть все кадры биологических кафедр. Сняты с заведования кафедрами дарвинизма авторы учебников, рекомендованных Министерством Высшего образования (Парамонов в Москве и Поляков в Харькове), а учебники, написанные в требуемом современностью духе, вообще еще не написаны. Это, между прочим,хороший урок тем, кто думал, что можно спастись достаточной угодливостью. Угождали, да оказалось не тем, кому надо: и осторожности не спасает. Меня в свое время упрекали в неосторожности, а я как раз тогда выступал против одного из столпов

морганизма, американца Меллера, когда он был в 1936 г. в Ленинграде...”

Это было 8 лет тому назад. Ал. Ал. тогда не сняли, его очень ценили в Киргизии. Но работа в Киргизии его не удовлетворяла, в 1949 г. он писал дочери: “... Не успеешь сделать работу как следует, а интерес к ней в верхах остынет и недоделанное приходится бросать... Работа же, которая, несомненно имеет ценность, здесь внушает подозрение,так как в ней много математической статистики”.

Однако в Киргизии Ал. Ал. сделал большие работы, оставшиеся ненапечатанными и никем не отмеченные.

Ал. Ал. в недавнем письме к дочери о своих научных планах и проделанной им работе за прежнее время пишет:

“... На старости лет я столкнулся с необыкновенным явлением: чрезвычайно возросшим интересом к изучению земляных блошек. Все мои близкие знакомые и родственники все время твердят, что я должен прежде всего заниматься земляными блошками. Ну, добро энтомологи, как Бей-Биенко, Штакельберг и другие - это вполне понятно, но чрезвычайный интерес к систематике земляных блошек сейчас проявляют: моя почтенная супруга, дочка и сын, историк И. Л. Ам., филолог Н. Я. М-м и ряд других лиц... И поэтому считаю себя обязанным дать краткий отчет о положении на этом фронте науки. Это тем более уместно, что в этом году исполняется 30-летний юбилей моей деятельности по изучению земляных блошек. И мое письмо содержит ответ за этот период.

За все это время, за исключением двух лет во Фрунзе, эта работа была неплановая, я ей посвящал только свободное время. Сделано по этому вопросу: 1. Собраны огромные материалы по очень большому числу областей Советского Союза, очень большие материалы на вате пропали в Киеве, но сохранились все-таки 17 ящиков монтированных блошек. В Киргизии и теперь я к ним прибавил еще, сейчас у меня имеется примерно 35 ящиков монтированных блошек, заключающих на 1. Х. 1955 г. 12882 блошки, из коих 4984 самца с препарированными копулятивными органами. Число видов около трехсот. Для сравнения могу сказать, что материал Зоологического Института, где я привел в самый грубый порядок

около 28 тысяч экземпляров, заключает около 60 тыс.блошек, относящихся к 1294 видам и содержащим только 834 отпрепарированных самца, т. Е. мой препарированный материал в 6 раз превышает материал Зоологического Института".

2. Как уже указано, приведен в элементарный порядок материал ЗИНа по блошкам, составлена опись. (Кстати, Ал. Ал. в свое время просил ЗИН дать ему справку о проведенной работе для предоставления начальству здесь, но даже этой справки ЗИН не прислал - О. П.)

3. Представлена с тщательной обработкой и зарисовкой около 80 пенисов, коллекции рода Лонгитарзус.

4. Написана монография "Земляные блошки Киргизии", объемом 186 стр. машинописи, с описанием 15 новых видов.

5. Проведена обработка с применением метода дискриминантных функций некоторых видов Хальтика.

Сейчас я провожу дополнительную монтировку киргизских материалов. Уже монтировано больше 1600 штук и осталось еще примерно столько же. Эту дополнительную монтировку я намерен кончить этой зимой и тогда приступить к систематической обработке рода Филлотрета.

Как видишь, хотя до печати не дошло ни одной работы, но проделана немалая предварительная работа и поэтому никакого разговора о том, что я думаю бросить блошек не может быть и речи...

... Систематика вещь трудоемкая. Для того, чтобы монтировать, скажем, тысячу блошек, с препаровкой требуется не менее 100 часов. Много времени отнимает систематизация, определение, измерение, изготовление этикеток. Все эти работы являются отдыхом. Я так и думаю делать, что примерно половину времени (часа 3 в день) я буду заниматься серьезной работой, а половину той работой, которая тоже необходима для серьезной работы, но которая, вместе с тем, является отдыхом. Вот я и надеюсь так провести обработку блошек. Род Филлотрета (3 года) - 1956/1958; род Афтона (2 года) - 1959/1960; род Лонгитарзус, самый большой и трудный (4 года) - 1961/1964 и род Хальтика (3 года) - 1965-1968 г. Этим, конечно, блошки не заканчиваются, но вряд ли мне удастся до конца жизни с ними справиться".

В этом же письме Ал. Ал. подробно останавливается на истории его научных интересов, на причинах того, почему от стал изучать математику, философию, различные биологические проблемы. Все это, естественно, отвлекало Ал. Ал. от его основной темы, но как он пишет: “Для меня стало совершенно ясно,что вести борьбу за более правильное понимание биологических проблем можно только широким фронтом, охватывая одновременно и философскую сторону, и политическую”.

И далее он поясняет:

“... Поэтому теперь тебе станет немножко ясно, что хотя я и не думаю отказываться от блошек, но что они составляют только часть гораздо более широкой программы, задуманной мной давно, но которая с полной ясностью предстала передо мной за последние 5-10 лет. Вся беда в том, что все то, что для меня наиболее интересно, выходит из круга официальной науки и не может включаться в официальный план. Вот почему я и решил выйти на пенсию, принимая во внимание мой почтенный возраст и желание использовать остаток жизни для моей собственной работы, а не навязанной извне.

Если блошки являются конкретной частью моих занятий, то теоретической частью в данном разделе будет составление сводки, носящей название “Общая систематика”. Задачей ее является продумывание систематических понятий независимо от области ее применения. Кроме указанной уже печатной работы “О форме естественной системы” мною по этому поводу написаны две рукописи: 1. “Программа общей систематики” и 2. “О некоторых постулатах общей систематики”. Последнюю я пробовал печатать, но не удалось. Думаю, что в ближайшие годы удастся. Вся работа должна заключать ряд разделов: а) практическая систематика; б) номотетическая систематика; в) филогения и систематика; г) построение естественных систем; д) логика и философия систематики. Думаю, что мне ее удастся написать, начиная приблизительно с 1959-1960, а может быть 1961 года, в это время она, вероятно, будет главной работой.”

Далее идут планы относительно написания философских работ и, наконец, ответ на Ваш вопрос - о полезности и бесполезности

работ, посвященных Лысенко, дает Ал. Ал. в этом же письме к дочери:

"... Теперь почему же я так занят Лысенко? И почему эта работа меня так увлекает?.."

Ал. Ал. подробно в этом письме разбирает необходимость борьбы на этом фронте, указывая, что вся система образования уже лет семнадцать такова, что мы страшно отстали от мировой науки.

Он пишет: "... Но тебе, как и многим другим, кажется, что с моей стороны является нелепым донкихотством одному пытаться сокрушить то, что не удалось сокрушить многим. На это отвечу. Во-первых, я далеко не один. Среди академиков есть и почтенные люди: Сукачев, Цицин, Кнунянц, ряд профессоров и т. Д. Если бы ты последила за журналами: "Ботанический журнал", "Бюллетень московского о-ва испытателей природы", "Известия Тимирязевской академии", "Вестник Ленинградского университета" и даже "Успехи современной биологии" (гнездо лысенковцев), то убедилась бы, что позиции медленно завоевываются и появились уже несколько десятков статей, критикующих Лысенко с разных сторон. И число таких лиц все увеличивается и выступления многих не доходят до печати. Как раз в ЦК я познакомился с неким доцентом Голубинским, пожилым человеком, который с 1952 года ведет борьбу с Лысенко. Поэтому так называемое "чувство локтя" имеет место и здесь. Один из моих новых преданных друзей по поводу уже первой главы правильно отметил, что она критикует не только Лысенко, но всю систему. И эта критика вызывает большое одобрение многих лиц, часто даже неожиданное. Например, вторую главу, посвященную менделизму-морганизму, я рассматривал как популярное изложение истин известных специалистам и думал, что она для специалистов будет неинтересна. Но высокую оценку эта глава получила не только от Шмальгаузена и Беклемишева, но и от таких специалистов, как Дубинин и Жербак. Третья глава мне доставила еще большее удовлетворение. Там я пытался провести критику Мичурина и Вильямса. С Вильямсом я был раньше совсем незнаком. И если ты помнишь, то сущность моих высказываний о Вильямсе сводилась к следующему: всю систему Вильямса бессовестно исказили и все же ошибки, которые приписывали Вильямсу, на самом деле являются ошибками Лысенко, но, однако, и сам

Вильямс совершал грубейшие ошибки, которые и необходимо, конечно, исправить. Травопольную систему по-настоящему почти никто (кроме Мальцева) не применял и никто ее как следует не критиковал. Мне доставило большое удовлетворение убедиться, что два равновесных ученика Вильямса, а именно сестра Нины Петровны Беклемишевой - Наталья Петровна Колпенская и указанный уже доцент Голубинский подтвердили мне, что я совершенно правильно излагаю сущность травопольной системы и в общем не выдвинули против моих взглядов никаких существенных возражений. А эта глава, переданная Натальей Петровной в ЦК, послужила к тому, что работник отдела сельского хозяйства ЦК Орлов выразил живейшее желание познакомиться со мной и провел со мной и Голубинским полуторачасовую беседу...

... Доводы скептиков, что меня просто слушать не будут, сейчас уже полностью опровергнуты. Читают меня в ЦК чрезвычайно внимательно, с большим интересом, не высказывают ни малейшего осуждения. Орлов только упрекнул меня за чрезмерную резкость, а то. в чем расходятся со мной старался терпеливо разъяснить. Набобов и бюрократов в ЦК я не встретил. Набобов и бюрократов очень много среди ученых: академики - Топчиев, Опарин и пр...., вся наша верхушка Киргизской Академии Наук, эти вот заботятся только о своих высоких доходах и всячески стараются задержать то, чего они не понимают, что великолепно видно хотя бы по отказу Кожанчикова. С ними я тоже пытаюсь говорить, но надежду возлагаю не на них.

Поэтому работа о Лысенко доставляет мне огромное удовлетворение, так как я чувствую, что я здесь выполняю настоящую общественную работу (Завадовский это даже отметил в одной трогательной телеграмме), вызывающую огромное сочувствие прогрессивных ученых и в значительной степени незаменимую. Огромное большинство ученых являются более или менее узкими специалистами и у них нет той общей подготовки, которая имеется у меня и которая позволяет охватить вопрос со всех сторон. Сейчас я пишу 4-ю главу, разбирающую теорию Лысенко. а затем напишу 5 и 6 главы, касающиеся политической и философской стороны вопроса. Политическая глава будет, наверно, наиболее острой. В разговоре в ЦК мой план одобрили и ждут. Собеседник прямо заметил, что

очень жаль, что еще нет этих глав. Вполне одобрено мое намерение выйти на пенсию и заняться беспрепятственно собственной работой. Сказали: “Вам на пять лет работы хватит? “ Я ответил, что пять лет мне мало, надо 15. Пожелали доброго здоровья”.

Ал. Ал. настолько полно изложил свои планы в этом письме, что, казалось бы, мне и добавлять уже к этому нечего. Но я ведь адвокат, поэтому это все лишь факты, к ним надо будет добавить еще некоторые отклики со стороны, чтобы подкрепить сказанное Ал. Ал.

Посмотрим одинок ли он в своей борьбе, правильно или неправильно он сделал, что сказал сам себе “НАДО”, хотя кругом ему все говорили: “НЕ НАДО”.

Помните как Вы в одном из своих писем писали Ал. Ал., что лучше было бы, если бы выступил не он, а его ученики. И не Вы один так думали. Наш общий друг с Ал. Ал. одна очень умная женщина-филолог тоже писала Ал. Ал. в 1953 г.:

“... И я говорю свое “не надо” с других позиций. Самое серьезное и самое убедительное для меня в Вашем письме - это то, что Вы ощущаете мое молчание как болезнь, что оно, в сущности, и есть причина болезни. Это прекрасное мужское свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины - очевидно люди с более глубокой социальной совестью, чем мы - бабье - всегда болели, а часто и умирали, если не могли говорить о своей науке или искусстве того, что им велела совесть. Но мне жаль многих тех, которые не вовремя начинали. В период марризма было много тяжелого и немало людей болели и не выдерживали - кто не выдерживал молчания, кто травли, которую учиняли марристы.

Я абсолютно уверена, что наша наука и искусство всегда выходит после шатаний на дорогу, не в эту минуту так в следующую. Задержать движение можно, но остановить нельзя, потому что наука продолжалась и при Марре, но она не была официальной, признанной. Разве биологи сейчас не работают, вопреки крику лысенковцев? Пожалуй самое трудное - преподавание. Марристские программы появились у нас только накануне дискуссии - по ним ни разу не было прочитано курса. В курсах были только марристские украшения. И я очень поняла Виноградова, когда он сказал в своем выступлении в дискуссии, что с этим (т. е. с марристскими

установками) нельзя идти в аудиторию к студентам. Я думаю, что нельзя идти и в биологии со всеми существующими установками в поле... Что делать? Кому начать? Я не знаю как быть. Вы считаете своим долгом первым заговорить. Я хочу же, чтобы первым заговорило молодое поколение. Я хочу, чтобы это страшное мужское сознание долга было менее социальным, ведь есть у Вас долг перед наукой (в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы. Есть два долга - один - наука, другой - ответственность за те формы, которые получает данная отрасль науки в данную историческую минуту. Я не уверена, что второй долг серьезнее первого. Решает ведь первое. Именно первое - открытие. событие, находка - сметает второе. Физика, очевидно, гигантски развивалась последние десять лет... Она наверно, именно первым путем сметала проблему второго пути (несомненно они тоже были). Я бы никогда не говорила "не надо" о проблемах первого пути - от этого долга я бы никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я не уверена. Может правы ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь - самое главное. Что делать?"

На это вопрос ответил сам Ал. Ал. в письме от 17.IX.53 г.

"... О Вашем совете: не надо, не надо, не надо... Я понимаю, что Вы, недавно пострадав из-за желания исправить недостатки преподавания, естественно от всей души рекомендуете мне воздержаться и предоставить критику кому-то другому и думать, что наука все равно разовьется.

Смею Вас уверить, что я поднял это дело вовсе не из-за желания покритиковать, а именно потому, что аракчеевский режим буквально задерживает науку. Правда, он заметно пошатнулся и проходящая сейчас сессия ВАСХНИЛа совсем не носит триумфальный характер для Лысенко. Тов. Хрущев прямо говорит о частом явлении подхалимства перед некоторыми учеными. Пятилетие сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ни одним словом не отмечено в газетах. Совершенно ясно, что руководители правительства совсем не склон-

ны поддерживать безоговорочно Лысенко, но они явно не хотят вмешиваться в науку, пока сами ученые не подымут голоса. Некоторые ученые (Сукачев и др.) подымают. Даже кроткий Опарин написал письмо в “Успехи советской биологии”, где категорически опровергает напечатанное в работе Лепешинской и в рецензии на эту работу Никитенко утверждение Лепешинской о том, что, якобы, под влиянием Лепешинской он, Опарин, отказался от своих взглядов о невозможности самозарождения в настоящее время.

Вся беда в том, что наши олимпийцы или 1) являются узкими специалистами и не способны подойти с общей точки зрения; 2) на ученый Олимп пробралось много нахальных господ, которые совсем не намерены расставаться со своими доходами; 3) многие почтенные по своим научным достоинствам люди за эти годы слишком скомпрометировали себя вынужденными признаниями и сейчас у них не хватает мужества признаться вновь в “ошибках”, а их жены, домочадцы и друзья говорят им: не надо, не надо, не надо... и без вас обойдутся; 4)наконец, атмосфера в Москве и в Ленинграде такова. что там сейчас особенно много трусят, так как Лысенко и прочие за всякое противодействие старались сживать с места. Но из писем моих друзей москвичей я вижу, что этот страх уже начинает проходить...”

Я не буду приводить Вам даже краткую хронику событий за это время после выступления Ал. Ал. с первой главой “Монополии”, они Вам Известны. Было много всяческих волнений, переживаний (больше всего у меня и у близких, Ал. Ал. сохранял поразительное хладнокровие и выдержку в своей борьбе).

Как Вы знаете фронт борьбы в 1954 г. сильно расширился. Об этом свидетельствует дискуссия о виде на страницах “Ботанического журнала”, об этом же говорят многочисленные письма, получаемые редакциями журналов, да и в ЦК, как сказали Ал. Ал. в отделе сельского хозяйство РСФСР получено 2500 листов разных материалов по этому вопросу.

Ал. Ал. продолжал свою работу, написал 2-ю и 3-ю главы. Ал. Ал. в предисловии ко 2-ой главе указал, что “огромное количество ошибок, сделанных Лысенко и его школой как в теоретической области, так и безоговорочная поддержка его философии , выдвигает как одну из актуальнейших задач подробный разбор биологичес-

ких и философских обоснований того, что обычно называется советским творческим дарвинизмом и противоположных ему взглядов”.

Помимо этой работы Ал. Ал. пишет ряд публицистических статей, посылает их в журналы, в “Лит. Газету”. К ним относятся: “О науке и писателях” по поводу статьи Л. Успенского “Поэзия науки” (октябрь 1954г.), статьи “Писатель и наука” Геннадия Фиша (“Лит. Газета” от 26. X.54 г.), письмо в “Лит. Газету” по поводу статьи В. Доброхвалова “Догмы и жизнь”.

Я не буду приводить Вам массы откликов на эти письма и со стороны редакций и друзей, так как это заняло бы много места, но они очень характерны и интересны, также, как интересны и статьи Ал. Ал.

Ал. Ал. Интересует все, что происходит в нашей общественной жизни, причем интересует не только с личной точки зрения, а именно с общественной и он никак не хочет остаться в стороне. Прошел 2-ой съезд писателей, за которым Ал. Ал. следил с большим интересом и результатом явилось большое и получившее просто восторженные отклики со стороны многих неофициальных читателей “Открытое письмо академику Корнейчуку”. Письмо это он передал и в ЦК и там им настолько заинтересовались, что два раза звонили в Ульяновск (через Обком) с просьбой зайти при приезде в Москву поговорить в ЦК, дали два телефона и две фамилии, к кому обратиться. И письма эти, если Вы захотите, и подробности разговора , Ал. Ал. Передаст Вам по приезде в Ленинград.

Приведу только два “отклика” на письмо Корнейчуку:

“... Письмо изумительное! Оно написано со страстностью живого, впечатлительного человека, с обстоятельным анализом ученого, изложено в полемическом стиле, содержит много щедринского юмора, карикатур и даже дружеский шарж. В некоторых местах мы дружно и много смеялись, а вообще-то - грустно.

Свои впечатления я всегда проверяю на людях свежих, неискушенных. Они ярче, непроизвольнее реагируют на то, что не входит в круг их повседневных обязанностей.

Вот и в настоящем случае я радовалась, что на окружающих письмо Ал. Ал. произвело такое же потрясающее впечатление, как и на меня.

Интересуюсь очень результатами переговоров по поводу этого письма.

Очень сожалею, что третья часть “Монополии” попала не в мой адрес. Трудно мне будет ее раздобыть. Там тоже целая плеяда читателей...”

И второй отклик:

“... Как Вы знаете, я сам читал “Открытое письмо” с наслаждением, люди различных возрастов и уровней, читавшие этот опус, приходили в дикий восторг. Приятно было смотреть на эти непосредственные изъявления. Один восторженный уверял меня, что Вы - мифическое лицо. И тем не менее... я отсылаю старое письмо. Я думаю, что только при личной встрече я мог бы ясно изложить свои возражения. А пока хочу молить для Вас здоровья, бодрости, доброго настроения, чтобы Вы могли дальше творить и писать прелестные вещи...”

Из этих двух откликов Вы видите, что письмо действительно интересное, но, как пишет наш друг, историк, “тем не менее...”

И другой корреспондент, отзываясь более чем одобрительно в отношении “Открытого письма”, так же добавляет: “Но его не напечатают, слишком много общих вопросов оно затрагивает...”

Вы резонно можете задать вопрос: “А как Вы относитесь к подобного рода писаниям своего мужа? Судя по письму Ал. Ал. к дочери, видно, что Вы-то сами в душе не очень их одобряете и тоже настаиваете на том, чтобы он занимался своим непосредственным делом - работал по своей специальности”.

Это законный вопрос и здесь я отступлю от аргументов, необходимых для защитника, в виде документов и фактов и уже буду выступать перед Вами не как адвокат, а просто как обыкновенная жена, судьбой ставшая женой ученого.

Скажу Вам откровенно: я часто, так же как и Вы и многие другие, не понимала Ал. Ал. и тоже думала, что он делает не свое дело. Я не научный работник, даже не имею высшего образования, по профессии я съездовая стенографистка. Моя профессия, длительная работа в Ленинграде, запись самых разнородных материа-

лов, сильно развила меня, правда, я о многом имею более чем поверхностное представление, но зато моя профессия дала мне возможность увидеть много людей, на разных стадиях переживать с массой людей разные политические события, поскольку приходилось записывать очень разнородные материалы, отражающие нашу эпоху. Затем, в годы войны, пребывание на фронте, затем в Берлине, работа в эти годы в очень интересной области, опять-таки дала мне многое для понимания и политической обстановки и психологии различных людей при различных ситуациях как в научной, так и в политической обстановке. И эта моя профессия привила мне острый интерес ко всему, что происходит в нашей стране. Вот, вероятно, чем объясняется и то, что я с интересом относилась всегда и отношусь к тому, что пишет мой, не укладывающийся ни в какие рамки принятого стандарта образа советского ученого, Ал. Ал.

Естественно, что я, воспитанная во многом официальными съездами и выступлениями, была сразу несколько удивлена совсем другим подходом к нашим общественным явлениям в разных отраслях со стороны Ал. Ал. Его критическая способность очень ярко всегда проявлялась при обсуждении того или иного явления в нашей жизни. Когда наступил тяжелый для нас 1948 год я почувствовала инстинктивно, что А. А. прав, отстаивая свое право ученого иметь собственное мнение. И я сразу поддержала его, поддержала его желание уйти из Фрунзенского Педагогического института, тем самым потерять довольно большую сумму денег, так как остаться там можно было лишь путем принесения публичного покаяния, а Ал. Ал. тогда открыто сказал на собрании, что он просить покаяния не будет, хотя это и модно. И я тогда вместе с ним была готова к худшему. Но все обошлось, с работы его не сняли.

Пришел 1953 год, когда А. А. выступил открыто против монополии в биологии. У меня было много колебаний в вопросе “надо” или “не надо”. Как обыкновенная женщина, к тому же пожилая, я естественно хотела покоя не только для себя, но и для моего беспокойного мужа, а потому я нередко уговаривала его не допускать резкостей в выражении своих трезвых мыслей, допускать иногда некоторую дипломатию, одним словом, по Вашему выражению, быть “умницей, осторожным и дипломатом”. Вы не знаете реакции Ал. Ал. на мои подобные замечания. Я ведь - жена, близкий ему

человек, следовательно, по его мнению, я должна его знать лучше, чем другие, я должна его всецело понимать и вот, как казалось ему, непонимание мое его, неверие в него, приводило его чуть ли не в ярость. Он мог стучать кулаком, мог кричать, мог нервно ходить из угла в угол, мог бросать начатую им работу,, которую я написала под его диктовку и при этом имела неосторожность сделать то или иное замечание. Как я обычно реагировала на это? - Приносила ему валериановые капли и прекращала разговор. Потом он извинялся и мир снова восстанавливался, но некоторое время он не прибегал к диктовке мне, а писал сам.

В минуты мира я говорила ему: “Твои письма, статьи очень искренние, чувствуется, что ты пишешь это с болью в сердце, желаешь развития твоей науки и развития сельского хозяйства на твоей родине. Я понимаю тебя, что вопросы, которые ты затрагиваешь, очень волнуют тебя, так же как они волнуют и многих других. Против этого я ничего не могу возразить, кроме как выразить тебе благодарность, что ты существуешь на свете и сохранил до старости юное сердце, полное самых благородных порывов и мужества, но я совсем не уверена, что тебя правильно поймут. Ты затрагиваешь многих, которые уже официально поставлены на пьедестал святых и беспорочных и, главное, которые в глазах массы тоже давно кажутся незыблемыми авторитетами и очень трудно сейчас, даже движимому самыми благородными и патриотическими стремлениями, развенчать этот авторитет. Гораздо проще подвергнуть критике тебя, дерзнувшего на снятие покрова святости, чем громко сказать: “А король-то, голый”. А движимые тобой порывы: любовь к родине. к науке, борьбы за истину - можно легко превратить в их противоположность. Вот чего я боюсь. Очень хотелось бы, чтобы оправдался твой прогноз, а не мои предчувствия...”

Вот, что говорила я, разве это не совпадает с мнением многих и многих, думаю, что в глубине души и Вы так думаете.

Но Ал. Ал. был непоколебим: он продолжал делать то, что считал нужным, на него не действовали уговоры быть осторожным, дипломатом. он так и написал Никите Сергеевичу Хрущеву, препровождая в Цк 2-ю и 3-ю главы: “... Я мог посвящать этой работе только урывки времени от педагогической деятельности, а работа писалась с большой затратой нервной энергии. Хотя стиль ее ре-

зок, но написана она не желчью личных обид, а кровью старого, но еще не остывшего сердца не могущего выносить то несчастье и позор, которые принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей Родине и моей науке...”

Когда я прочла эти строки, я поняла по-настоящему, какое мужество нужно иметь, чтобы это написать, как нужно чувствовать остро все, что происходит у нас в сельском хозяйстве, чтобы не побояться написать правдиво то, что думаешь.

Но не думайте, что мои тревоги прошли. Когда Ал. Ал. уехал на курорт, захватив с собой рукописи 2-й и 3-й глав в Москву, я не могла не волноваться. Меня все же мучил вопрос “надо” или “не надо”, поймут ли его правильно или не поймут. И в минуты такого раздумья я написала письмо одному из новых друзей (Цалкин, письмо от 30.XII.54 - ред.) Ал. Ал. в Москве. Я не знаю лично его, как не знаю и Вас, но я по письмам чувствовала всегда искреннее его уважение к Ал. Ал. и этого было для меня достаточно для того, чтобы задать волнующий меня вопрос.

Я получила от него очень большой и содержательный ответ. Приведу Вам некоторые выдержки из него, чтобы показать Вам как относится к Ал. Ал. люди, которые очень мало его знают, но судят о нем по тому, что он написал за последние годы и по тем редким встречам, которые происходили у них с ним в Москве.

“... Вы, конечно, знаете, что проездом на курорт Ал. Ал. был в Москве. Однажды вечером он зашел ко мне и мы провели вместе несколько часов, беседуя о разных, преимущественно, конечно, научных делах. Когда Ал. Ал. ушел, моя жена, присутствовавшая при нашем разговоре, сказала: “Господи, боже мой, да ведь этот старик - он юноша по сравнению с нами. Такая поразительная ясность мысли и свежесть чувств, столько жизненного темперамента. И такой эрудит. Кажется в первый раз я встречаю такого человека”. То же ощущение испытываю я, беседую с Ал. Ал. или читая его статьи и письма. Меня бесконечно радует и пленяет излучаемая атмосфера душевного благородства, глубокой честности и принципиальности, т. е. всего того, что свойственно настоящему Человеку (с большой буквы) и что так редко сейчас встречается в нашем мире “мастеров науки”.

... Вы ставите передо мной очень трудный вопрос: нужно ли Ал. Ал. продолжать свою работу и борьбу против Лысенко? “Не надо” или “надо”...

... Предстоит еще длительная борьба с обскурантизмом в науке. Но я глубоко убежден, что она приведет к победе. Уверенность в этом мне дает уважение к стране и к народу... Как и Вам, мне хотелось бы, чтобы это произошло немедленно, сегодня же, но так не будет: слишком далеко пущены корни, слишком многие вопросы актуальнейшего характера приходится сейчас решать правительству.

Что же касается позиции каждого отдельного лица в этом вопросе, то это дело личной совести. Можно, конечно, и помолчать, ожидая пока кто-нибудь сделает это за нас. Но если в душе есть любовь к Родине, к ее народу, к ее науке, то молчать нельзя: нужно выполнять свой долг, трудно это или не трудно. И такой человек, как Ваш муж, не может остаться в стороне от этой борьбы, не сможет и не должен. На этом пути его не ожидают слава, почести и аплодисменты, переходящие в овацию. Но, думаю, что бороться с этим обманом страны его долг и он выполнит его так же, как не смог бы пройти мимо совершающегося на глазах преступления... Не думаю, чтобы Вы смогли что-либо изменить сейчас в его жизненном пути, надо только беречь здоровье и силы этого чудесного человека.. .

Я не буду приводить подробного анализа причин, породивших лысенковщину и того равнодушия, которое я обнаружил в бытность свою в Ленинграде и в Москве у многих биологов к этим вопросам, отсутствие воли и стремления к борьбе, так как не имею право оглашать частное мнение уважаемого мной лица, но могу сказать, что он поражает меня (Ал. Ал.)своей глубиной и правильной оценкой создавшегося положения”.

Это же лицо в свое время по поводу 2-й главы писало:

“... Получил рукопись Вашей 2-й главы. Сейчас не столько читаю, сколько “грызу” ее. Как и большинство зоологов моего поколения (автору лет за сорок - О. П.) я мало образован в общетеоретических вопросах, и ничего не понимаю в генетике. Мы ведь этакая научная мастеровщина, что-то вроде столяров: одни из нас, поспособнее, соответствуют краснодеревщикам, другие, поплоше,

не идут далее изготовления научных табуреток. Но в обоих случаях до подлинного интереса к основным вопросам теории конструкции дело не доходит. Сейчас, пожалуй, можно по пальцам пересчитать ученых, имеющих в биологии общий широкий горизонт. Во всей стране, кроме Вас, найдется вряд ли более десяти человек. Это вряд ли случайно. Поэтому Вашу статью мне придется прочесть и не раз, и не два, чтобы оценить ее по достоинству...”

Высоко оценивает рукопись Ал. Ал. и один из наших академиков (Акад. Ш., письмо от 13.II.55 г. - ред.), стоящих также в оппозиции к Лысенко. Он пишет:

“... С большим удовольствием, а некоторые страницы прямо с наслаждением, прочитал Ваши рукописи. Я завидую Вашей энергии и работоспособности в самых неблагоприятных условиях - другой на Вашем месте давно опустил бы руки. Правда, и я не бросил работать..., но я чувствую себя не в силах уже вести активную борьбу за научную правду. Тем более я ценю и приветствую Ваши усилия. Я отчасти разделяю Ваш оптимизм - теперь со свинским отношением к ученым все же уже покончено и можно спокойно работать. Появилась даже надежда на то, что со временем удастся напечатать и эти Ваши статьи “О монополии Лысенко”...

И, наконец, приведу последний “отклик” из числа очень многих, имеющихся у нас, так же отвечающий на вопрос “надо” или “не надо”. Это мнение очень эрудированного ученого (П. Г. Светлов, письмо от 18. X.55 г., но тоже вначале не понявшего замысел Ал. Ал. при написании его “Монополии” и уяснившего его лишь по прочтении 2-й и 3-й главы.

Он пишет:

“...2-я и 3-я главы твоей “Монополии” ходят по рукам по моему выбору с твоего разрешения и имеют большой успех. О 3-й главе я уже писал тебе свои впечатления и получил ответ. Прочтение 2-й главы окончательно убедило меня в том, что по-началу я не понял и недооценил твоего замечательного замысла, в чем и сознаюсь. Для меня стало ясным, что дело идет не столько о научной публицистике на злободневные темы и не о доказательстве того, что 2+2=4 и что Волга впадает в Каспийское море, сколько о создании оригинальной научной монографии по теоретической биологии, в которой будет изложено то, что вообще никогда не излагалось, а

мусор послужит в качестве сподручного строительного материала. Т. е. тобой задумана вещь, построенная по типу диалогов Платона и Анти-Дюринга, где полемическая форма служит средством для экспозиции воззрений автора, и потому сочинение поднимается на подлинный диалектический уровень (не ограничивается отрицанием чего-то). Может быть Господь Бог допустил существование Лысенко, чтобы создать адекватную форму для высказываний Любищева! Ведь для твоей головы полемика (полемос - сражение, борьба) - все равно, что бензин для мотора. Одним словом пиши, ждем продолжения.

(Далее перечень полемических вопросов без аргументации - О. П.)

В общем все очень ярко и интересно. Слишком длинен анализ книг Мортона и Файфа, особенно первого. Такая критика - только незаслуженная реклама этих книг, кто их читает?”

Я привела эти отрывки из писем Вам для того, чтобы показать тот интерес, который проявляют к этой непечатной и едва ли скоро увидящей свет работе Ал. Ал.

И совсем недавно на вопрос “надо” или “не надо” Ал. Ал. пишут (*П.В. Терентьев, письмо 13.XI.55 г. - ред.*):

“... Разбор шаг за шагом всех благоглупостей ТДЛ есть дело великой важности. Надо рассеять радужный туман и клубы фимиама, искусственно созданные вокруг этого вредителя нашей науки! Рано или поздно наше правительство поймет весь тот огромный ущерб, который ТДЛ причинил и нашей науке и нашему престижу, и нашей хозяйственной жизни. Но когда это будет??? Восхищаюсь Вашим мужеством. Было бы прекрасно увидеть Вашу книгу в печати, но боюсь, что сейчас это невыполнимо...

Совершенно согласен с Вами, что большинство биологов отрицательно настроены к математике по причине своего полного математического невежества. Однако надо с этим бороться! Пусть зевают на докладах и замалчивают статьи по биометрии, но свое действие и доклады и статьи оказывают (пусть медленно)...”

Далее идет предложение Ал. Ал. выступить с докладом по вопросу о методике количественного учета, о приложении биометрии в систематике именно для того, чтобы “взбудоражить болото”.

И из далекого Фрунзе многочисленные друзья Ал. Ал. посылают ему письма, подтверждающие значимость работы Ал. Ал. и ждущие ее продолжения.

Теперь я могу Вам признаться, что сейчас и для меня вопрос “надо” или “не надо” не существует. Я вполне понимаю потребность Ал. Ал. говорить, пусть пока еще далеко не полным голосом. Я не останавливаю его, хотя, конечно, если бы в моих силах было его остановить и если бы он смог бы стать иным человеком, более мягким, более терпимым к недостаткам (как уговариваете Вы его), менее угловатым, а стал бы обычным профессором, знающим хорошо ту отрасль знания, которая аттестована ВАКом, то, вероятно, наша жизнь была бы куда удобнее, легче и приятнее. Мы жили бы вероятно в центре, пользовались всеми благами и преимуществами больших центров (вплоть до того, что не имели бы представления, что такое проблема питания, как это увы и ах, слишком очевидно в провинции), Ал. Ал. пользовался бы должным уважением и почетом со стороны официальных органов и официальных лиц (хотя, как мне кажется, там и сейчас его уважают, но только не выражают это словесно). Но я вполне примиряюсь со всеми теми последствиями, которые имеют место именно из-за того, что Ал. Ал. и к старости не изменил своего характера, а остался (по моему мнению, да и по мнению многих) именно Человеком с большой буквы, болеющим за правду, за истину, боящимся с догматизмом в науке и в других областях нашей жизни.

Вы пишете, что Ал. Ал. противопоставляет себя другим. Ни ему, ни мне это совсем непонятно. Насколько я знаю Ал. Ал., видя его ежедневно, наблюдая его в разных обстановках, я могу в его защиту сказать, что более простого человека в смысле взаимоотношений с другими людьми , особенно с теми, кто стоит ниже его по уровню знаний и положению, я не встречала. Он любит выслушивать чужие мнения, любит чтобы с ним спорили, но, действительно, не признает догматизма и канонов.

Еще в 1919 г. Ал. Ал. в своем “Дневнике”, который он вел в Симферополе, писал: “... Удивительно до чего в биологии ценят только “открытия” в области фактов, и совершенно не ценят воззрения того же автора в теоретических областях; хуже того, нельзя сказать, чтобы их не ценили, их просто не считают нужным опро-

вергать”. С тех пор прошло много времени, в биологии канонизировали взгляды Лысенко и возражения не прощаются.

А. А. как-то писал своей дочери:

“... Почти во всяком человеке глубоко внедрилась необходимость опираться на что-либо прочное, абсолютно достоверное в том или ином смысле: без чего-то абсолютного, какого-то совершенного авторитета, какой-то веры, выходящей за пределы чистого разума трудно жить даже людям с высоким интеллектом... Может быть такое тяготение к авторитету и не бессмысленно: оно укрепляет мысль человека в определенных направлениях и закрывает ей свободу в других, а когда во всех направлениях свобода - естественно получается растекание мысли по древу, значительное бесплодие, чему примером являюсь я. Но я думаю, что в небольшом количестве люди, подобные мне, необходимы, хотя в большом количестве - это вещь нестерпимая...”

Как Вы видите, самокритика тут у Ал. Ал. жестокая. Так что он никак не противопоставляет себя другим, а признает свое существование (или подобных ему) лишь в очень ограниченном количестве, т. К. считает, что люди, подобные ему (по Вашему определению “угловатые”, “беспокойные”, по определению А. А. Штакельберга “инциндентноспособные”, по определению других ищущие истину и правдолюбы) вещь нестерпимая в большом количестве.

Так что разрешите считать Ваше обвинение в противопоставлении себя другим неосновательным.

Встает спорный вопрос о долге советского ученого. Является ли долгом советского ученого обязательно стоять на стороне принятой интерпретации по тому или иному вопросу.

И на этот вопрос отвечает Ал. Ал. в письме к одному из моих друзей, с которым у Ал. Ал. завязалась переписка по одному из этических вопросов. Мой друг написал мне, что Ал. Ал. не прав критикуя “Лит. Газету”, поместившую заметку “Разве Петя не прав?” (и эти вопросы интересуют моего “юного” Ал. Ал.), что его статья в “Лит. Газету” была ниже уровня советского ученого, что по таким вопросам можно говорить только в частной беседе за ужином в кругу друзей, а не выступать публично.

Ал. Ал. ответил ему относительно понимания им уровня советского ученого и долга.

“Я полагаю, что долг советского ученого заключается в том, чтобы вдумываться во все аргументы “за” и “против”по тому или иному вопросу, но в своем окончательном выводе не повторять обязательно того, что на данный момент является принятой аргументацией. Вот, если я когда-либо от этого отступлю, тогда я действительно заслужу упрек, что я пал ниже уровня советского ученого. Пока со мной этого не случилось...”

Это писал Ал. Ал. в 1951 году, т. Е. до его активного выступления против Лысенко.

Теперь последнее замечание. Ал. Ал. часто ругают, что он занимается не своим делом и Вы ему рекомендуете писать научные статьи на основе его большого опыта и наблюдений. Здесь я уже говорю словами Ал. Ал.

- Спрашивается, а какое мое дело? И как Вы его себе представляете. Я считаю, что я именно занимаюсь моим делом. Два моих близких друга, оба очень умных человека, оба, к сожалению, уже умершие, еще давно определили мое истинное дело. Незабвенный А. Г. Гурвич в первые годы нашего с ним знакомства мне сказал: “Я полагаю, что Вашим главным делом будет не нахождение новых фактов, а теоретические размышления” и прибавил еще слова Шопенгауэра, что наиболее ценным является не увидеть что-то новое, а о том, что все видели, думать так как раньше никто не думал. Я тогда, по глупости, огорчился, а теперь вижу, что он правильно оценил мои способности. Другой мой друг по поводу первой моей работы, где было недостаточно фактического материала, спросил: “Ну, наверно две страницы будет наблюдений, а остальное “теоретише бетрахтунген”. Это был Иван Николаевич Филипьев. Я тоже тогда сдуру обиделся. Но я все-таки и фактами занимаюсь. В порядке отдохновения от “теоретише бетрахтунге”. Получил новый великолепный микроскоп и препарирую своих блошек. Намерен переработать свою старую рукопись “Земляные блошки Киргизии”... А так как в отношении “бетрахтунген” у биологов слабо, то я полагаю, что я делаю дело, вспоминая великого Бэра, у которого так и писалось: “Беобахтунген унд рефлексионен”.

Может быть эту характеристику полезного дела, данную самим Ал. Ал. Вы считаете противопоставлением себя другим?

О писании научных статей и работ. Ал. Ал. Просит передать, что он считает статью “К методике количественного учета”, о напечатании которой возник спор, научной работой, так как она написана им как раз на основании 22-х летних наблюдений, в качестве материалов им использованы личные материалы 1200 экскурсий, следовательно, по Вашему определению, это и есть как раз то,что, казалось бы, нужно, что и подтверждает отзыв В. Н.Беклемишева, признанный руководством Кирг. Акад. Наук не компетентным, т. К. В. Н.Беклемишев друг Ал. Ал. и там, видимо, считают, что отзывы В. Н.Беклемишев дает по дружбе.

Я не буду писать Вам по поводу других работ Ал. Ал., которые тоже не видят свет, т. К. Вам уже достаточно писал об этом сам А. А.

На этом я заканчиваю свою защиту Ал. Ал., возможно она недостаточно аргументирована, но она несколько затянулась, что я больше не могу злоупотреблять Вашим вниманием. Простите, что написала столь длинное письмо, но мне хотелось более обстоятельно обрисовать Вам облик ал. Ал. Не знаю, насколько мне это удалось и нужно ли это Вам.

Передайте привет Вашей жене и дайте ей прочесть мое письмо, если оно ее заинтересует. Вообще можете его показывать, кому угодно, хотя бы самому Е. Н. Павловскому. Кстати, Ал. Ал. просит Вас спросить, какова судьба проекта его письма к нему. Вероятно никто ему не доложил об этом и Ал. Ал., видимо, придется самому обратиться с письмом к Евгению Никаноровичу, против которого лично Ал. Ал. никогда не выступает, он ведь только считает, что не всегда осторожность во благо нашей Родине.

С приветом

Уважающая Вас (О. Орлицкая)

От С. Голубинского

Персиановка, Ростовский СХИ

24.IV.56 г.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Благодарю за присланную рукопись - главу III о монополии Лысенко в биологии, читаю и даже изучаю с удовлетворением.

Не прошло и года после нашей встречи в ЦК КПСС, где Вы так решительно и мужественно высказали свое мнение по адресу Т. Д. Лысенко.

Ваше предсказание, по-видимому, удивившее нашего собеседника из ЦК КПСС - с. х. отдел - сбылось.

Некоторые ученые-хамелеоны, чего доброго, будут говорить, что и они ратовали против гегемонии в биологии; в этом отношении среди московских жрецов науки не мало своего рода “диалектиков”. Да, это, к сожалению, факт...

От И. И. Шмальгаузена

Москва, 7.VII.56 г.

Дорогой Александр Александрович!

Получил Ваше письмо. Меня очень огорчило, что Вы меня не так поняли. Я не хотел сказать, что Ваш труд вообще пропадает даром и что им вообще никто не интересуется. Я так же даю читать Ваши произведения и они очень полезны, их очень ценят те биологи (также физики, математики), которые и без того не на стороне Лысенко, но сами не достаточно разбираются во всех затронутых вопросах.

Я хотел сказать лишь, что они очевидно не производят никакого впечатления на наше начальство, которое считает почему-то нужным оберегать авторитет Лысенко и культ личности Мичурина.

С Вашими сроками (1960-1965) я согласен, однако для меня они слишком удалены и поэтому я продолжаю быть пессимистом. Думающая молодежь имеется, но ее немного и у нее теперь не хватает знаний. Этого не наверстать. Новые лица в отделении и в редакциях не означают пока серьезного сдвига. Энгельгардт недостаточно решителен, да и Мишустин, по-видимому, не тверд. Гайсинович был генетиком, но человек он более чем осторожный. Вообще людей принципиальных не так много. Конечно, все развивается закономерно... Вообще с биологами дело плохо. Последнее десятилетие показало им, что биология как наука мичуринская, самобытная, не нуждается в точном эксперименте, ни в учете степени достоверности результатов сравнения и т. П. буржуазных измышлениях. Это очень выгодная позиция, дающая им без труда ученые сте-

пени и обеспечивающие научную карьеру и право преподавания в ВУЗах. С такими привилегиями они без труда не расстанутся. А в результате развитие общей биологии и особенно эволюционных проблем остановлено. Другое дело физики - они привыкли к точным методам и поэтому они сразу стали в оппозицию к Лысенко и “мичуринцам” (о самом Мичурине они, конечно, не имеют представления). Однако, физикам говорят: “Ведь вы ничего не понимаете в биологии”. Это говорят люди, которые воображают, что они разбираются в биологии только потому, что они имеют какое-то отношение к сельскому хозяйству.

Что касается зарубежной биологии, о которой вскользь упоминается в Вашем письме, то там, наоборот, идет довольно интенсивная работа по вопросам эволюции и видообразования... О прежнем дарвинизме не может быть и речи, так как представления о механизме естественного отбора коренным образом переработаны и в моей книге ведь дарвинизм вовсе не похож на прежний, хотя я этого и не подчеркиваю...

Пока Ваши статьи о Лысенко не напечатаны они не могут оказывать большого влияния, даже если каждый из Ваших 20 экземпляров прочитают 5-10 человек. А главное они не оказывают влияния на положение биологической науки в Союзе, а это ведь главное их назначение.

Именной указатель

Авотин-Павлов лысенковец

Агишев Р. журналист

Аграновский журналист

Алмазова доярка

Алексеев энтомолог

Александров Н.

Алпатов В.В. 1898-1979 биолог, эволюционист (в архиве Л. 50 писем к Алпатову)

Амундсен Р. путешественник

Амусин И.Д. историк, в архиве Л. 47 писем к Амусину

Андерсен сказочник

Баранов П.А. 1892-1962, ботаник

Беклемишев В.Н. 1890-1962, зоолог, академик АН СССР, в архиве Л. 40 писем к Беклемишеву

Беклемишева Н.П. жена В.Н.Беклемишева

Бей-Биенко Г.Я. 1903-1971, энтомолог, в архиве Л. 17 писем к Бей-Биенко
Беляев Д. журналист
Белкин Р
Берг Л.С. 1876-1950, биолог
Берия советский, партийный деятель
Бергсон А. 1859-1941, философ
Богданов Б.Н.
Богданов А.П. зоолог
Бошьян лысенковец
Буйницкий преподаватель пединститута в Киргизии
Бушинский В.П.
Бэтсон эволюционист
Вавилов Н.И. 1887-1943, генетик и селекционер, президент ВАСХНИЛ
Ванин Д.Е. агроном
Вейсман
Веньяминов А.Н. селекционер
Верн Ж. писатель
Вильямс В.Р. 1863-1939
Виноградов
Галилей
Галявин зав.отделом школ и вузов Ульяновской обл.
Гарин Г. журналист
Геллер зоолог
Генкель П.А.
Гельмгольц Г. 1821-1894
Глущенко И.Е. лысенковец
Глускина Л.М. корреспондент Л.
Гитлер
Голубинский С.С. почвовед, ученик Вильямса
Глобородько колхозник
Гребень академик
Грелль
Гришко Н.Н.
Гунар И.
Гурвич А.Г. 1874-1954, биолог, теоретик, учитель А.А. Любищева, в архиве Л. 32 письма к Гурвичу
Дарвин 1809-1882, эволюционист
Дарлингтон
Давыдович И.
Дворянкин Ф.А.
Делоне
Демидов С.Ф. лысенковец
Демирский партийный деятель
Деревицкий Н.Ф.

Дмитриев В.С.   лысенковец
Доброхвалов лысенковец
Докучаев почвовед
Долгушин Ю. журналист
Дубинин Н.П. генетик, академик
Ежов советский партийный деятель
Ефимов А.Л. журналист
Жербак А.Р.
Завадовский М.М.
Завадовский К.М.
Завадский М.М.
Завьялов В. журналист
Захарьин партийный функционер Киргизского филиала АН СССР
Земляная Г. поклонница Любищева
Зорин драматург
Иванов В.В. инструктор ЦК КПСС
Иванов М.Ф.
Иванчиков секретарь Мценского райкома КПСС
Исаев С.И. лысенковец
Карапетян лысенковец
Карпенченко селекционер
Каутский
Караваева Р.П. в архиве Л. 58 писем к Караваевой
Караваева А.И.
Ключеский энтомолог
Кнунянц академик
Колпенская Н.П. ученица Вильямса, почвовед
Кожанчиков
Колесник И.Д. академик
Колданов В.Я. журналист
Коптелов лысенковец
Корнейчук А. писатель, драматург
Красота В.Ф. директор УСХИ
Крыжаноский О.Л. в архиве 19 писем к Крыжановскому
Крылов И.А. баснописец
Кук Ф.
Лавуазье
Ламарк 1744-1829, эволюционист
Лебедев журналист
Левитский генетик, селекционер
Леонов писатель
Лепешинская О.Б. 1871-1963, лысенковец
Линней К. 1707-1773, естествоиспытатель, натуралист
Лобанов лысенковцев

Лобачевский Н.И.	1792-1856, математик
Лотси	
Ломоносов	1711-1765, энциклопедист
Лукьяненко	
Лысенко Т.Д.	1898-1976, агроном, президент ВАСХНИЛ
Ляпунов А.А.	математик
Малаковская В.Н.	жена Г.Я.Бей-Биенко
Мандельштам Н.Я.	ум.1980, филолог, в архиве Л. 30 писем к Мандельштам
Маркс	
Матяс	редактор «Ульяновской правды»
Масс	журналист
Марр	
Меллер	генетик
Мендель	
Михалевич А.	журналист
Михалков С.	писатель, детский поэт
Мичурин И.В.	
Мортон	
Мусийко	лысенковец
Навашин М.	
Некрасова Л.	кандидат с-х. наук
Неклюдов	профессор УСХИ
Немчинов В.С.	
Никитенко	лысенковец
Николаева Г.	журналист
Новиков Н.	журналист
Нуждин Н.И.	лысенковец
Овечкин В.В.	писатель
Озерный М.	колхозник
Ольшанский М.А.	лысенковец
Опарин А.И.	1894-1980, биохимик, академик
Орбели Л.А.	академик
Орлицкая О.П.	жена, А.А.Любищева
Орлов В.П.	1905-1978, партийный работник, в архиве Л. 28 писем к В.П.Орлову
Орлов Ю.А.	1893-1966, палеонтолог, академик, в архиве Л. 18 писем к Ю.А.Орлову
Островитянинов	
Павловский Е.Н.	
Парамонов А.А.	
Парин	
Пастер	
Петрашик	журналист
Петров	лысенковец
Пири	

Писарев	
Писаржевский О.	писатель
Платон	427-347 до н.э., философ
Полевой Б.	писатель
Погодин Н.	писатель
Покровский М.Н.	марксист
Полянский Ю.И.	
Поляков	
Поляков А.Д.	бригадир
Поляков В.	журналист
Пономаренко	
Попов А.	журналист
Попов С.	
Покровский М.А.	писатель
Поспелов	
Презент И.И.	лысенковец
Принц Я.И.	
Прозоров	председатель колхоза в Кировской области
Пуше	
Равдель А.А.	химик, зять Любищева
Равдель Е.А.	дочь Любищева
Райт	
Рапопорт И.А.	генетик
Ричава	колхозник
Ромашов В.	писатель
Ростков А.	журналист
Рузаев К.	
Сабинин Д.А.	1889-1951, ботаник
Сак В.	
Сакотников	журналист
Сахаров В.В.	
Сафонов В.	писатель
Светлов П.Г.	1892-1974, биолог, в архиве Л. 85 писем к Светлову
Сеченов	
Селиверстов	агроном
Серегин И.М.	советский работник
Сидоров Н.	агроном
Синяк И.Т.	председатель колхоза в Ульяновской области
Скулков	секретарь Ульяновского обкома
Смирнов К.	писатель
Сирано-де-Бержерак	
Софрошкин В.В.	философ
Спенсер	
Старцев	директор Ульяновского пединститута
Станков С.С.	ботаник

Строгова Е.	писатель
Студитский А.Н.	
Сукачев В.Н.	1880-1967, ботаник, эколог, академик
Таланов В.В.	селекционер
Талицкий В.И.	энтомолог
Тамм и.Е.	физик
Терентьев П.В.	в архиве Л. 66 писем к Терентьеву
Тимирязев К.А.	
Тимофеев-Ресовский	
Томан Н.	
Топчиев	академик
Троицкий Н.Н.	
Трошин	лысенковец
Турбин Н.В.	р.1912, генетик
Тур	драматург
Уманский Э.Е.	эволюционист
Успенский Л.	писатель
Уэльс Г.	
Файф	
Филипченко Ю.А.	
Филатов	
Фиш Г.	писатель
Фишер Р.	1890-1962, сталинист, генетик
Фролов Г.	
Харитонова	
Холодный Н.Г.	1882-1953, ботаник, эмбриолог
Хохлов С.С.	
Хрущев Н.С.	1894-1971, советский партийный деятель
Цалкин	
Цицкин Н.В.	1898-1980, ботаник, селекционер, академик
Червинский	журналист
Чернышевский	революционный демократ, философ
Черчиль	политический деятель
Чехов	писатель
Шевырев И.Н.	энтомолог
Шмальгаузен И.И.	1884-19**, зоолог, академик
Шостакович	композитор
Штейн А.	писатель
Штакельберг А.А.	в архиве Л. 36 писем к Штакельбергу
Щепкина-Куперник	
Эйнштейн	
Эренбург И.Г.	писатель
Юаранов	
Юдахин К.К.	
Яблоновский	энтомолог

Якименко Ф.Н. председатель колхоза в Ульяновской области
Ячевский А.А.

Содержание

1. Вместо введения...
2. Из письма Е.А. к О.П...
3. Отрывки из статей в “Сов.Киргизии” за 1948 г...
4. Из письма Л. к детям...
5. Из переписки с учеными..
6. Из письма Л. к дочери..
7. Из письма Л. акад.Х 9.10.49 г..
8. О репутации Л...
9. Начало работы над “Монополией Т.Д. Лысенко”..
10. “Надо” или “не надо”. Из переписки с Н.Я. Мандельштам..............................
11. Отклики на памфлет..
12. Письмо Н.С.Хрущева от 21.10.53 г..
13. Отрывки из введения статьи “О монополии Лысенко в биологии”.....................
14. Сельхозинститут г.Ульяновска и “Ульяновская правда” против Любищева (письмо Любищева редактору Н.Матясу от 15.02.54 г., ответ Н.Матяса от 20.04. 54, письмо Любищева Н.Матясу от 25.04.54 г.)..
15. Переписка Л. с учеными после своего выступления против Лысенко.................
16. О дискуссии на страницах “Ботанического журнала” в 1954 г............................
17. Дальнейшая работа над “Монополией”..
18. Письмо Л. в редакцию “Литературной газеты” от 25.04.54 г. по поводу статьи В.Доброхвалова “Догмы и жизнь”...
19. Ответ “Литературной газеты”...
20. Письмо Любищева в редакцию “Литературной газеты” от 7.06.54 г....................
21. О формальном упразднении монополии лысенковского направления в науке..
О науке и писателях.
22. О науке и писателях...
23. Письмо Л. Л.Успенскому..
24. Письмо Дубинину..
25. Письмо Н.С.Хрущеву от 23.04.55 г...
26. Открытое письмо академика А.Корнейчуку...
27. Отклики на письмо А.Корнейчуку..
28. Письмо А.А.Амусину от 23.03.55 г..
29. Из писем Н.Я.Мандельштам, Е.Я.Хазина, В.В.Алпатова.......................................
30. Разговор с Ивановым...
31. Разговор с В.П.Орловым...
32. Письмо В.П.Орлову...
33. Из переписки Орлова-Любищева...
34. Из письма С.С.Хохлову...
35. Из письма К.Н.Завадскому..
К откликам на "Монополию в биологии".
36. От А.А.Р 22.1.53 г...
37. От Ол.Кр-го 2.12.53 г..
38. От Г.Я.Б-ко 18.12.53 г...
39. От Р.П.К-вой 25.1.54 г..
40. От П.Г. 5.12.53 г...
41. От А.И. К-ва 8.3.54 г...
42. От проф.Ю...
43. От Славы...

44. От П.В.Терентьева..
45. От Р.П.Караваевой ноябрь 55 г...
46. Письмо И.Д.Амусину...
47. От И.Д. Амусина...
48. От Л.М.Глускиной..
49. Письмо О.П.Орлицкой Бей-Биенко (“Надо” или “не надо”).........................
50. От С.Голубинского..
51. От И.Шмальгаузена..